

Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний
Вологодский государственный университет

ISSN 2713-2811

IUS PUBLICUM ET PRIVATUM

**Сетевой
научно-практический журнал
частного и публичного права**

pravojournal.ru

4 (24) / 2023

Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний
Вологодский государственный университет

IUS PUBLICUM ET PRIVATUM

Сетевой
научно-практический журнал
частного и публичного права

№ 4 (24) ISSN 2713-2811
Вологда 2023

Издается с июня 2018 года
Выходит 4 раза в год

Учредители:

Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний»,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Вологодский государственный университет»

Главный редактор:
Е. Л. Харьковский

Все права защищены. Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.
Авторские материалы рецензируются и не возвращаются. Редакция сохраняет за собой право
производить сокращения и редакционные изменения рукописи

Представлен в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
по трем научным специальностям: 5.1.1, 5.1.2, 5.1.4.

Дата выхода в свет: 29.12.2023

Журнал представлен на сайте в свободном бесплатном доступе
в полнотекстовом формате

Адрес редакции: 160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2
Телефоны: (8172) 51-82-50, (8172) 51-46-12, (8172) 51-98-70
E-mail: ejournal@inbox.ru

Сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет: pravojournal.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер Эл № ФС77-76066 от 24 июня 2019 г. ISSN 2713-2811

© ВИПЭ ФСИН России, 2023

© ВоГУ, 2023

Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penitentiary Service of Russia
Vologda State University

IUS PUBLICUM ET PRIVATUM

Online scientific and practical
journal of private and public law

№ 4 (24) ISSN 2713-2811
Vologda 2023

Published since June 2018

Published four times a year

Founders:

VILE of the FPS of Russia (Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia),

VoSU (Vologda State University)

Editor-in-Chief:

Evgenii L. Khar'kovsii

All rights reserved. Journal materials can be reprinted only with the permission of the publisher.

Manuscripts are reviewed and not returned to the authors.

The editor reserves the right to abridge and edit the manuscripts submitted

Presented in the system of the Russian Science Citation Index (RSCI)

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications,
in which the main scientific results of dissertations for the degree of PhD., for the degree of Dsc.
should be published of the following scientific specialties: 5.1.1, 5.1.2, 5.1.4.

Date of publication: December 29, 2023

The journal is presented on the website in free access in full-text format

Address of the editorial office:

2, Shchetinin street, Vologda, 160000, Russian Federation

Phones: (8172) 51-82-50, (8172) 51-46-12, (8172) 51-98-70

E-mail: pravojournal@vipe.fsin.gov.ru, ejournal@inbox.ru

Website: pravojournal.ru

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media.

Registration Number EI No. FS77-76066 dated June 24, 2019. ISSN 2713-2811

© VILE of the FPS of Russia, 2023

© VoSU, 2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Харьковский Е. Л. – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент (главный редактор);

Голодов П. В. – начальник кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент (заместитель главного редактора);

Крюкова О. Ю. – старший научный сотрудник отделения организации и координации научно-исследовательской деятельности и международного сотрудничества организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук (ответственный секретарь);

Барков А. В. – профессор кафедры гражданского права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Воронина Н. П. – профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Гаврилов Б. Я. – заведующий кафедрой управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств;

Городов О. А. – профессор кафедры коммерческого права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор;

Дворянсков И. В. – главный научный сотрудник НИИ ФСИН России, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Дугенец А. С. – главный редактор федерального научно-практического журнала «Административное право и процесс», заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Зубкова В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации; главный научный сотрудник лаборатории сравнительного правоведения юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор;

Квашнин В. А. – профессор кафедры юриспруденции Института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета, доктор исторических наук, доцент;

Козаченко И. Я. – заведующий кафедрой уголовного права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор;

Корень Т. А. – заместитель директора по учебной и научной работе Могилевского филиала Частного учреждения образования «БИП – институт правоведения» (Республика Беларусь), кандидат юридических наук;

Кругликов Л. Л. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной академии наук высшей школы и Российской академии естественных наук;

Кузьминых А. Л. – профессор кафедры философии и истории психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;

Кузнецова Е. В. – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Кургузкина Е. Б. – профессор кафедры уголовно-процессуального права Центрального филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук;

Кучин О. С. – профессор кафедры судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент, академик РАН, заслуженный деятель науки и техники РАН;

Мешко Г. – профессор факультета уголовного правосудия и безопасности Университета Марибор (Словения), доктор наук, профессор криминологии;

Мишальченко Ю. В. – генеральный советник Экономического суда СНГ, доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор;

Нагорных Р. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Пантелеева Н. В. – заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова (Республика Беларусь), кандидат юридических наук, доцент;

Поникаров В. А. – профессор кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Попович М. М. – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Ромашов Р. А. – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Самович Ю. В. – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор;

Селиверстов В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Силкин В. П. – доцент кафедры юриспруденции Института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета, кандидат юридических наук;

Старостин С. А. – профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор;

Сухондяева Т. Ю. – доцент кафедры гражданского права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент;

Углицких Д. В. – доцент кафедры юриспруденции Института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета, кандидат юридических наук;

Фархутдинов И. З. – ведущий сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук;

Чукмаитов Д. С. – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Жетысуского государственного университета им. И. Жансугурова (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор;

Шабанов В. Б. – заведующий кафедрой криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор;

Шаталов А. С. – профессор кафедры судебной власти Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор.

EDITORIAL COUNCIL

Evgenii L. Khar'kovsii – Head of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor (Editor-in-Chief);

Pavel V. Golodov – Head of the Department of Administrative Law Disciplines of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, (Deputy Editor-in-Chief);

Ol'ga Yu. Krukova – Senior Researcher of the Sub-branch of Organization and Coordination of Research Activities and International Cooperation of the Organizational and Scientific Department of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (Law) (Executive Secretary);

Aleksei V. Barkov – professor at the Civil Law Department of the Military University of the Ministry of Defense of the Russia, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Natal'ya P. Voronina – professor at the Department of Civil Law Disciplines of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor;

Boris Ya. Gavrilov – Head of the Department of Control of Crime Investigation Agencies of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Sciences (Law), Honored Lawyer of the Russian Federation, Valid Member of the Peter Academy of Sciences and Arts;

Oleg A. Gorodov – professor at the Commercial Law Department of the Law Faculty of the Saint Petersburg State University, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Ivan V. Dvoryanskov – Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, professor at the Department of Penitentiary Law and the Organization of Educational Work with Convicts of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Aleksandr S. Dugenets – Editor-in-Chief of the Federal Scientific and Practical Journal "Administrative Law and Process", Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Valentina I. Zubkova – professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Chief Researcher at the Laboratory of Social and Legal Research and Comparative Law of M.V. Lomonosov Moscow State University, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Vladimir A. Kvashnin – professor at the Department of Jurisprudence of the Institute of Management, Economics and Law of the Vologda State University, Doctor of Sciences (History), Associate Professor;

Ivan Ya. Kozachenko – Head of the Department of Criminal Law of the Ural State Law University, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Tat'yana A. Koren' – Deputy Director for Academic and Scientific Work of the Mogilev Branch of the Private Educational Institution "BIP - Institute of Law" (Republic of Belarus), PhD in Law;

Lev L. Kruglikov – professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the Demidov Yaroslavl State University, Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Valid Member of the International Higher Education Academy of Sciences (IHEAS) and the Russian Academy of Natural Sciences;

Aleksandr L. Kuzminykh – professor at the Department of Philosophy and History of the Faculty of Psychology of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (History), Associate Professor;

Elena V. Kuznetsova – associate professor at the Department of State Law Disciplines of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor;

Elena B. Kurguzkina – professor at the Department of Criminal Procedure Law of the Central Branch of the Russian State University of Justice, Doctor of Sciences (Law);

Oleg S. Kuchin – professor at the Department of Forensic Expertise and Criminalistics of the Russian State University of Justice, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Academician of RANH, Honored Worker of Science and Technology of RAN;

Gorazd Meshko – professor at the Department of Criminal Justice and Security of the University of Maribor (Slovenia), Doctor, Professor of Criminology;

Yurii V. Mishalchenko – General Counsel of the CIS Economic Court, Dsc. in Law, Dsc. In Economics, Professor;

Roman V. Nagornykh – professor at the Department of Administrative Law Disciplines of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor;

Natal'ya V. Panteleeva – Head of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the Kuleshov Mogilev State University (Republic of Belarus), PhD in Law, Associate Professor;

Vladimir A. Ponikarov – professor at the Department of Administrative and Financial Law of the Academy of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor;

Marina M. Popovich – associate professor at the Department of Civil Law Disciplines of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor;

Roman A. Romashov – professor at the Department of State Law Disciplines of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Yuliya V. Samovich – professor at the Department of State and Legal Disciplines of the Kazan Branch of the Russian State University of Justice, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Andrei L. Santashov – professor at the Department of Civil Law Disciplines of the Faculty of Psychology and Law of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor

Vyacheslav I. Seliverstov – professor at the Department of Criminal Law and Criminology of M.V. Lomonosov Moscow State University, Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

Vyacheslav P. Silkin – associate professor at the Department of Jurisprudence of the Institute of Management, Economics and Law of the Vologda State University, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor;

Sergei A. Starostin – professor at the Department of Administrative Law and Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Sciences (Law), Professor;

Tat'yana Yu. Sukhondyaeva – associate professor at the Department of Civil Law of the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor;

Dmitrii V. Uglitskikh – associate professor at the Department of Jurisprudence of the Institute of Management, Economics and Law of the Vologda State University, Candidate of Sciences (Law);

Insur Z. Farkhutdinov – Leading Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Law) (by agreement);

Dulat S. Chukmaitov – professor at the Department of Criminal Law Disciplines of the Zhetysu State University named after Ilyas Zhansugurov (Republic of Kazakhstan), Dsc. in Law, Professor;

Vyacheslav B. Shabanov – Head of the Department of Criminalistics of the Law Faculty of the Belarusian State University, Dsc. in Law, Professor;

Aleksandr S. Shatalov – professor at the Department of Judicial Power of the National Research University "Higher School of Economics", Doctor of Sciences (Law), Professor.

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	10
КАРПУНИНА В. В. Метатеоретический подход к исследованию юридической техники: новые возможности и перспективы.	17
ОБОТУРОВА Н. С. Трансформация либеральной идеи в правовой культуре современного общества	25
ПЕРЕБИНОС Ю. А. Институт плебисцита в исторической ретроспективе.	32
САТТАРОВ В. Д. Правосубъектность искусственного интеллекта: теоретико-правовые проблемы	42
АНИСКИНА Н. В., СТАРОСТИН С. А. Административно-юрисдикционные полномочия сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: новый подход к нормативному регулированию	51
БАТОВА О. С. Становление цифрового (электронного) голосования на выборах в Российской Федерации и перспективы его развития	60
ВОРОНИНА Н. П. Цифровая трансформация сельского хозяйства в контексте обеспечения продовольственной безопасности: правовой опыт стран БРИКС	65
ПЕЛЕНИЦЫНА М. В., ЯЦЕНКО А. О. Правовое регулирование трансграничного оборота судебных актов как объекта признания и исполнения иностранного решения в цивилистическом процессе Российской Федерации	71
РОМАШОВА М. Р. Теория конституционного правопонимания: содержательные и ценностные особенности	78
АВДЕЕВА Е. В. Защита гражданских прав в рамках уголовного процесса по экономическим преступлениям	88
БАЛАСАНОВ М.Р. К вопросу о замене наказания более мягким видом наказания в отношении осужденных к пожизненному лишению свободы.	102
БЕЛЕЙ А. В. Установление факта запуска программного обеспечения в операционной системе Windows при помощи криминалистического анализа Prefetch-файлов	111
БЕРЕСТНЕВ А. И. Модернизация уголовного законодательства в сфере экономической деятельности: реальное состояние, перспективы применения	122
ГАВРИЛОВ Б. Я., СПИРИДОНОВА Ю. Н., ПЬЯНКОВ М. Н. К вопросу о регистрации сообщений о преступлениях и формировании уголовно-правовой статистики .	131
ГАСАНОВ Э. В. Понятие религиозного экстремизма как юридическая категория	139
ДУТОВ Ю. И., ДУТОВ Н. Ю., ТИТОВ И. А. Некоторые проблемы правовой регламентации неотложных следственных действий в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации	145
КАРТАШОВ И. И., КАРТАШОВА И. И. Трансформация уголовного судопроизводства в эпоху цифровой революции	154
КОЗАЕВ Н. Ш., РЯСОВ Д. А. Противодействие реабилитации нацизма и формированию фашистской идеологии: «уроки истории» и современные реалии	162
КРАСОТКИН П. Н., ЛАСТОЧКИН А. Н. О некоторых организационно-правовых вопросах деятельности уголовно-исполнительных инспекций ...	171
ЛАТЫШЕВА Л. А. Особенности уголовной ответственности женщин в отечественном законодательстве XVI–XVIII веков ...	179
МОШНЕНКО О. В. Экономические аспекты реализации права осужденных на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости	186
НЕКРАСОВ В. Н., КАРАВАЕВА Ю. И. Влияние преступности в сфере инновационной деятельности на подготовку юриста в образовательных организациях высшего образования.	193
РУМЯНЦЕВ Н. В. Особенности нормативно-правового регулирования участия осужденных в специальной военной операции.	200

ШКУРЕНКО И. А. К некоторым особенностям правоприменения мелкого хулиганства в исправительных учреждениях	206
ЩУКИНА Н. В. Об особенностях исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных за преступления террористического характера и экстремистской направленности	214
МИРОНОВ А. В. К вопросу о реализации исковых требований потерпевших при применении к виновному наказания в виде лишения свободы.	221
МИШАЛЬЧЕНКО Ю. В., МИШАЛЬЧЕНКО М. Ю., ТАРАНЕЦ В. А. Международно-правовые и политические аспекты эволюции Интерпола	230

CONTENT

EDITORIAL	10
KARPUNINA V.V. Metatheoretical Approach to the Study of Legal Technology: New Opportunities and Prospects	17
OBOTUROVA N.S. Transformation of the Liberal Idea in the Legal Culture of Modern Society	25
PEREBINOS Y.A. Plebiscite in Historical Retrospect	32
SATTAROV V.D. Legal Personality of Artificial Intelligence: Theoretical and Legal Problems	42
ANISKINA N.V., STAROSTIN S.A. Administrative and Jurisdictional Powers of the Russian Penal System Employees: New Approach to Regulatory Regulation	51
BATOVA O.S. Formation of Digital (Electronic) Voting in Elections in the Russian Federation and Development Prospects	60
VORONINA N.P. Digital Transformation of Agriculture in the Context of Ensuring Food Security: Legal Experience of the BRICS Countries (Beginning)	65
PELENITSYNA M. V., YATSENKO A.O. Legal Regulation of Cross-Border Transfers of Judicial Acts as an Object of Recognition and Enforcement of a Foreign Decision in the Civil Procedure of the Russian Federation	71
ROMASHOVA M.R. Theory of Constitutional Law Understanding: Content and Value Features	78
AVDEEVA E.V. Protection of Civil Rights in the Framework of Criminal Proceedings on Economic Crimes	88
BALASANOV M.R. On the Issue of Replacing the Penalty with a More Lenient Type of Punishment in relation to Those Sentenced to Life Imprisonment	102
BELEI A.V. Establishing the Fact of the Software Start in the Windows Operating System with the Help of Forensic Analysis of Prefetch files	111
BERESTNEV A.I. Modernization of Criminal Legislation in the Field of Economic Activity: the State, Prospects for Application	122
GAVRILOV B. Ya., SPIRIDONOVA Y.N., P'YANKOV M.N. On the Issue of Registering Reports of Crimes and Forming Criminal Law Statistics	131
GASANOV E.V. Concept of Religious Extremism as a Legal Category	139
DUTOV Y.I., DUTOV N.YU., TITOV I.A. Some Problems of Legal Regulation of Urgent Investigative Actions in the Criminal Procedural Code of Russian Federation	145
KARTASHOV I.I., KARTASHOVA I.I. Transformation of Criminal Justice in the Era of Digital Revolution	154
KOZAEV N.SH., RYASOV D. A. Countering Nazism Rehabilitation and Fascist Ideology Formation: "Lessons of History" and Modern Realities	162
KRASOTKIN P.N., LASTOCHKIN A.N. On Some Organizational and Legal Issues of the Activities of Criminal Enforcement Inspections	171
LATYSHEVA L.A. Features of Criminal Liability of Women in the Domestic Legislation of the XVI–XVIII Centuries	179
MOSHNEENKO O.V. Economic Aspects of the Realization of Convicts' Right to Purchase Food and Basic Necessities	186
NEKRASOV V.N., KARAVAEVA YU.I. Impact of Crime in the Field of Innovative Activity on Training a Lawyer in Higher Education Institutions	193
RUMYANTSEV N.V. Features of Legal Regulation of Convicts' Participation in the Special Military Operation	200
SHKURENKO I.A. On the Specifics of Law Enforcement of Minor Hooliganism in Correctional Institutions	206
SHCHUKINA N.V. On the Specifics of the Execution of Punishment in the Form of Imprisonment in relation to Those Convicted of Terrorism and Extremism-Related Crimes	214
MIRONOV A.V. On the Satisfaction of Claim Requirements of Victims when Imposing Punishment in the Form of Imprisonment to the Perpetrator	221
MISHAL'CHENKO Yu.V., MISHAL'CHENKO M.Yu., TARANETS V.A. International Legal and Political Aspects of the Interpol Development	230

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Вашему вниманию предлагается четвертый в 2023 г. выпуск сетевого научно-практического журнала «Ius publicum et privatum».

На страницах журнала представлены научные дискуссии по актуальным вопросам, касающимся современного состояния российского законодательства, эффективности применения правовых норм и совершенствования нормотворческого процесса, анализа теоретических и исторических аспектов государственно-правовых явлений, зарубежного законодательства.

Журнал включает рубрики, соответствующие различным отраслям права и направлениям юридической деятельности.

Выпуск открывают материалы, публикуемые в рамках специальности **«Теоретико-исторические правовые науки»**. Статья кандидата юридических наук, доцента В. В. Карпуниной посвящена рассмотрению отдельных дискуссионных сторон понятия «юридическая техника» в контексте метатеоретического подхода. Обращается внимание, что сложившаяся неопределенность в понимании сущностных сторон юридической техники обусловлена недостаточным вниманием к исследованию метатеоретических феноменов. Рассматриваются основные черты и особенности метатеоретического подхода к анализу правовых явлений. Аргументируется положение о необходимости реализации такого подхода в исследованиях юридической техники. В числе наиболее важных и приоритетных направлений метатеоретического анализа указываются исследование стиля технико-юридического мышления, а также формирование понятийного ряда юридической техники.

В статье доктора философских наук, доцента Н. С. Оботуровой анализируются основные направления трансформации либеральной идеи в правовой культуре современного общества, выявляются их причины и основания. Показано, что одним из направлений трансформации либеральной идеи является абсолютизация индивидуалистического и группового начал, которая трактуется автором как концентрированное выражение в правовой культуре особенностей общей культурной ситуации постмодерна. Обоснована необходимость рассмотрения индивидуальных прав и свобод человека в их многосторонней системной связи с социальными обязанностями, моральным долгом, исторической ответственностью. В качестве нового поля проблем в интерпретации либеральной идеи рассмотрен трансгуманистический проект морфологической свободы, показано, что его реализация не только не увеличит права и свободы человека, но, напротив, заведет общество в тупик биологической стратификации, в которой права человека и право в целом утратят всякий смысл.

Следующую статью подготовила кандидат исторических наук, доцент Ю. А. Перебинос. Исследование посвящено проблеме соотношения понятий «плебисцит» и «референдум», анализу политико-правовой практики в исторической ретроспективе с целью выявления особенностей и отличительных черт института плебисцита. В качестве примера взят опыт Франции в силу того, что она имеет давние и стабильные традиции проведения плебисцитов. Исследование показало, что какого-либо принципиального различия между понятиями «плебисцит» и «референдум» в законодательстве России, зарубежных стран и на практике нет. Отличия между указанными дефинициями отмечены научной общественностью. В исследовательской литературе разграничение сводится к предмету голосования.

Завершает рубрику статья В. Д. Саттарова, в которой анализируются проблема признания правосубъектности искусственного интеллекта, связанные с этим закономерности, а также ряд теоретико-правовых особенностей, присущих данной технологической инновации. Искусственный интеллект – это техническое средство, способное к самообучению, а также к воспроизводству когнитивных и коммуникативных функций, традиционно характерных для человеческого разума. Эмоциональный искусственный интеллект способен также понимать эмоции и подражать им. Автором систематизируются распространенные научные концепции, идеи и подходы, обосновывающие потребность признания правосубъектности искусственного интеллекта либо отрицающие подобную возможность, сформулирована позиция по вопросу правосубъектности искусственного интеллекта. По мнению автора, исследуемое техническое средство не способно в полной мере выступать субъектом правовых отношений по причине отсутствия свободы воли как важного условия приобретения правосубъектности.

Специальность **«Публично-правовые (государственно-правовые) науки»** представлена пятью статьями. Исследование кандидата юридических наук Н. В. Анискиной и доктора юридических наук, профессора С. А. Старостина посвящено проблемам нормативного регулирования административно-юрисдикционных полномочий сотрудников уголовно-исполнительной системы. Обосновывается позиция о необходимости использования профессионально-стратификационного подхода к нормативному закреплению данных полномочий, который позволяет учитывать занимаемую сотрудником должность и специфику сферы правореализации. Предлагается внести изменения в Приказ ФСИН России от 19.08.2019 № 688 в части корректировки квалификационных требований к должностям в уголовно-исполнительной системе.

Статья кандидата юридических наук, доцента О. С. Батовой посвящена анализу современных цифровых технологий, которые применяются для реализации избирательных прав граждан в Российской Федерации. Автор рассматривает правовые и организационные основы электронного и цифрового (электронного) голосования, их формы и соблюдение основополагающих принципов избирательного права и процесса Российской Федерации. Проанализирован опыт цифрового (электронного) голосования в России и зарубежных странах, определены риски и положительный эффект при использовании данного вида избирательной технологии.

Доктор юридических наук, доцент Н. П. Воронина отмечает, что в условиях современных глобальных вызовов и угроз актуальным является обеспечение продовольственной безопасности. В статье на примере стран БРИКС рассмотрено стратегическое планиро-

вание в сфере обеспечения продовольственной безопасности. Осуществляемая цифровая трансформация сельского хозяйства стран БРИКС требует новых подходов к определению механизмов совершенствования правового регулирования и стратегического планирования. Выявлены правовые проблемы цифровой трансформации сельского хозяйства и сформулированы авторские предложения по их возможному решению.

В статье кандидата юридических наук, доцента М. В. Пеленицыной, кандидата юридических наук, доцента А. О. Яценко рассматриваются особенности взаимодействия в области гражданской юрисдикции различных государств в рамках трансграничного оборота судебных актов, которое основывается на признании и исполнении иностранного судебного решения. Для этого существенны два обстоятельства: это должен быть акт, принятый именно судом, и это должен быть акт, вынесенный судом по существу спора. Авторы приходят к выводу, что признание и приведение в исполнение решений иностранных судов являются важной гарантией защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц и необходимой частью эффективной системы международного правового сотрудничества. Одним из основных вопросов правового регулирования трансграничного оборота судебных актов является определение объекта признания и исполнения.

Автор следующей статьи М. Р. Ромашова отмечает, что трансформация действующей Конституции Российской Федерации демонстрирует существование тенденции к изменению общепринятых подходов к теории отечественного конституционного правопонимания, ее содержания и особенностей. В работе проанализированы противоречия, присущие данной теории, в том числе в контексте дихотомии коллективного Запада и коллективного Востока, их ценностно-правовых ориентиров. Автор делает выводы о возвращении России к уникальному и самобытному направлению развития, основанному на менталитете и консервативных ценностях российского народа.

В рамках специальности **«Уголовно-правовые науки»** размещены шестнадцать статей. Открывает раздел статья кандидата юридических наук Е. В. Авдеевой, в которой отмечается, что уголовный и гражданский процесс имеют наиболее тесную взаимосвязь, когда речь идет об экономических преступлениях, особенно в части возмещения материального ущерба, причиненного преступлением. В исследовании раскрываются основные факторы, создающие препятствия для быстрого и полного удовлетворения имущественных требований потерпевших по экономическим преступлениям, предложения по их преодолению. Также рассмотрены предпосылки выбора неверного вектора защиты нарушенных прав. Анализируются такие факторы, как пограничность преступлений в сфере экономики с гражданско-правовыми деликтами, избыточная доля усмотрения следователя и судьи, сроки предварительного следствия, отсутствие института уголовной ответственности юридических лиц, цифрового судопроизводства, недостаточность стимулов возмещения ущерба на стадии предварительного расследования.

В статье М. Р. Баласанова исследуется проблема эффективности существующего механизма поощрительного воздействия на осужденных к пожизненному лишению свободы на основе правоприменительной практики Конституционного Суда Российской Федерации, статистических данных, позиций ученых в рассматриваемой области. Решение проблемы видится во внедрении комплексной многоступенчатой системы социальной адаптации осужденных к пожизненному лишению свободы, расширении сферы

применения института замены неотбытой части наказания более мягким видом. Сделаны выводы о важности указанного института, целесообразности оптимизации для рассматриваемой категории осужденных механизма, обеспечивающего последовательный и постепенный процесс их ресоциализации, основанного на поэтапном изменении вида исправительного учреждения, а уже после – замене наказания в виде пожизненного лишения свободы на более мягкое наказание в виде принудительных работ на определенный срок.

А. В. Белей анализирует актуальность исследования файлов трассировки, в частности Prefetch-файлов, в рамках содействия расследованию преступлений в условиях цифровой трансформации. Поднимается проблема необходимости введения обязательной инструкции к анализу Prefetch-файлов с учетом специфики работы с электронными носителями информации. Объясняется значимость таких файлов как источника криминалистически значимой информации при условии использования специализированного программного обеспечения для его исследования. Рассмотрена методика использования программного обеспечения при проведении экспертного исследования.

Исследование А. И. Берестнева посвящено изучению нормативных правовых актов, направленных на реализацию задач по совершенствованию уголовного законодательства в части экономических преступлений в направлении их декриминализации. Актуальность указанной проблемы объясняется высокой репрессивностью уголовного законодательства в сфере экономической деятельности, что требует принятия выверенных решений по декриминализации преступных деяний. Кроме того, их применение будет способствовать повышению эффективности междисциплинарных научных исследований в сфере уголовного права и криминологии, в области декриминализации и депенализации. Автором обращается внимание на возможность использования института административной преюдиции в уголовном законодательстве, включая гл. 22 УК РФ. Применение уголовного проступка позволит более четко провести дифференциацию и индивидуализацию ответственности путем расширения практики применения более мягких мер воздействия на правонарушителей, нежели уголовные наказания.

Авторы статьи доктор юридических наук, профессор Б. Я. Гаврилов, кандидат юридических наук, доцент Ю. Н. Спиридонова, кандидат юридических наук М. Н. Пьянков рассматривают вопросы совершенствования регламентации порядка приема и регистрации сообщений о преступлениях в условиях развития цифровых технологий и влияние данных процессов на формирование данных уголовно-правовой статистики. Показаны возможность подачи электронного заявления о преступлении и пути оптимизации первоначального этапа уголовного судопроизводства.

В статье Э. В. Гасанова излагаются основные научные подходы к понятию «экстремизм», констатируется факт отсутствия его правовой закрепленности. Рассматриваются признаки экстремизма, исследуется понятие религиозности, выделяются черты религиозного человека, опосредованно влияющие на его участие в деятельности экстремистских организаций религиозного толка. Анализируется юридический смысл соотношения традиционных и нетрадиционных религий, раскрываются основные черты нетрадиционных религий, представляющие общественную опасность. Формулируется авторская редакция понятия «религиозный экстремизм».

Раздел продолжает исследование кандидата педагогических наук, доцента Ю. И. Дутова, кандидата юридических наук, доцента Н. Ю. Дутова, И. А. Титова, в котором исследуются нормы уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующие институт неотложных следственных действий. Проанализировано понятие неотложных следственных действий, исследована классификация субъектов, наделенных правом их проведения, а также выделены проблемы правовой регламентации данного института. В статье сформулированы предложения по законодательной корректировке института неотложных следственных действий.

В статье кандидата юридических наук, доцента И. И. Карташова, И. И. Карташовой исследуется развитие применения цифровых технологий на различных стадиях отечественного судопроизводства. Обозначены результаты, достигнутые в процессе цифровизации уголовно-процессуальной деятельности. Рассмотрены предложения о внесении в действующее законодательство изменений, расширяющих использование цифровых технологий в уголовном процессе, дана их оценка. Сделан вывод о том, что цифровизация уголовного судопроизводства в целом имеет положительное значение как для осуществления правосудия по уголовным делам, так и для всех участников уголовного судопроизводства, позволяя экономить время, ресурсы. Несмотря на положительные аспекты цифровая трансформация уголовного процесса порождает проблемы, требующие не только теоретического осмысления, но и совершенствования законодательства.

Продолжает рубрику статья доктора юридических наук, доцента Н. Ш. Козаева, кандидата юридических наук, доцента Д. А. Рясова, в которой исследуются ключевые аспекты Стратегии национальной безопасности России в контексте противодействия реабилитации нацизма и формирования фашистской идеологии. Проанализированы исторические факторы, обусловившие возникновение фашистской идеологии, а также основные меры по противодействию современным формам неонацизма. Сформулированы основные направления криминологического противодействия реабилитации нацизма и формированию нацистской идеологии.

Статья кандидата юридических наук П. Н. Красоткина и кандидата педагогических наук, доцента А. Н. Ласточкина посвящена анализу некоторых проблем практики исполнения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на примере отдельных территориальных органов ФСИН России; исследованы нормы уголовно-исполнительного законодательства, регламентирующие данный вид наказания и проблемы, возникающие у уголовно-исполнительных инспекций при их реализации. В работе дана оценка уровню готовности уголовно-исполнительных инспекций в связи с реализацией положений Федерального закона от 06.02.2023 № 10 «О пробации в Российской Федерации».

В исследовании кандидата юридических наук, доцента Л. А. Латышевой проанализированы и выявлены отличительные черты уголовной ответственности женщин в отечественном законодательстве XVI–XVIII вв. Источники уголовного права данного периода свидетельствуют об отсутствии четкой регламентации в законе уголовной ответственности женщин-преступниц, а также жестокости, суровости, изощренности применяемых к ним наказаний, сопряженных с психическим и физическим воздействием. Отмечается, что равнозначные наказания применялись как преступницам, происходившим из простого рода, так и к представительницам привилегированных слоев населения. Анализ

положений Соборного уложения свидетельствует о том, что в XVII в. уголовная политика в отношении женщин продолжает ужесточаться, вводятся квалифицированные виды смертной казни, в частности за мужеубийство, продолжают применяться публичные телесные наказания. В статье акцентируется внимание на том, что кардинальные изменения в сфере уголовных наказаний женщин стали прослеживаться лишь в период правления Екатерины II.

Раздел продолжает статья кандидата экономических наук О. В. Мошненко, в которой рассматриваются особенности реализации осужденными к лишению свободы возможности участвовать в гражданско-правовых отношениях по приобретению продуктов питания и предметов первой необходимости. На основе анализа законодательства, судебной практики и статистических данных выделяются экономические и правовые ограничения, влияющие на возможность реализации осужденными данного права. Раскрывается практика работы АО «Предприятие уголовно-исполнительной системы “Промсервис”», осуществляющего торговую деятельность в учреждениях уголовно-исполнительной системы. В целях обеспечения прав и законных интересов осужденных к лишению свободы автором обосновывается необходимость совершенствования рыночных механизмов торговой деятельности по продаже осужденным товаров, внесения изменений в уголовно-исполнительное законодательство.

Авторы статьи «Влияние преступности в сфере инновационной деятельности на подготовку юриста в образовательных организациях высшего образования» доктор юридических наук В. Н. Некрасов, кандидат социологических наук Ю. И. Караваева рассматривают заявленную тему сквозь призму двух аспектов: во-первых, особенности подготовки юристов исходя из ожиданий и запросов субъектов, участвующих в данном процессе, во-вторых, влияние инновационной деятельности на формирование компетенций выпускника-юриста. На конкретных примерах уголовного законодательства показано наличие проблем, оказывающих влияние на сферу юридического образования. По мнению авторов, на сегодняшний день назрела необходимость подготовки и принятия документа, позволяющего объединить и скоординировать требования к подготовке юриста, – профессионального стандарта «Юрист».

В статье доктора юридических наук, доцента Н. В. Румянцева рассматриваются вопросы правового статуса осужденных, обоснования участия их в специальной военной операции. Анализируется нормативно-правовая база, определяющая права и обязанности, критерии отбора, оценки эффективности привлечения к специальной военной операции осужденных, вопросы их освобождения от уголовной ответственности и реабилитации. Обращено особое внимание на вопросы проблемного характера, возникающие при реализации механизма регулирования правовых основ деятельности осужденных на период проведения военных действий.

И. А. Шкуренко отмечает, что в условиях преобразования пенитенциарной системы России возникают задачи, решение которых невозможно без своевременного и качественного пересмотра некоторых норм и институтов уголовно-исполнительного законодательства, регламентирующих общественные отношения, возникающие в процессе применения мер дисциплинарного воздействия в отношении осужденных к лишению свободы. Целью исследования является поиск возможных вариантов решения практической проблемы по привлечению к дисциплинарной ответственности осужденных к ли-

шению свободы за совершение злостного нарушения установленного порядка отбывания наказания, характеризующегося как мелкое хулиганство.

Завершает рубрику статья Н. В. Щукиной, в которой рассматриваются особенности деятельности сотрудников органов и учреждений Федеральной службы исполнения наказаний по организации исполнения наказаний в отношении лиц, осужденных за террористические и экстремистские преступления, а также по предупреждению новых преступлений в условиях исправительных учреждений. Отмечается, что данная категория осужденных в силу малоизученности и наличия психологической установки идеологического противостояния представляет особую опасность для исправительных учреждений.

Специальность **«Частно-правовые (цивилистические) науки»** представлена статьей кандидата юридических наук, доцента А. В. Миронова, в которой рассматриваются вопросы, связанные с возможностями законодательства и правоприменительной практики в сфере реализации исковых требований потерпевших, которые не были реализованы на досудебной и судебной стадиях в рамках гражданского иска в уголовном деле. Раскрываются возможности трудового устройства и труда осужденных к лишению свободы как источника средств для погашения исковых требований, а также перспективы реализации исковых требований после освобождения из исправительного учреждения на основе развития норм УК РФ, судебной практики в данной сфере и введения службы пробации в Российской Федерации.

Завершает выпуск публикация по специальности **«Международно-правовые науки»**. Статью подготовили доктор юридических наук, профессор Ю. В. Мишалыченко, М. Ю. Мишалыченко, В. А. Таранец. В исследовании рассматриваются некоторые международно-правовые аспекты эволюции международной организации уголовной полиции. Возникшая в 1923 г., за сто лет своего существования организация сумела преодолеть несколько внутренних кризисов и продемонстрировала способность к эволюции своего правового статуса, что делает ее важным актором современной системы международных отношений.

Мы приглашаем активных читателей и авторов издания обмениваться научными идеями на страницах нашего издания. Надеемся, что статьи, представленные в данном выпуске журнала, способствуют пополнению и обновлению научной базы исследователей по разным правовым вопросам и подвигнут наших читателей к активизации новых исследований.

Желаем интересных научных статей, дискуссий и творческих успехов в работе.

С уважением,
главный редактор
кандидат юридических наук, доцент

Харьковский Евгений Леонидович

Научная статья

УДК 340

doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.001

Метатеоретический подход к исследованию юридической техники: новые возможности и перспективы

ВИКТОРИЯ ВИКТОРОВНА КАРПУНИНА

Воронежский институт ФСИН России, Воронеж, Россия,
vikavi5@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5201-7395>

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные дискуссионные стороны понятия «юридическая техника» в контексте метатеоретического подхода. Обращается внимание, что сложившаяся неопределенность в понимании сущностных сторон юридической техники обусловлена недостаточным вниманием к исследованию метатеоретических феноменов. Рассматриваются основные черты и особенности метатеоретического подхода к анализу правовых явлений. Аргументируется положение о необходимости реализации такого подхода в исследованиях юридической техники. В числе приоритетных направлений метатеоретического анализа указываются исследование стиля технико-юридического мышления, а также формирование понятийного ряда юридической техники. Делается вывод о том, что развитие широкого подхода к юридической технике как технике правового регулирования находится в прямой зависимости от изучения метатеоретических феноменов, совершенствования методологии метатеоретического анализа как относительно самостоятельного направления научных исследований.

Ключевые слова: юридическая техника; технико-юридические инструменты; юридическая деятельность; метатеоретический подход; понятийный ряд; стиль научного мышления.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Для цитирования: Карпунина В. В. Метатеоретический подход к исследованию юридической техники: новые возможности и перспективы // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 4 (24). С. 17–24. doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.001.

Original article

Metatheoretical Approach to the Study of Legal Technology: New Opportunities and Prospects

VICTORIYA V. KARPUNINA

VRI of the FPS of Russia, Voronezh, Russia, vikavi5@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-5201-7395>

Abstract. The article considers some controversial aspects of the concept “legal technique” in the context of a meta-theoretical approach. Attention is drawn to the fact that the current uncertainty in understanding essential aspects of legal technology is due to insufficient attention to the study of metatheoretical phenomena. The main features and peculiarities of the meta-theoretical approach to the analysis of legal phenomena are considered. The need to implement a metatheoretical approach in the research of legal technology is substantiated. Crucial areas of metatheoretical analysis are the study of the style of technical and legal thinking and the formation of a conceptual range of legal techniques. It is concluded that the development of a broad approach to legal technologies as a technique of legal regulation is directly dependent on the study of metatheoretical phenomena and the improvement of the metatheoretical analysis methodology as a relatively independent area of scientific research.

Keywords: legal technique; technical and legal instruments; legal activity; metatheoretical approach; conceptual series; style of scientific thinking.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Karpunina V.V. Metatheoretical approach to the study of legal technology: new opportunities and prospects. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 4 (24), pp. 17–24. doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.001.

Юридическая техника является одной из важнейших категорий теории права. В настоящее время она востребована не только на уровне общетеоретических, но и отраслевых исследований. Однако несмотря на широкую популярность представления о ней до настоящего времени отличаются дискретной природой. Разрозненность и отчасти противоречивость представлений во многом обусловлены различием в понимании сущностных черт юридической техники, связанных с ее понятием и составом.

Вопросы понятия всегда носят приоритетный, базовый характер по отношению к другим теоретико-правовым вопросам. Исследование функций, видового разнообразия, структуры и прочих вопросов может быть реализовано только после того, как уточнены сущностные признаки понятия, дано его определение. Возможные проблемы и противоречия на начальном этапе с неизбежностью проявят себя и в дальнейшей логике изложения научных взглядов. В этой связи позволим себе заострить внимание на проблеме понятия юридической техники и возможностях использования для его анализа формирующегося в юридической науке метатеоретического подхода.

Представляется важным первоначально указать на существующие подходы к восприятию юридической техники. Их содержание широко известно, в этой связи подробный обзор представляется нецелесообразным, поскольку не несет в себе большой научной новизны. В то же время считаем необходимым указать на ряд наиболее общих типовых подходов.

Взгляды на понятие юридической техники начинают различаться в связи с неодинаковым представлением о возможностях юридической техники, то есть сферы ее применения и функционального предназначения. Специфика восприятия функционального предназначения юридической техники позволяет видеть в ней фор-

мальную и содержательную технику, а также технику документов и технику деятельности. Кратко обозначим существенное различие между ними.

Формальная техника воспринимается довольно в ограниченном свете как техника, необходимая для внешнего выражения и оформления воли лиц. К примеру, формальный подход отражен в позиции Ю. А. Тихомирова, который полагает, что юридическая техника – это система правил познавательно-логического и нормативно-структурного формирования нормативного материала с целью подготовки текста правового акта [1, с. 12]. Сущностная черта этого подхода – набор инструментария для грамотного оформления текста документа как акта волеизъявления.

Содержательный аспект более широко подходит к определению возможностей юридической техники, не ограничиваясь только лишь внешним оформлением, основывается на важности и необходимости обеспечить «содержательную эффективность» правовых документов и деятельности за счет реализации принципов справедливости и разумности регулирования. Главное отличие от формального подхода состоит в том, что инструментарий юридической техники обращен не только на внешнюю, но и на внутреннюю сторону регулирования. В этом случае важно не только оформить тот или иной акт, но и обеспечить правильное его содержание. К примеру, Ю. Г. Арзамасов указывает, что юридическая техника призвана обеспечить подготовку совершенных по форме, структуре и содержанию законов, подзаконных нормативных актов, индивидуальных актов и актов толкования [2, с. 105].

Не менее существенные различия в восприятии юридической техники заключаются в ее трактовках как техники документов либо техники деятельности. Документарный подход акцентирует внимание лишь на завершающем, конечном этапе деятельности, когда воля лиц обретает свое внешнее текстуальное оформление. Заметим, что восприятие юридической техники может быть как формальным, так и содержательным. Важным отличием техники деятельности является стремление ученых показать инструментальность деятельности. Суть позиции ученых заключается в стремлении раскрыть инструментарий деятельности, которая, как и итоговый документ, должна соответствовать определенным правилам, соблюдение которых гарантирует ее качество и эффективность. В частности, по мнению М. Л. Давыдовой, юридическая техника представляет собой определенные правила и средства, которые используются в таких видах деятельности, как правотворчество, правоинтерпретация, властная и невластная реализация права [3, с. 50].

Хочется отметить, что нами не ставится задача окончательного решения вопроса о сущности и понятии юридической техники. Убеждены, что по этому предмету будут появляться новые работы, защищающие ту или иную позицию. Нам бы хотелось обратить внимание на появляющийся в юридической науке метатеоретический подход, который, как представляется, несет в себе ряд новых возможностей, реализация которых может привести к определенным положительным результатам.

Метатеоретический подход к правовым явлениям является довольно новым направлением в теоретико-правовых исследованиях. В наиболее общих чертах метатеория связана с делением научного знания на определенные уровни. Приставка «мета» указывает, что знания носят надтеоретический уровень.

Уровень, расположенный выше теоретического, одни называют философским, другие – метатеоретическим. Последний рассматривают как совокупность двух ви-

дов знаний: философских оснований науки и общенаучных проблем конкретной науки [4, с. 475].

В. В. Шаханов указывает, что цель метатеоретического уровня познания в юридической сфере состоит в определении границ познания явлений правовой действительности и установлении направления поиска для получения представления о звеньях и связях в логической структуре объектного (познаваемого) явления [4, с. 475].

Весьма интересны рассуждения В. В. Шаханова о сложности отграничений уровней познания, вследствие этого явления могут находиться на условной «границе смыслов» [4, с. 475]. Юридическая техника может быть яркой иллюстрацией к сказанному. В частности, в советской юриспруденции юридическая техника воспринималась исключительно как техника подготовки законов, в современной науке принцип научного плюрализма обусловил формирование указанных в начале статьи подходов, которые способствуют размытию содержания этого понятия.

Происходит это по причине того, что акцент был сделан на поиске оптимального инструментария. Сложившиеся разногласия ученых в отношении состава инструментария (принципы, методы, средства, приемы, правила и т. д.) и его функционального предназначения обусловили определенный кризис понятия, связанный с невозможностью полностью преодолеть противоречия документарного и деятельностного подходов. Как представляется, проблема состава юридической техники носит характер метатеории по отношению к понятию как проявлению теоретического уровня познания.

Вместо того, чтобы выявить глубинные сущностные черты этого явления, ученые преимущественно идут по пути перечисления тех или иных инструментов, использование которых позволит обеспечить качество актов либо деятельности в целом. Представляется, что этот подход носит тупиковый характер и не способствует выработке единого понимания юридической техники.

В этой связи заслуживает внимания позиция авторов монографии «Теория и метатеория юридической техники: от правосознания к правопорядку» [5], в основе которой лежит представление о юридической технике как технике правового регулирования. Реализуя заявленную в заглавии идею, исследователи акцентируют внимание на том, что интерпретация юридической техники как внутреннего компонента правосознания несколько нивелирует дискуссию о природе юридической техники. В частности, вопрос о рассмотрении юридической техники как техники правовых актов либо юридической деятельности становится не столь актуальным.

Логика авторов состоит в том, что закономерности правового регулирования обуславливают последовательный характер создания и реализации норм, а следовательно, представления о средствах создания качественных правовых предписаний неизбежно должны трансформироваться в знания о том, как эти предписания истолковать и исполнить [5, с. 13].

Таким образом, в основе авторской позиции коллектива ученых лежит стремление раскрыть интегративный характер юридической техники, объединяющей технику актов, деятельности и правового регулирования. В целом считаем возможным присоединиться к данной позиции.

Наряду с этой новацией авторы монографии предприняли попытку реализовать метатеоретический подход к исследованию юридической техники, который нашел

свое отражение в раскрытии отдельных аспектов, связанных с синергетикой, когнитивистикой, стилем научного мышления. К сожалению, в данной научной работе содержание и сущностные особенности метатеоретического подхода как целостного и самостоятельного явления не получили целостного изложения.

Вместе с тем постановка проблемы и отдельные рассуждения представляют значительный интерес для анализа. В целом следует согласиться с авторами, что хаотичное использование металексики не позволяет говорить о поступательном движении в сторону научно-теоретической разработки метатеоретического уровня [5, с. 9].

Е. В. Свинин и В. В. Шаханов обращают внимание на то, что резкий переход от теоретического к метатеоретическому уровню отсутствует, а некоторые правовые явления пребывают на границе между уровнями, которая скорее их (то есть уровни) объединяет, нежели разобщает [5, с. 9].

В качестве примера можно привести такое понятие, как «принцип юридической техники». В. В. Мамчун писал, что целесообразно рассматривать технико-юридический принцип в качестве предельно обобщенного требования. Принципы юридической техники – это те требования, которые определяют кондицию (в данном случае – техническое качество) иных элементов юридической техники [6, с. 102].

Таким образом, принципы юридической техники имеют самостоятельное значение, их нельзя сводить к ее составу и поэтому можно рассматривать в качестве специфической формы метатеоретического уровня познания сущности юридической техники.

Исследование правовых явлений с необходимостью требует сочетания теоретического и метатеоретического подходов. Их различие позволит с большей точностью и определенностью вести речь о сущности, форме и содержании правовых явлений. Определение системы и последующий анализ метатеоретических феноменов имеют важное методологическое значение для выстраивания непротиворечивой системы научного знания.

Следует учитывать, что содержание метатеоретического подхода еще не обрело завершеного вида, многие вопросы отличаются довольно высоким уровнем дискуссионности. Однако полагаем, что реализация этого подхода позволит добиться конструктивных результатов. Хотелось бы высказать предположение, что одними из приоритетных направлений возможного метатеоретического анализа юридической техники будут являться стиль мышления и понятийный ряд.

В первую очередь хотелось бы выделить проблему технико-юридического мышления как специфического стиля юридического мышления. Представляется, что юридическая техника – это не только инструментарий, но и важнейший компонент правосознания и правовой культуры. И в этой связи крайне важно исследовать проблему использования юридической техники (как систему определенных знаний) в сфере юридического мышления и сознания в различных видах юридически значимой деятельности. В этом условном «информационном пространстве» тесно переплетаются не только вопросы правопонимания и инструментального подхода к праву, но и специфика правовых процедур юридической деятельности, проблема взаимодействия логики права и средств, методов ее познания и артикуляции в правоинтерпретационной деятельности для обеспечения законности и правопорядка.

Вторым направлением метатеоретического анализа может стать формирование понятийного ряда научной абстракции «юридическая техника».

Так, А. М. Васильев отмечал, что понятийный ряд – не конгломерат категорий. Его составляют правовые категории одного логического уровня в смысле выражаемых ими сущностных моментов. Они могут последовательно раскрываться на различных уровнях [7, с. 134]. Необходимость их выделения и последующего анализа обусловлена тем, что функционально они позволяют увидеть определенный срез сущности государственно-правовых явлений. Иными словами, уровни познания сущности права есть определенное отражение уровневого подхода к научному знанию в целом.

Понятийный ряд является важнейшим средством познания. Методологическая ценность понятийного ряда обусловлена тем, что он объединяет правовые категории, находящиеся в поле действия определенной закономерности [7, с. 134]. Таким образом, в понятиях и категориях фиксируются существенные, устойчивые и необходимые связи правовых явлений. Закономерности, отражаемые понятийным рядом, позволяют увидеть структуру, внутреннюю логику развития формы и содержания права.

Можно с уверенностью говорить, что понятийный ряд абстракции «юридическая техника» не становился предметом отдельного рассмотрения. Безусловно, в юридической науке имеется достаточное количество работ, освещающих вопросы понятия, признаков юридической техники, ее соотношения с другими категориями. Однако применительно к масштабу проблемы понятийного ряда эти работы носят точечный, локальный характер. Целостное представление о понятийном ряде категории «юридическая техника» отсутствует.

Представляется, что анализ понятийного ряда относится как раз к проблемам метатеоретического порядка. В исследованиях понятийного ряда важно установить закономерный характер взаимосвязи правовых категорий, определить исходную категорию, развертывание и конкретизация которой позволят вести речь о формировании понятийных рядов первого, второго и последующих уровней.

Решение исследовательской задачи формирования понятийного ряда юридической техники связано с определением не только места в опорном структурном ряду категорий теории права, но и установлением характера взаимодействия с такими категориями, как юридическая технология и деятельность, правовое регулирование, логика права и правовая культура, источник права и правовая семья. Множественные связи юридической техники, отражающие взаимодействие с другими правовыми явлениями, переходы и развитие различных моментов правовой формы обуславливают возможность включения юридической техники в различные подсистемы понятийного ряда теории права, что, безусловно, усложняет решение этой задачи.

Представляется достойным внимания исследователей и ряд других метатеоретических вопросов юридической техники. В частности, весьма интересны дискуссия о принципах юридической техники; исследования, посвященные функциям и механизму реализации (действия) юридической техники (последний аспект может обогатить теорию права и юридическую практику представлениями об особенностях метанорм [8, с. 10] и метаправового регулирования); роль и возможности использо-

вания юридической техники в качестве самостоятельного критерия для типологии правовых систем, а также средства восприятия правовой картины мира.

В заключение отметим, что в настоящее время проблема метатеоретического подхода вообще и метафеноменов юридической техники в частности находится на этапе своей постановки и обоснования. Многие вопросы требуют глубинного осмысления и обсуждения. Следует также признать существование риска ухода исследователей в сторону философствования. Вместе с тем обоснованное применение метатеоретического подхода сможет существенно обогатить традиционное теоретическое содержание многих общеправовых категорий и поэтому заслуживает дальнейшего обсуждения и применения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тихомиров Ю. А. Юридическая техника – инструмент правотворчества и правоприменения // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 12–16.
2. Нормография: теория и методология нормотворчества : учеб.-метод. пособие для вузов / под ред. Ю. Г. Арзамасова. М., 2007. 557 с.
3. Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии : моногр. Волгоград, 2009. 318 с.
4. Шаханов В. В. Метафеноменальный анализ как инновация в сфере методологии права // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 474–477.
5. Теория и метатеория юридической техники: от правосознания к правопорядку / А. В. Аверин, М. Л. Давыдова, А. М. Алексеев [и др.]. Владимир, 2022. 242 с.
6. Мамчун В. В. О понятии «принцип юридической техники» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 12–2. С. 101–103.
7. Васильев А. М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. 264 с.
8. Веденеев Ю. А. Смена гештальта: юриспруденция в эпоху перемен // Государство и право. 2020. № 1. С. 7–19.

REFERENCES

1. Tikhomirov Yu.A. Legal technique – a tool of law-making and law enforcement. *Yuridicheskaya tekhnika = Legal Technique*, 2007, no. 1, pp. 12–16. (In Russ.).
2. *Normografiya: teoriya i metodologiya normotvorchestva: ucheb.-metod. posobie dlya vuzov* [Normography: theory and methodology of norm-making: textbook]. Ed. by Arzamasov Yu.G. Moscow, 2007. 557 p.
3. Davydova M.L. *Yuridicheskaya tekhnika: problemy teorii i metodologii: monogr.* [Legal technique: problems of theory and methodology: monograph]. Volgograd, 2009. 318 p.
4. Shakhanov V.V. Metaphenomenal analysis as an innovation in the field of methodology of law. *Yuridicheskaya tekhnika = Legal Technique*, 2021, no. 15, pp. 474–477. (In Russ.).
5. Averin A.V., Davydova M.L., Alekseev A.M. et al. *Teoriya i metateoriya yuridicheskoi tekhniki: ot pravosoznaniya k pravoporyadku* [Theory and metatheory of legal technology: from legal awareness to law and order]. Vladimir, 2022. 242 p.
6. Mamchun V.V. On the concept of the principle of legal technique. *Gumanitarnye, sotsial'no-ehkonomicheskie i obshchestvennyye nauki = Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*, 2020, no. 12–2, pp. 101–103. (In Russ.).
7. Vasil'ev A.M. *Pravovye kategorii: metodologicheskie aspekty razrabotki sistemy kategorii teorii prava* [Legal categories: methodological aspects of the development of a system of categories of the theory of law]. Moscow, 1976. 264 p.

8. Vedeneev Yu.A. Change of gestalt: jurisprudence in the era of change. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2020, no. 1, pp. 7–19. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВИКТОРИЯ ВИКТОРОВНА КАРПУНИНА – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Воронежского института ФСИН России, Воронеж, Россия, vikavi5@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5201-7395>

VICTORIYA V. KARPUNINA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of the Theory and History of State and Law of the VRI of the FPS of Russia, Voronezh, Russia, vikavi5@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5201-7395>

Статья поступила 13.03.2023

Научная статья

УДК 340.13

doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.002

Трансформация либеральной идеи в правовой культуре современного общества

НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА ОБОТУРОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда,
Россия, oboturova@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5430-5059>

Аннотация. В статье анализируются основные направления трансформации либеральной идеи в правовой культуре современного общества, выявляются их причины и основания. Показано, что одним из направлений трансформации либеральной идеи является абсолютизация индивидуалистического и группового начал, которая трактуется автором как концентрированное выражение в правовой культуре особенностей общей культурной ситуации постмодерна. Обоснована необходимость рассмотрения индивидуальных прав и свобод человека в их многосторонней системной связи с социальными обязанностями, моральным долгом, исторической ответственностью. В качестве нового поля проблем в интерпретации либеральной идеи рассмотрен трансгуманистический проект морфологической свободы, показано, что его реализация не только не увеличит права и свободы человека, но, напротив, заведет общество в тупик биологической стратификации, в которой права человека и право в целом утратят всякий смысл.

Ключевые слова: либеральная идея; права и свободы человека; государство; право; либерализм; трансгуманизм.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Для цитирования: Оботурова Н. С. Трансформация либеральной идеи в правовой культуре современного общества // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 4 (24). С. 25–31. doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.002.

Original article

Transformation of the Liberal Idea in the Legal Culture of Modern Society

NATAL'YA S. OBOTUROVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary
Service, Vologda, Russia, oboturova@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5430-5059>

Abstract. The article analyzes key directions of the transformation of the liberal idea in the legal culture of modern society, identifies their causes and

grounds. It is shown that one of the liberal idea transformation directions is the absolutization of individualistic and group principles, interpreted by the author as a concentrated expression in the legal culture of features of the general cultural situation of postmodernity. The necessity of considering individual human rights and freedoms in their multilateral systemic connection with social responsibilities, moral duty, and historical responsibility is substantiated. The transhumanistic project of morphological freedom is considered as a new field of problems in the interpretation of the liberal idea. It is shown that its implementation will not only increase human rights and freedoms, but, on the contrary, will lead society into a dead end of biological stratification, in which human rights and law as a whole will lose all meaning.

Keywords: liberal idea; human rights and freedoms; state; law; liberalism; transhumanism.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Oboturova N.S. Transformation of the liberal idea in the legal culture of modern society. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 4 (24), pp. 25–31. doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.002.

Либеральная идея является одной из самых ярких и значительных идей в истории политико-правовой и философской мысли, оказавших влияние на весь ход развития человечества. Она относится к ключевым идейным основам, выражающим сущность и смысл права, его ценность для индивида и общества и имеет принципиально важное значение не только для правопонимания и юридической практики, но и для формирования правовой политики государства и правовой культуры общества. Наряду с идеями справедливости и равенства либеральная идея определила развитие большинства правовых концепций и систем в человеческой истории, на каждом историческом этапе конкретизировалась в более определенные понятия, многие из которых и по сей день служат основанием современных правовых теорий и юридической практики, формируют правовую культуру. Сегодня обращение к анализу либеральной идеи, выступающей основанием современной правовой культуры, особенно актуально, так как от адекватного понимания свободы во многом зависит сохранение социума, государства и личности в условиях современного общества, наполненного конфликтами и противоречиями и стоящего перед реальной угрозой утраты своей стабильности.

Начало разработки либеральной идеи традиционно принято относить к эпохе Античности, в частности к учению Сократа об истине и справедливом государстве. Большую роль в ее развитии сыграли идеи стоиков об универсальности природы человека и их этическое учение, основанное на утверждении примата внутренней духовной свободы личности как ее естественного права. Анализ метафизических оснований свободы был осуществлен в раннехристианской философии, один из самых видных представителей которой А. Августин в «Граде Божиим» представил свободу не внутренним состоянием человека, а фундаментальной характеристикой существования человека в мире. Поэтому, с его точки зрения, «человек не обладает свободой – отныне именно человек как таковой, а лучше сказать, его пришествие в этот мир отождествляется с появлением свободы во вселенной. Человек свободен,

ибо он есть начало. И он был создан таковым сразу, как вселенная начала существовать...» [1, с. 46].

В Новое время «в горниле философских, политических споров, тесно связанных с развитием реальной истории» [2, с. 3] оформилась концепция прав и свобод человека, ставшая ключевым правовым коррелятом либеральной идеи. Наиболее значимую роль в ее становлении и развитии сыграли идеи Г. Гроция, Дж. Селдена, Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, Т. Джефферсона и других выдающихся мыслителей и политических деятелей, благодаря которым уже в XVIII в. идея прав человека была инкорпорирована в конституции ряда национальных государств и стала базисом их правовой культуры. Особую роль в формировании идей о правах и свободах человека сыграл Дж. Локк, считавший естественным состоянием всех людей «состояние полной свободы в отношении их действий и в отношении распоряжения своим имуществом и личностью в соответствии с тем, что они считают подходящим для себя в границах закона природы, не испрашивая разрешения у какого-либо другого лица и не завися от чьей-либо воли» [3, с. 263]. Эти естественные права, с точки зрения Локка, составляют базовую основу правового статуса любого человека, из которой должны исходить все юридические и гражданские права.

Дж. Локком, мыслителями эпохи Просвещения, представителями немецкой классической философии, прочно связавшими осуществление свободы с правом, были сформулированы установки нового нарождающегося правосознания, которые подтвердили свою теоретическую значимость и практическую действенность не только в XVIII в., но и в определенном смысле оказались «трансгисторическими», «навечными». Идеи мыслителей Нового времени о естественности и незыблемости прав и индивидуальных свобод человека были в дальнейшем использованы в государственно-правовом развитии многих государств. Так, например, они легли в основу американской Декларации независимости, французской Декларации прав человека и гражданина, Всеобщей декларации прав человека, провозгласившей, что «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах», других политических документов, и по сей день они составляют фундамент конституционализма многих современных государств.

Либеральная идея чрезвычайно актуальна для современного общества, в котором свобода декларативно наделяется ценностью, существует практика международного порицания стран, не следующих демократическим идеалам свободы, работают международные организации, определяющие индекс свободы и соответствие ему со стороны стран – участников международных отношений. Но, несмотря на то что свобода декларируется как всеобщая ценность, как маркер социальных отношений и критерий полноценности современных обществ, ее трактовки зачастую оказываются либо предельно номинальными и лишенными содержания, либо акцентированными на второстепенных индивидуальных правах. На это обстоятельство обращают внимание современные исследователи, подчеркивая, что в рамках либерализма, при всем его пристальном внимании к правам и свободе человека, остается нерешенным множество принципиальных общих вопросов, в частности об отношении государства и общества, допустимых пределах государственного регулирования в целях обеспечения прав человека, ценностных принципах либерализма, что позволяет делать вывод о том, что сегодня «либерализм – это не только и не

столько система политико-идеологических концепций, сколько система их интерпретаций» [4, с. 158].

В современной правовой культуре все явственней обнаруживает себя антиномичность либеральной идеи, что обуславливает множественность, изменчивость и противоречивость ее интерпретаций, а также неизбежность их столкновения. Одно из наиболее значимых для современного общества противоречий, требующих теоретического осмысления, связано с обязанностью государства в условиях многочисленных геополитических вызовов и внешних экономических санкций обеспечивать национальную безопасность и общественную стабильность, но при этом избегать соблазна «пойти по пути ограничения прав граждан в целях защиты прав и законных интересов других лиц, основ конституционного строя, обеспечения безопасности государства и т. д.». Несмотря на то что, согласно ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства», всегда существует опасность неоправданно широкого толкования этой общей формулировки, что на практике может приводить к значительному сокращению индивидуальных прав и свобод в интересах общего блага.

Не менее серьезные последствия может иметь и уже имеет трансформация либеральной идеи в сторону абсолютизации индивидуалистического и группового начал. На это обстоятельство обратил внимание Г. А. Гаджиев, на основе анализа практики работы Европейского суда по защите прав человека выявивший присущее современным людям стремление не только отстаивать свои права, но и превращать свои представления о них в общеобязательные [5]. В современном мире это проявляется в отношении к таким принципиальным для бытия людей вопросам, как брак, семья, гендерная идентичность и т. п. Существующие сегодня многочисленные правозащитные организации поддерживают попытки представить особенные индивидуальные права и свободы, которые еще в недалеком прошлом считались неприемлемыми для большинства, в качестве общезначимой нормы. Так, например, защита прав ЛГБТ стала частью прогрессивной информационной повестки и политики Запада, в то время как консервативная позиция по этим вопросам, которой придерживается большинство граждан, в том числе и в прогрессивных странах, настойчиво вытесняется на периферию.

Тенденция абсолютизации индивидуальных и групповых прав и свобод, характерная для современной правовой культуры, является, на наш взгляд, концентрированным выражением особенностей общей культурной ситуации постмодерна, главными маркерами которой стали отказ от единообразия как несвободы, множественность и равнозначность интерпретаций одних и тех же явлений, деконструкция сложившейся иерархии ценностей общества и индивидуума, неопределенность, отрицание нормы, фрагментарность, смешение возвышенного и низменного, эпатажность. Для эпохи постмодерна характерна приоритетность механизмов, направленных на разрушение, деконструкцию, что проявляется во всех сферах общественной жизни, поэтому чрезвычайно важным представляется сохранение стремления к целостности мира, а также традиционных общечеловеческих ценностей. В эпоху

кризиса нормативности, отхода от общепринятых установлений социума, имеющих свое выражение в правовой форме законов, правил, обычаев и традиций, особенно важным представляется определение социально-правового пространства реализации свободы, в том числе установление ее меры в форме юридических обязанностей и субъективных прав, которые конкретизируют содержание свободы во всех областях жизни человека и общества и являются основополагающими элементами права [6].

В этом контексте, например, поправка в ст. 72 Конституции Российской Федерации, закрепившая определение брака как союза мужчины и женщины, стала важнейшим средством нормативно-правовой защиты прав консервативного большинства, выражающим позицию государства в отношении любых попыток раскачивания этой нормы. Таково, на наш взгляд, и значение Указа Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», называющего в качестве основных традиционных для российского общества ценностей жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкую семью, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческую память и преемственность поколений, единство народов России. Названные документы призваны быть правовой формой определения социально-правового пространства реализации свободы и установления ее меры.

Новое поле проблем в интерпретации либеральной идеи в правовой культуре современного общества возникло в связи с тенденциями научно-технологического развития, достижения которого в клонировании, преимплантационной генетической диагностике, биохакинге, генной инженерии и т. д. привели к популярности идей трансгуманизма. Базовыми принципами и идеями трансгуманизма стали технооптимизм, стремление свести все разнообразие культуры к технической цифровой опции; нейробиологическая концепция сознания и идея его загрузки, оцифровки и включения в единую мировую сеть; применение к людям новейших радикальных технологий, таких как генетическая редакция, дизайнерские наркотики и в итоге трансформация человека в постчеловека-киборга, достигшего цифрового бессмертия. Трансгуманистической интерпретацией либеральной идеи стал тезис о морфологической свободе, сформулированный М. Мором, А. Сандбергом, Н. Вита-Мор и др., в соответствии с которым у человека должно быть гражданское право не только владеть своим телом, но и самостоятельно принимать решение жить или не жить (право на эвтаназию), а также право по своему усмотрению изменять свое тело с помощью современных НБИКС-технологий. Общество же должно уважительно относиться к праву человека на морфологическую свободу или как минимум быть толерантным к разнообразию морфологий и образов тела.

Анализируя трансгуманистический тезис о морфологической свободе человека, следует обратить внимание на таящуюся в нем угрозу, состоящую в том, что «идеология трансгуманизма как нового супероптимистического, технологического проекта направлена не только на преобразование человеческой телесности, но и

на отказ от нее» [7, с. 81]. Последствия трансгуманистических проектов улучшения биологической основы человека совершенно непредсказуемы, так как они рассматривают тело человека как некий нейтральный биологический фон его социального бытия, в то время как телесность человека – это почва, «на которой выросла человеческая культура и вне которой невозможны были бы состояния человеческой духовности» [8, с. 19]. При этом трансгуманистический проект морфологической свободы не только не увеличивает права и свободы человека, но, напротив, создает очередное пространство неравенства путем искусственного раскола человечества на биологические касты. В конечном итоге такой уход человечества с «магистрального пути движения ко все большей свободе и равенству все большего числа людей к биологической стратификации, подрывающей его природное единство, приведет к тому, что и права человека, и право вообще утратят всякий смысл» [9, с. 3].

Таким образом, современные трансформации либеральной идеи отсылают нас к «общему вопросу об истинном отношении между индивидуальным существом и универсальным, или о степени и способе зависимости частичного бытия от всецелого» [10, с. 446]. Сегодня все более очевидным становится понимание того, что нельзя абсолютизировать индивидуальные права и свободы человека в их отрыве от социума, напротив, «индивидуальное – на новом историческом, цивилизационном уровне – вновь должно быть сообразовано с социальным, общим и всеобщим» [2, с. 14]. Отметим, что эта идея прошла красной нитью через всю историю правовых учений, и во всех концепциях, глубоко повлиявших на сознание и ценности людей, «свобода вообще, права и свободы индивидов в частности и особенности не имеют самодовлеющего значения, а предстают в многосторонней системной связи с социальными обязанностями, моральным долгом, исторической ответственностью отдельных людей, их общностей, стран» [2, с. 5]. Детерминация свободы правом, их обоюдная взаимосвязь и взаимозависимость, определение границ социально-правового пространства реализации свободы особенно актуальны на современном этапе развития Российской Федерации в условиях беспрецедентного давления со стороны международного сообщества, предпринимаемых попыток исключения из международной коммуникации, отмены русской культуры, идеологической и территориальной экспансии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Арндт Х. Что есть свобода? // Вопросы философии. 2014. № 4. С. 32–49.
2. Мотрошилова Н. В. Идеи единой Европы: философские традиции и современность. Часть вторая // Вопросы философии. 2004. № 12. С. 3–19.
3. Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения : в 3 т. М., 1988. Т. 3. С. 137–405.
4. Тхагапсоев Х. Г. К российским превращениям либерализма // Вопросы философии. 2004. № 12. С. 155–164.
5. Право и национальные традиции. Материалы «круглого стола». Участники: А. А. Гусейнов, В. С. Степин, А. В. Смирнов, Г. А. Гаджиев, Н. С. Бондарь, Э. Ю. Соловьев, В. М. Межуев, П. Д. Баренбойм, В. В. Лапаева, С. Л. Чижков // Вопросы философии. № 12. 2016. С. 5–41.
6. Нагорных Р. В. Трансформация предмета административного права в условиях становления административного конституционализма в современной России // Научные труды. Российская академия юридических наук. Вып. 20. М., 2020. С. 61–66.

7. Оботурова Г. Н. Трансгуманизм – утопия или реальность? // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 1 (29). С. 79–82.
8. Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция / под. ред. Д. И. Дубровского. М., 2013. 272 с.
9. Зорькин В. Д. Право метамодерна: постановка проблемы // Конституционное правосудие. 2019. № 4 (70). С. 1–8.
10. Философский словарь Владимира Соловьева. Ростов н/Д, 200. 464 с.

REFERENCES

1. Arendt Kh. What is freedom? *Voprosy filosofii = Issues of Philosophy*, 2014, no. 4, pp. 32–49. (In Russ.).
2. Motroshilova N.V. The ideas of a united Europe: philosophical traditions and modernity. Part Two. *Voprosy filosofii = Issues of Philosophy*, 2004, no. 12, pp. 3–19. (In Russ.).
3. Locke J. Two treatises of government. In: *Sochineniya: v 3 t. T. 3* [Works: in 3 volumes. Volume 3]. Moscow, 1988. Pp. 137–405. (In Russ.).
4. Tkhaqapsoev Kh.G. Towards Russian transformations of liberalism. *Voprosy filosofii = Issues of Philosophy*, 2004, no. 12, pp. 155–164. (In Russ.).
5. Law and national traditions. Materials of the “round table”. Participants: A.A. Khuseynov, V.S. Stepin, A.V. Smirnov, G.A. Gadzhiev, N.S. Bondar’, E.Yu. Solovyov, V.M. Mezhuiev, P.D. Barenboim, V.V. Lapaeva, S.L. Chizhkov. *Voprosy filosofii = Issues of Philosophy*, 2016, no. 12. pp. 5–41. (In Russ.).
6. Nagornykh R.V. Transformation of the subject of administrative law in the context of the formation of administrative constitutionalism in modern Russia. In: *Nauchnye trudy. Rossiiskaya akademiya yuridicheskikh nauk. Vyp. 20* [Scientific works. The Russian Academy of Legal Sciences. Issue 20]. Moscow, 2020. Pp. 61–66. (In Russ.).
7. Oboturova G.N. Transhumanism – utopia or reality? *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie = Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*, 2015, no. 1 (29), pp. 79–82. (In Russ.).
8. *Global’noe budushchee 2045. Konvergentnye tekhnologii (NBICS) i transgumanisticheskaya evolyutsiya* [Global Future 2045. Convergent technologies (NBICS) and transhumanistic evolution]. Ed. by Dubrovskii D.I. Moscow, 2013. 272 p.
9. Zor’kin V.D. The right of metamodern: problem statement. *Konstitutsionnoe pravosudie = Constitutional Justice*, 2019, no. 4 (70), pp. 1–8. (In Russ.).
10. *Filosofskii slovar’ Vladimira Solov’eva* [Vladimir Solovyov’s philosophical dictionary]. Rostov on Don, 200. 464 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА ОБОТУРОВА – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и истории инженерно-экономического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, oboturova@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5430-5059>

NATAL’YA S. OBOTUROVA – Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, professor at the Department of Philosophy and History of the Faculty of Engineering and Economics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, oboturova@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5430-5059>

Статья поступила 30.10.2023

Научная статья

УДК 324

doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.003

Институт плебисцита в исторической ретроспективе

ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ПЕРЕБИНОС

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, uliaperebinos@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1695-6299>

Аннотация. Статья посвящена проблеме соотношения понятий «плебисцит» и «референдум», анализу политико-правовой практики в исторической ретроспективе с целью выявления особенностей и отличительных черт института плебисцита. В качестве примера взят опыт Франции в силу того, что она имеет давние и стабильные традиции проведения плебисцитов. Исследование показало, что какого-либо принципиального различия между понятиями «плебисцит» и «референдум» в законодательстве России, зарубежных стран и на практике нет. Отличия между указанными дефинициями отмечены научной общественностью. В исследовательской литературе разграничение сводится к предмету голосования.

Ключевые слова: плебисцит; референдум; всенародное голосование; плебисцит во Франции; наполеоновские плебисциты; голлистские плебисциты.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Для цитирования: Перебинос Ю. А. Институт плебисцита в исторической ретроспективе // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 4 (24). С. 32–41. doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.003.

Original article

Plebiscite in Historical Retrospect

YULIYA A. PEREBINOS

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, uliaperebinos@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1695-6299>

Abstract. The article considers the problem of correlation of the concepts “plebiscite” and “referendum”, the analysis of political and legal practice in historical retrospect in order to identify features and distinctive features of the institution of plebiscite. The experience of France is taken as an example due to the fact that it has a long and stable tradition of holding plebiscites. The study shows that there is no fundamental difference between concepts “plebiscite” and “referendum” in the

legislation of Russia, foreign countries and in practice. The differences between these definitions are noted by the scientific community. In the research literature, the distinction is reduced to the subject of voting.

Key words: plebiscite; referendum; popular vote; plebiscite in France; Napoleonic plebiscites; Gaullist plebiscites.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Perebinos Yu.A. Plebiscite in historical retrospect. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 4 (24), pp. 32–41. doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.003.

В современной научной литературе к проблеме соотношения понятий референдума и плебисцита существует несколько подходов. Так, одна точка зрения указывает на синонимичность изучаемых явлений, в рамках этого подхода предполагается полное отождествление понятий «референдум» и «плебисцит». Такой взгляд находит отражение во многих энциклопедиях, справочниках и словарях современного периода. Например, в Российской юридической энциклопедии прямо указано, что «плебисцит – это всенародное обсуждение, вид всенародного голосования, референдум». При этом подчеркнута, что «с юридической точки зрения отсутствуют различия между референдумом и плебисцитом» [1, с. 707]. Указанная точка зрения зародилась еще в конце XIX – начале XX в. В частности, в словаре Ф. Брокгауза и И. Ефрона отмечено, что между институтами плебисцита и референдума «трудно указать принципиальное различие» [2, с. 861].

Согласно другой точке зрения, референдум и плебисцит – это два разных, хотя и схожих института. Оба являются правовыми формами народного голосования, но при этом существуют и отличия. Причем традиция разграничения плебисцита и референдума также восходит к концу XIX – началу XX в. В частности, Леон Дюги указывал, что «референдум очень ясно отличается от плебисцита». Так, плебисцит – это «акт, посредством которого народ делегирует власть одному человеку», в то время как референдум – это «прямое народное правление». Также ученый указывал, что плебисцит связан с личностью инициатора голосования по вопросу о доверии лично ему или его политике [3, с. 397]. Аналогичной точки зрения придерживался французский юрист М. Дюверже, который отмечал, что референдум – это одобрение реформ и голосование за закон, а плебисцит – выражение доверия к человеку и голосование за него [4, с. 44]. В 1990-е гг. исследователи также отмечали, что при плебисците голосование (в отличие от референдума, где волеизъявление граждан касается проекта правового акта) проводится с целью выявления отношения населения к проводимой лидером страны политике [5, с. 83]. На эту особенность указывают и французские авторы, а также отечественный специалист В. В. Маклаков, подчеркивая, что референдумы тогда приобретают плебисцитарный характер, когда становятся инструментом личной власти [6, с. 96].

Во второй половине XX в. некоторые исследователи, в том числе отечественные, акцентировали внимание и на других основаниях для разграничения понятий референдума и плебисцита. В частности, Л. И. Волова их отличие усматривала в отнесении первого к институтам международного права, а второго – к институтам

государственной отрасли. В этой связи она полагала, что плебисциты решают вопросы относительно «разрешения судьбы населения и территории», а референдумы направлены на голосование «населения для принятия законов» и «для решения местных и государственных проблем» [7, с. 53].

Некоторые отечественные исследователи различают два указанных института по целям достижения голосования, объектам и правовым основам. Так, по мнению С. В. Троицкого, плебисцит отличается от референдума его факультативностью, необязательностью проведения в соответствии с нормами конституционного законодательства, так как его проведение базируется не на законе, а на указе главы государства [4, с. 45].

По мнению других ученых, при плебисците голосование проходит таким образом, что требуется конкретный положительный либо отрицательный ответ, в то время как референдум предполагает выбор из нескольких вариантов ответов [8, с. 162].

Популярной является и точка зрения, согласно которой плебисцит рассматривает вопросы внешней политики, а референдум проводится по внутривнутриполитическим вопросам [9, с. 163].

В настоящее время в отечественной научной литературе бытует также мнение о том, что различия в терминологии обусловлены «лингвистическими нюансами» происхождения указанных терминов и «формальным закреплением их нормативного регулирования», следствием чего является вывод о том, что «плебисцит – термин более политологический, а референдум несет конкретно-правовой смысл» [10, с. 203].

Что касается законодательства зарубежных стран, то здесь можно выделить несколько аспектов. Прежде всего, как справедливо отмечают некоторые исследователи, традиция обозначать всенародное голосование как плебисцит сложилась исторически и принципиальной разницы с референдумом в таких странах не наблюдается. Примером может служить Франция. В то же время аналогичный институт в Швейцарии именовали референдумом [2, с. 861]. Впервые он состоялся в Швейцарии еще в 1439 г. [11, с. 48] и поныне является важным конституционным институтом в этом государстве.

Сегодня в нормативных актах Португалии, Италии, Испании и др. используется термин «референдум». В некоторых латиноамериканских странах, таких как Чили, Эквадор, Коста-Рика, в законодательстве предусмотрен термин «плебисцит» [12, с. 58].

В законодательстве некоторых стран (Сирия, Египет и др.) посредством референдума предусмотрены выборы президента. В этой связи в научной литературе отмечается, что тем самым происходит подмена одного института другим, а фактически в законодательстве этих стран закреплен институт плебисцитарного референдума, означающий голосование по важнейшим, общенациональной значимости вопросам [4, с. 45].

В большинстве же стран на практике оба института регулируются одними и теми же нормативными правовыми актами, проводятся по одинаковой процедуре и на идентичных принципах, их результаты имеют императивный характер. В ряде стран разница между ними сводится «лишь к традиции словоупотребления» [5, с. 84].

В современном российском законодательстве такого понятия, как «плебисцит», нет, используется термин «референдум». В связи с проведением голосования 2020 г. по вопросу внесения поправок в Конституцию Российской Федерации был принят специальный нормативный правовой акт – Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», который ввел новую для отечественной конституционно-правовой теории и практики конструкцию «всенародное голосование». В научной литературе проведенное в соответствии с указанным федеральным законом летом 2020 г. мероприятие называют и не плебисцитом, и не референдумом, а некоей гибридной формой, так как по формальным и процедурным причинам оно не соответствовало требованиям законодательства о проведении референдумов в Российской Федерации. При этом некоторые исследователи однозначно утверждают, что всенародное голосование 2020 г. не является референдумом, но «по всей вероятности является плебисцитом» [10, с. 203–204].

Таким образом, если какого-либо серьезного различия между понятиями «плебисцит» и «референдум» в законодательстве России, зарубежных стран и практической плоскости не выявляется, то они отмечаются в научной литературе, то есть подобные различия носят «чисто научный, доктринальный характер» [5, с. 84].

В целом разграничение рассматриваемых понятий в современной научной литературе сводится к предмету голосования – тому вопросу, который выносится на утверждение населением. Как правило, плебисцит проводится с целью определения государственной принадлежности какой-либо территории, для принятия решений по вопросам особой государственной важности, одобрения или неодобрения кандидатуры на должность главы государства [13, с. 10]. Следует согласиться с тем кругом исследователей, которые считают, что плебисцит – это разновидность референдума по предмету голосования. Предметом плебисцита является политика какого-либо высшего института власти (президента, премьер-министра, парламента и др.), которая касается и внутригосударственных, и международных вопросов, в том числе присоединения территорий [14, с. 45; 5, с. 84].

Если иметь в виду вышеуказанные критерии, то в истории зарубежных государств можно обнаружить немало примеров собственно плебисцита. В качестве иллюстрации особенностей плебисцитарных всенародных голосований в данной публикации выбрана Франция как страна, имеющая давние и стабильные традиции проведения всенародных голосований. Так, история плебисцитов во Франции ведет свой отсчет еще с XVIII в. Впервые там к всенародному голосованию прибегли еще в годы Великой Французской революции в 1793 [11, с. 48] и 1795 [14, с. 78] годах для ратификации республиканских конституций. При этом французские исследователи первым в истории Франции плебисцитом называют голосование от 30 августа 1799 г. по вопросу принятия Конституции VIII года республики [6, с. 94].

Плебисциты в постреволюционной Франции конца XVIII – начала XIX в. фактически касались изменения формы правления. На рубеже 1799–1800 гг. был проведен первый такой плебисцит, касавшийся утверждения новой французской Конституции 1799 г. [15, с. 141], которая стала результатом Переворота 18 брюмера и прихода Наполеона Бонапарта к власти в качестве Первого консула. Плебисцит проходил путем

публичной письменной подачи голосов в течение нескольких дней. При этом подача голосов проходила во французских департаментах в разное время. Таким образом, плебисцит 1799–1800 гг. фактически поставил крест на парламентаризме в постреволюционной Франции, так как конституция была принята в обход парламента.

Следующие плебисциты были проведены во Франции в 1802 и 1804 гг. и способствовали установлению режима личной власти Наполеона Бонапарта, переходу от республики к монархии в форме империи. Народное голосование 1802 г. проводилось по вопросу о предоставлении Бонапарту титула пожизненного первого консула, а на плебисцит 1804 г. было вынесено положение об утверждении права Бонапарта передавать императорское достоинство по наследству «в прямом, кровном, законном и усыновленном потомстве» [16, с. 173]. На обоих плебисцитах были приняты утвердительные решения, в результате во Франции произошла смена формы правления и возникла новая императорская династия Бонапартов.

В дальнейшем плебисциты во Франции были проведены в период Второй империи. Всего Наполеоном III было проведено пять голосований. Первый плебисцит состоялся еще при Второй республике, в конце 1851 г., он касался изменения ее Конституции и увеличения президентского срока Луи-Наполеона Бонапарта с четырех до десяти лет. В итоге продление президентства было одобрено большинством избирателей [17]. Через год в ноябре 1852 г. Бонапартом был инициирован новый плебисцит, на котором народом решался вопрос об одобрении ратификации новой Конституции, которую провел Сенат. Результатом плебисцита 1852 г. стало одобрение ратификации новой Конституции подавляющим большинством голосов [18]. В итоге во Франции был установлен режим Второй империи, монархия сменила республиканскую форму правления.

Еще одним примером всенародного голосования в истории Франции стал плебисцит 1870 г., организованный императором Наполеоном III с целью выявления уровня поддержки со стороны широких народных масс проводимых правительством либеральных реформ. На плебисците 1870 г. французы «смогли выразить свое мнение о проведенных преобразованиях в сфере государственных структур и гражданских свобод» [19, с. 95]. Также на голосование был вынесен вопрос об одобрении проекта новой Конституции. Иницируя данный плебисцит, по мнению исследователей, Наполеон III «оставался верен своим первоначальным принципам – ни одно серьезное действие власти не имеет веса без одобрения народа» [19, с. 99]. Голосование состоялось 8–9 мая 1870 г., в ходе его 82 % голосовавших поддержали проводимые Наполеоном либеральные реформы и новую Конституцию. По мнению историков, такой результат следовало рассматривать как «успех личной деятельности Наполеона III», которого французы «хорошо знали, который был им понятен, который выполнял свои обещания и символизировал порядок» [19, с. 99].

Таким образом, плебисциты режима бонапартизма конца XVIII – начала XIX в. и второй половины XIX в. отвечают главным признакам плебисцитарного всенародного голосования – на них принимались судьбоносные решения, касавшиеся важнейших сторон политического развития Франции и одобрения политики ее лидера.

В XX в. Франция также не единожды обращалась к практике проведения всенародных голосований: в 1945, 1946, 1958, 1961–1962, 1969, 1972, 1988, 1992, 2000 гг. В XXI в. пока было проведено лишь одно подобное всенародное голосование в 2005 г.

Первый в XX в. плебисцит был инициирован сразу же после окончания Второй мировой войны генералом Шарлем де Голлем для внутривнутриполитического переустройства Французской республики. Он включал два вопроса, на которые избиратели должны были ответить утвердительно или отрицательно. Первый вопрос предполагал выявление отношения избирателей к отмене Конституции Третьей республики и передаче власти новоизбранному парламенту. Вторым вопросом касался ограничения власти этого временного парламента в семь месяцев, в течение которых должна была быть принята новая конституция. В итоге народ своим решением отменил действие конституции 1875 г. и высказался за принятие новой конституции с последующим ее всенародным утверждением [6, с. 97–98].

Плебисциты, проводимые в мае и октябре 1946 г., решали вопросы ратификации новой конституции. В первом случае проект конституции был отвергнут, во втором – одобрен, что ознаменовало собой начало очередного этапа французской государственности – Четвертой республики [20, с. 226]. В 1958 г. на волне Алжирского кризиса и неспособности правительства его разрешить Шарлем де Голлем был инициирован очередной плебисцит, в ходе которого французы должны были дать утвердительный или отрицательный ответ на вопрос: «Вы за образование 5-й Республики?» [21, с. 65]. Фактически на этом плебисците население голосовало по вопросу доверия де Голлю, так как именно им был предложен проект Конституции Пятой республики, и именно он претендовал на должность президента в соответствии с новой конституцией, в которой полномочия президента были значительно расширены.

Плебисциты 1961–1962 гг., также организованные по инициативе Шарля де Голля, решали судьбу Алжира. Так, на плебисците от 08.01.1961 решался вопрос о самоопределении Алжира, причем голосование проходило как на территории самой Франции, так и на ее заморских территориях. Большинство участников голосования высказалось за предоставление Алжиру права на самоопределение [22, с. 29]. Аналогичный плебисцит в дальнейшем был проведен в 1988 г., в результате которого право на самоопределение получили жители еще одной колонии – Новой Каледонии [6, с. 108].

Плебисцит от 08.04.1962 касался одобрения Эвианских соглашений между Францией и Алжиром, согласно которым бывшая французская колония фактически должна была получить независимость. Более 90 % французов высказались утвердительно. В итоге в июле 1962 г. в Алжире прошел уже самостоятельный плебисцит, на котором алжирцы абсолютным большинством голосов высказались за независимость своей страны [22, с. 29]. Таким образом, плебисциты начала 1960-х гг. во Франции касались решения вопроса о государственной принадлежности определенной территории (в данном случае – Алжира), что также является предметом проведения собственно плебисцитов, то есть отвечает их отличительным от референдума чертам.

Важнейшим для политической системы Франции являлся и плебисцит от 28.10.1962, на который был вынесен вопрос о введении президентских выборов путем всеобщего голосования. Этот плебисцит, как и предыдущие, начиная с 1958 г., был инициирован Шарлем де Голлем [20, с. 236]. В этой связи следует обратить внимание на тот факт, что одобрение всеобщих президентских выборов означало

и одобрение политики де Голля как авторитетного главы Французской республики, что еще раз подчеркивает значимость плебисцита как всенародного голосования, одним из предметов которого является оказание доверия/недоверия лидеру государства. Эту особенность плебисцитов демонстрирует и голосование 1969 г. в условиях острейшего политического кризиса во Франции. Ш. де Голль вынес на рассмотрение избирателей проект реформы Сената и создания регионов. При этом в преддверии плебисцита президент заявил, что, если население не поддержит преобразования, он уйдет в отставку. Таким образом, плебисцит 1969 г. фактически являлся лакмусовой бумажкой степени доверия французов своему президенту. Большинство высказалось против реформ, и де Голль покинул президентский пост [14, с. 79]. Завершая обзор голлистских плебисцитов 1960-х гг., имеет смысл привести мнение В. В. Комаровой, которая отмечает, что «именно они являются классическим примером плебисцитарных референдумов» [4, с. 44].

Последний на данный момент плебисцит во Франции, проводимый по вопросу реформирования государственных институтов, состоялся в 2000 г. Он решал важнейший вопрос – сокращение срока полномочий президента Французской республики с семи до пяти лет. Большинство участвующих в голосовании высказались за сокращение срока правления [14, с. 83]. Плебисциты 1972, 1992, 2005 гг. касались формирования и развития Европейского Союза, в котором Франция играла одну из ключевых ролей [6, с. 108]. Причем Ж.-Р. Дюпра указывает, что «в голосованиях 1992 и 2005 гг. отсутствовали качества плебисцитарности референдумов» [14, с. 80]. Под плебисцитарностью референдумов он понимает то, что они апеллировали напрямую к мнению народа «в целях проведения решений через голову парламента», в этой связи плебисциты эпохи президентства Ж. де Голля как раз и были направлены на «избавление от сопротивления парламентских палат» [14, с. 81].

Обобщая практику проведения всенародных голосований во Франции в течение XVIII–XXI вв., следует констатировать, что плебисциты проводились регулярно, систематически, в разных политико-правовых условиях. Они отвечают доктринальным, принятым в современной научной литературе представлениям о плебисците. Предметом французских плебисцитов являлись важнейшие вопросы государственно-политической жизни, в том числе одобрение новых конституций, продление или сокращение срока полномочий главы государства, решение вопросов о государственной принадлежности той или иной территории. Довольно часто во Франции значением проведения всенародных голосований являлось оказание доверия или недоверия лидеру страны.

Опираясь на особенности плебисцита с доктринальной точки зрения, практику проведения подобных всенародных голосований во Франции как государстве, имеющем стабильные традиции организации и проведения плебисцитов, и учитывая тот факт, что в законодательстве Российской Федерации в настоящее время отсутствует указанная дефиниция, представляется возможным ввести в отечественную политико-правовую теорию и практику термин «плебисцит» для обозначения всенародного голосования по вопросам доверия главе государства, Государственной Думе, Совету Федерации, Председателю Правительства, другим высшим органам власти и управления, а также по вопросу государственной принадлежности той или иной территории.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Российская юридическая энциклопедия / гл. ред. А. Я. Сухарев. М., 1999. 1110 с.
2. Энциклопедический словарь : в 86 т. / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1899. Том XXIIIa: Петропавловский – Поватажное. 981 с.
3. Дюги Л. Конституционное право: Общая теория государства. М., 1908. 957 с.
4. Комарова В. В. Новые формы народовластия или старый референдум? // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2006. № 1. С. 42–48.
5. Синцов Г. В. Проблемы разграничения понятий института референдума и плебисцита в законодательстве зарубежных стран // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 4. С. 81–84.
6. Маклаков В. В. Референдум в зарубежных странах : учеб. пособ. М., 2014. 127 с.
7. Волова Л. И. Плебисцит в международном праве. М., 1972. 152 с.
8. Дюкло Ж. Будущее демократии / пер. с фр. Ж. Дюкло. М., 1963. 199 с.
9. Елисеева А. А., Зацепя О. О. Государственно-правовая природа народовластия: синтетический подход // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2011. №2 (39). С. 161–169.
10. Пирожкова И. Г., Попов А. М. Институт референдума: проблемные вопросы квалификации и законодательство Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. 202–213.
11. Бучакова М. А., Шевченко, С. В. Референдум и плебисцит как формы непосредственной демократии // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2016. № 1 (46). С. 47–53.
12. Пономаренко А. Н. Конституционные и наднациональные стандарты в сфере референдума и право народов на самоопределение // Закон и право. 2019. № 5. С. 57–60.
13. Бошно С. В., Чиркин, В. Е. Государствоведение: прямая демократия или краудсорсинг? // Право и современные государства. 2019. № 4. С. 9–19.
14. Дюпра Ж.-Р. Конституционный референдум во французской системе, функционирующей на логической основе представительства // Правовые исследования во Франции : сб. науч. тр. / под общ. ред. В. В. Маклакова. М., 2007. С. 77–83.
15. Денисов С. А. Условия демократизации правотворчества // Юридическая техника. 2014. № 8. С. 138–145.
16. Казачанская Е. А., Конопий А. С. Переворот 18 брюмера VIII года республики (9 ноября 1799 года) и переход к режиму единоличной власти Бонапарта // Философия права. 2019. № 4 (91). С. 167–174.
17. Плебисцит о ратификации государственного переворота 2 декабря 1851 г. URL: https://frpedia.wiki/ru/Plébiscites_sous_Napoléon_III#cite_note-Dec_1851-1 (дата обращения: 29.05.2023).
18. Референдум о восстановлении империи [голосование 21 и 22 ноября 1852 г.]. URL: <https://mjp.univ-perp.fr/france/ref1852.htm> (дата обращения: 29.05.2023).
19. Уварова М. А. «Либеральная империя» и электоральные процессы во Франции (1869–1870) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. № 4 (849). С. 94–101.
20. Крашенинникова Н. А. История государства и права зарубежных стран : в 2 т. : учеб. / отв. ред. Н. А. Крашенинникова. М., 2020. Т. 2: Современная эпоха. 816 с.
21. Кларе Ф. 1958: преюмственность и разрыв исторической традиции // Политические институты России и Франции: традиции и современность: сб. науч. тр. / отв. ред. Д. В. Ефременко, Н. Ю. Лапина. М., 2014. С. 65–78.
22. Шмелев Д. В. Народно-республиканское движение и война в Алжире // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 4. С. 26–31.

REFERENCES

1. *Rossiiskaya yuridicheskaya entsiklopediya* [Russian Legal Encyclopedia]. Ed. by Sukharev A.Ya. Moscow, 1999. 1, 110 p.
2. *Entsiklopedicheskii slovar': v 86 t. Tom XXIIIa: Petropavlovskii – Povatazhnoe* [Encyclopedic dictionary: in 86 volumes. Volume XXIIIa: Petropavlovsk – Povatazhnoe]. Ed. by F.A. Brockhaus, I.A. Efron. Saint Petersburg, 1899]. Saint Petersburg, 1899. 981 p.
3. Dyugi L. *Konstitutsionnoe pravo: obshchaya teoriya gosudarstva* [Constitutional law: general theory of the state]. Moscow, 1908. 957 p.
4. Komarova V.V. New forms of democracy or the old referendum? *Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoi informatsii Respubliki Kazakhstan = Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan*, 2006, no. 1, pp. 42–48. (In Russ.).
5. Sintsov G.V. The differentiation problems of the terms referendum and plebiscite in the foreign countries legislation. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Legal Legislation*, 2010, no. 4, pp. 81–84. (In Russ.).
6. Maklakov V.V. *Referendum v zarubezhnykh stranakh: ucheb. posob.* [Referendum in foreign countries: study guide]. Moscow, 2014. 127 p.
7. Volova L.I. *Plebistsit v mezhdunarodnom prave* [Plebiscite in international law]. Moscow, 1972. 152 p.
8. Duclos J. *Budushchee demokratii* [The future of democracy]. Moscow, 1963. 199 p.
9. Eliseeva A.A., Zatsepa O.O. State legal nature of democracy: synthetic approach. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V.B. Bobkova filiala Rossiiskoi tamozhennoi akademii = Scientific Notes of the Saint Petersburg Branch of the Russian Customs Academy named after V.B. Bobkov*, 2011, no. 2 (39), pp. 161–169. (In Russ.).
10. Pirozhkova I.G., Popov A.M. Referendum institution: problematic issues of qualification and legislation of the Russian Federation. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 1, 202–213. (In Russ.).
11. Buchakova M.A., Shevchenko, S.V. Referendum and plebiscite as a form of direct democracy. *Vestnik OmGU. Seriya. Pravo = Bulletin of the Omsk State University. Series. Law*, 2016, no. 1 (46), pp. 47–53. (In Russ.).
12. Ponomarenko A.N. Constitutional and supranational standards in the field of referendum and the right of peoples to self-determination. *Zakon i pravo = Law and Legislation*, 2019, no. 5, pp. 57–60. (In Russ.).
13. Boshno S.V., Chirkin V.E. State studies: direct democracy or crowdsourcing? *Pravo i sovremennye gosudarstva = Law and Modern States*, 2019, no. 4, pp. 9–19. (In Russ.).
14. Dupre J.-R. Constitutional referendum in the French system, functioning on the logical basis of representation. In: Maklakov V.V. *Pravovye issledovaniya vo Frantsii: sb. nauch. tr.* [Legal studies in France: collection of scientific works]. Moscow, 2007. Pp. 77–83. (In Russ.).
15. Denisov S.A. Conditions for the democratization of lawmaking. *Yuridicheskaya tekhnika = Legal Technique*, 2014, no. 8, pp. 138–145. (In Russ.).
16. Kazachanskaya E.A., Konopii A.S. The coup d'état of the 18th Brumaire of the VIII year of the Republic (November 9, 1799) and the transition to the regime of Bonaparte's sole power. *Filosofiya prava = Philosophy of Law*, 2019, no. 4 (91), pp. 167–174. (In Russ.).
17. *Plebistsit o ratifikatsii gosudarstvennogo perevorota 2 dekabrya 1851 g.* [Plebiscite on ratification of the coup d'état on December 2, 1851]. Available at: https://frpedia.wiki/ru/Plébiscites_sous_Napoléon_III#cite_note-Dec_1851-1 (Accessed May 29, 2023).
18. *Referendum o vosstanovlenii imperii [golosovanie 21 i 22 noyabrya 1852 g.]* [Referendum on the restoration of the Empire [voting on November 21 and 22, 1852]]. Available at: <https://mjp.univ-perp.fr/france/ref1852.htm> (accessed May 29, 2023). (In Russ.).

19. Uvarova M.A. "The Liberal Empire" and electoral processes in France (1869–1870). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki = Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 2022, no. 4 (849), pp. 94–101. (In Russ.).
20. Krashennnikova N.A. *Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnykh stran : v 2 t. T. 2: Sovremennaya epokha: ucheb.* [History of state and law of foreign countries: in 2 volumes. Volume 2: Modern Era: textbook]. Ed. by N.A. Krashennnikov. Moscow, 2020, 816 p.
21. Klare F. 1958: continuity and rupture of historical tradition. In: Efremenko D.V., Lapina N.Yu. *Politicheskie instituty Rossii i Frantsii: traditsii i sovremennost': sb. nauch. tr.* [Political institutions of Russia and France: traditions and modernity: collection of scientific works]. Moscow, 2014. Pp. 65–78. (In Russ.).
22. Shmelev D.V. The Republican People's movement and the war in Algeria. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki = Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*, 2010, no. 4, pp. 26–31. (In Russ.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ПЕРЕБИНОС – **YULIYA A. PEREBINOS** – Candidate of Sciences (History), Associate Professor, associate professor at the Department of State and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, uliaperebinos@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1695-6299>

Статья поступила 30.05.2023

Научная статья

УДК 34.023

doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.004

Правосубъектность искусственного интеллекта: теоретико-правовые проблемы

ВИТАЛИЙ ДАНУСОВИЧ САТТАРОВ

Пермский институт ФСИН России, Пермь, Россия, sattarov_@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-6637-5145>

Аннотация. В статье анализируются проблема признания правосубъектности искусственного интеллекта, связанные с этим закономерности, а также ряд теоретико-правовых особенностей, присущих данной технологической инновации. Искусственный интеллект – это техническое средство, способное к самообучению, а также к воспроизводству когнитивных и коммуникативных функций, традиционно характерных для человеческого разума. Эмоциональный искусственный интеллект способен также понимать эмоции и подражать им. Автором систематизируются распространенные научные концепции, идеи и подходы, обосновывающие потребность признания правосубъектности искусственного интеллекта либо отрицающие подобную возможность, сформулирована позиция по вопросу правосубъектности искусственного интеллекта. По мнению автора, исследуемое техническое средство не способно в полной мере выступать субъектом правовых отношений по причине отсутствия свободы воли как важного условия приобретения правосубъектности.

Ключевые слова: правосубъектность; искусственный интеллект; права и обязанности; ответственность искусственного интеллекта; правовые отношения; свобода воли; роботы.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Для цитирования: Саттаров В. Д. Правосубъектность искусственного интеллекта: теоретико-правовые проблемы // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 4 (24). С. 42–50. doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.004.

Original article

Legal Personality of Artificial Intelligence: Theoretical and Legal Problems

VITALII D. SATTAROV

Perm Institute of the Federal Penitentiary Service, Perm, Russia,
sattarov_@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6637-5145>

Abstract. The article analyzes the problem of recognizing legal personality of artificial intelligence, the associated patterns, as well as a number of theoretical and legal features inherent in this technological innovation. Artificial intelligence is

a technical tool capable of self-learning, as well as reproduction of cognitive and communicative functions traditionally characteristic of the human mind. “Emotional” artificial intelligence is also able to understand emotions and imitate them. The author systematizes widespread scientific concepts, ideas and approaches that justify the need to recognize legal personality of artificial intelligence or deny such a possibility, and formulates the author’s position on the issue of the legal personality of artificial intelligence. According to the author, the studied technical means is not able to fully act as a subject of legal relations due to the lack of free will as an important condition for acquiring legal personality.

Keywords: legal personality; artificial intelligence; rights and obligations; responsibility of artificial intelligence; legal relations; freedom of will; robots.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Sattarov V.D. Legal personality of artificial intelligence: theoretical and legal problems. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 4 (24), pp. 42–50. doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.004.

Важным фактором развития человеческого общества в современных технологических и социально-правовых условиях представляется цифровая трансформация всех сфер жизни и деятельности как конкретно взятого индивида, так и всего социума в целом. От того, насколько успешно каждый из нас сможет приспособиться к новой технической и правовой реальности, зависит благополучие человечества в наступившем XXI в.

Одним из вызовов, с которым неизбежно столкнется общество в ближайшем будущем, является искусственный интеллект, а точнее его интеграция в экономику, культуру, образование, производство, публичное управление и т. д. Сегодня наблюдается всесторонняя поддержка применения технологий искусственного интеллекта со стороны государства и его должностных лиц, что находит отражение в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. (далее – Стратегия), утвержденной указом Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». Согласно п. 17–18 Стратегии развитие технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации необходимо для обеспечения ее конкурентоспособности и технической независимости, предотвращения технологического отставания от иных стран. Вышеизложенное означает, что рассматриваемая технологическая инновация станет все более активно внедряться в правовую и общественную реальность. Уже в настоящее время наблюдается устойчивая динамика проникновения технологий, связанных с искусственным интеллектом, в бизнес-среду, деятельность государства и частного сектора.

Подтверждением изложенных фактов могут выступить данные статистики, полученные специалистами Стэнфордского института искусственного интеллекта в процессе подготовки ежегодного «Индекса искусственного интеллекта» за 2023 г. В частности, это исследование приводит следующие показатели:

– объем частных инвестиций в искусственный интеллект в 2022 г. составил порядка 91,1 млрд долларов, что в 18 раз больше, чем в 2013 г.;

– число научных работ, посвященных искусственному интеллекту (только на китайском и английском языках), с 2010 по 2021 г. выросло более чем в 11 раз, достигнув показателя в 500 тыс. исследований;

– упоминание рассматриваемых технологий в ходе судебных разбирательств с 2016 по 2022 г. увеличилось более чем в 6,5 раз [1].

Возможно предположить, что приведенная информация свидетельствует о большой востребованности научных изысканий, посвященных проблематике искусственного интеллекта, в том числе имеющих правовую направленность. При этом среди многочисленных вопросов правового регулирования рассматриваемой области особенно высоким интересом, на наш взгляд, обладает тема позиционирования искусственного интеллекта как субъекта права. Несмотря на то что актуальные технические решения остаются несовершенными, объективно нуждаются в качественном улучшении и совершенствовании, можно с большой долей вероятности заявлять о высокой перспективности разработки их теоретико-правовой основы, в том числе базовых закономерностей правового регулирования технологий, имитирующих и копирующих человеческое мышление.

Прежде чем приступить к разработке проблематики правосубъектности искусственного интеллекта, следует обратить внимание на ряд понятийно-категориальных особенностей и максимально точно определить значение базового понятия, которым выступает непосредственно сам искусственный интеллект.

В науке принято считать, что искомое понятие было внедрено в научный оборот еще в 1956 г. американским ученым Джоном Маккарти, понимавшим его достаточно абстрактно, а именно как систему, способную с помощью самообучения создавать программы для решения конкретных задач определенного класса сложности [2, с. 4]. Позднее данное понятие значительно трансформировалось, приобретая все более антропоморфную форму.

Обратимся к Стратегии как к основному нормативному источнику в рассматриваемой сфере, где под искусственным интеллектом понимается комплекс технологических решений, который позволяет имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение, поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека. Схожим образом данное понятие закрепляется в иных подзаконных нормативных правовых актах и в национальных стандартах. Например, ГОСТ Р 43.0.8-2017 «Информационное обеспечение техники и операторской деятельности. Искусственно-интеллектуализированное человекоинформационное взаимодействие. Общие положения», утвержденный и введенный в действие приказом Росстандарта от 27.07.2017 №757-ст (п. 3.15), определяет искусственный интеллект в качестве моделируемой или искусственно воспроизводимой интеллектуальной деятельности человека. Несмотря на данные факты, глубина и многообразие искусственного интеллекта как феномена реальности требует от юристов-исследователей более тщательного изучения его содержательного и сущностного наполнения, присущих ему терминологических особенностей.

В работах современных авторов можно обнаружить разнообразные подходы к тому, что именно необходимо понимать под таким новшеством. К примеру, А. В. Минбалева предлагает конструировать легальное понятие «искусственный интеллект»,

основываясь на системном анализе такого явления, понимая под ним в первую очередь совокупность технологий, которые интегрированы в единый механизм, подчиненный определенным целям и задачам [3, с. 1094]. При этом, как отмечает ученый, раскрытие сущности рассматриваемой терминологической конструкции в большинстве случаев базируется на дихотомии таких понятий, как «естественный интеллект» и «искусственный интеллект». Данный подход сегодня разделяют многие исследователи [4, с. 85; 5, с. 107–110], так как он представляется интуитивно понятным и закономерным.

Если естественный интеллект принято характеризовать как свойство психики человека, которое позволяет ему реализовывать мыслительную деятельность и познавать окружающую реальность, приспосабливаться к ней, находить действенные решения нестандартных проблем и накапливать, использовать полученный при этом опыт, то искусственный интеллект следует рассматривать как техническое средство, способное воспроизводить вышеуказанные свойства человеческого разума (все или часть из них). В целом это понимание исследуемого феномена и нашло отражение в имеющейся нормативной правовой базе.

В диссертационном исследовании П. М. Морхата искусственный интеллект предложено определять как полностью либо частично автономную компьютерно-аппаратно-программную или киберфизическую, в том числе био-кибернетическую, систему, не живую в биологическом смысле этого понятия, наделенную соответствующим математическим обеспечением, а также набором программно-синтезированных (эмулированных) способностей и возможностей, в том числе связанных с имитацией мыслительных и когнитивных действий, саморегулированием и самостоятельным накоплением информации, обучением и самообучением, а также творческим (нешаблонным) решением поставленных перед системой задач и т. д. [6, с. 92–93].

Другой подход к анализируемой проблеме состоит в том, что в ходе рассмотрения искусственного интеллекта нужно учитывать не только его способности воспроизводить когнитивные функции (память, мышление, самообучение и т. д.), но и его умение вступать в коммуникацию с иными субъектами, поддерживать ее. В настоящее время можно обнаружить, что исследуемая технология в указанном направлении демонстрирует значительные успехи. В частности, одним из качеств современного искусственного интеллекта считают способность к анализу, распознаванию и синтезу речи, что также находит отражение в законодательстве (п. 3 ч. 1 с. 2 Федерального закона от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»»). Современные голосовые помощники с каждым годом улучшают свой функционал и получают все более широкое распространение. При этом, исходя из прогнозов ученых, взаимодействие людей с интеллектуальными системами будет возрастать в той же мере, в которой найдут свое дальнейшее развитие сеть Интернет, средства обработки и передачи информации [7].

Одновременно с этим изучаемые технические средства давно и успешно используются в маркетинговых целях, включая продвижение на рынке конкретных видов товаров или услуг. Для повышения эффективности названной деятельности в разработке находятся технологии, называемые эмоциональным интеллектом [8, с. 66]. Последние в перспективе смогут существенно улучшить коммуникативные возможности искусственного интеллекта, научив его пониманию и реакции на эмоциональные проявления человеческого поведения. Уже сейчас голосовые помощники могут вступать в вербальную беседу, имитируя реального собеседника и подстраиваясь под его настроение, даже распознавая пол и возраст говорящего [8, с. 68].

В сложившихся правовых условиях вопрос о признании субъектом права идеального искусственного интеллекта, способного одновременно к имитации когнитивных и коммуникативных функций человеческого разума, наделенного возможностью саморазвития, самообучения и даже некоторой степенью эмпатии, приобретает особое значение как для юридической науки, так и для практики правового регулирования.

Следует отметить, что очевидное решение обозначенного вопроса, которое связано с отрицанием любой возможности уравнивания правового статуса личности (физического лица) или организации (юридического лица) с искусственным интеллектом, при более пристальном изучении темы перестает быть столь однозначным и неоспоримым. Например, промышленные роботы (с интегрированным искусственным интеллектом) могут иметь регистрацию, учетный номер, хозяйственную компетенцию и даже способны нести юридическую ответственность (в том случае, если демонстрируют неудовлетворительные результаты деятельности – в форме принудительного отключения, доработки программы или ее утилизации) [9, с. 88].

Можно привести и иные примеры, подтверждающие факт наличия дискуссии в вопросе правосубъектности искусственного интеллекта. Так, в Европейском парламенте еще в 2017 г. высказывалось предложение о признании за указанным видом интеллектуальных систем отдельных прав гражданско-правового характера [10, с. 27]. Несмотря на то что в итоговой резолюции парламент сделал вывод о невозможности таких действий в имеющихся технико-юридических условиях при вероятном изменении обстановки в будущем (Резолюция Европейского Парламента от 16.02.2017 с рекомендациями Комиссии по гражданско-правовым нормам по робототехнике (2015/2103(INL))), уже само обсуждение указанной темы свидетельствует о противоречивости существующих воззрений.

В продолжение необходимо отметить, что в научной литературе находит широкое распространение сравнение правового статуса роботов с рабами в Древнем Риме, за которыми на протяжении длительного времени также не признавалась правосубъектность. На основании такого сравнения часть ученых приходит к выводу о будущей трансформации доминирующих подходов к правовому регулированию искусственного интеллекта в направлении легализации его прав и обязанностей (в отрыве от создателя) [11; 12]. Вместе с тем допустимость этого сравнения необходимо, на наш взгляд, поставить под сомнение ввиду существенных различий в природе человека и машины. Если раб отличался от свободных граждан Рима пре-

имущественно только в социальном аспекте, то искусственный интеллект изначально появился как творение людей, созданное для оказания им помощи.

Закономерно, что помимо сторонников правосубъектности искусственного интеллекта среди исследователей есть значительная группа ее противников. Среди ключевых аргументов, высказываемых против признания рассматриваемого технического средства субъектом права, обычно приводят опасения, связанные с попытками крупных фирм и предприятий исключить для себя опасность понести юридическую ответственность за действия или решения, которые могут быть совершены (приняты) искусственным интеллектом, созданным при их участии или функционирующим в их интересах [13, с. 25]. Ошибки, допущенные указанными интеллектуальными системами, способны причинить значительный ущерб как публичным интересам, так и правам, свободам частных лиц. В этой связи важно иметь возможность верно определить ответчика по конкретному гражданско-правовому спору или спору иного характера.

В случае если на законодательном уровне будет признана способность искусственного интеллекта нести юридическую ответственность, то следующим логичным шагом будет также закрепление за ним некоторых основных прав. Например, право на функционирование (защита от отключения), потребление электроэнергии, самообучение и т. д. Вместе с тем лишь малая часть ученых согласна с реализацией данного варианта развития нормативной правовой базы, основываясь на понимании интеллектуальных систем скорее как инструмента, созданного для помощи человеку [14, с. 6].

Отдельно следует отметить, что среди ученых встречаются и такие компромиссные подходы. Например, Е. В. Пономарева предлагает признавать исследуемые интеллектуальные системы не субъектами, а квазисубъектами права, объясняя это тем, что искусственный интеллект, каким бы совершенным он ни был, не может испытывать чувство вины и в его действиях (решениях, поступках) невозможно обнаружить полный состав преступления либо правонарушения ввиду отсутствия субъективной стороны [15]. Схожие идеи высказывали и другие ученые, в том числе П. С. Гуляева [16]. Тем не менее представляется, что приведенная аргументация скорее полностью отрицает любую возможность легализации правосубъектности в отношении характеризованных технических средств.

В целом, абстрагируясь от гражданско-правовых аспектов рассматриваемой проблемы, а также попыток найти компромисс, важно указать на то, что, по нашему мнению, одним из главных препятствий на пути признания правосубъектности искусственного интеллекта выступает отсутствие свободной воли у таких интеллектуальных систем. Создавая искусственный интеллект, обладающий большой степенью автономности, а также способный к самообучению, развитию, качественному изменению, изобретатель обязан предусматривать действенный механизм сдерживания как защиту от потенциально вероятных неблагоприятных последствий неконтролируемой трансформации системы под влиянием внешних факторов.

Создание ситуации, в которой станет возможным свободное функционирование искусственного интеллекта, который не будет ничем ограничен, представляется как минимум бессмысленным и потенциально опасным. Неслучайно, что даже писатели-фантасты, которые затрагивали в своих произведениях исследуемую тему, ос-

новывали свое видение проблемы на специальных правилах работы данных интеллектуальных систем. В этой связи особый интерес могут иметь идеи А. Азимова, который в рассказе «Хоровод» еще в 1941 г. сформулировал три закона робототехники, заключающиеся в том, что роботы не могут вредить людям; обязаны им подчиняться, если это не нарушает первое правило; должны защищать свою жизнь, если это не противоречит первым двум правилам [17]. Несмотря на то что с обозначенного времени наука и техника значительно продвинулись в своем развитии, данные правила остаются актуальными, хотя изначально рассматривались лишь как фантастическая идея, и могут в будущем стать основой законодательного регулирования искусственного интеллекта.

Принимая во внимание, что искусственный интеллект при любых условиях будет лишен свободы воли, полагаем бессмысленным рассматривать его в качестве субъекта, способного к тому, чтобы нести юридическую ответственность за совершенные деяния и принятые решения. В свою очередь если анализируемое техническое средство не обладает деликтоспособностью, то оно не способно получить полный объем правосубъектности (даже в том случае, если за ним признать отдельные права и свободы).

Таким образом, оценив имеющиеся в юридической науке подходы к правосубъектности искусственного интеллекта, а также присущие указанному феномену реальности особенности, полагаем, что исследуемые технические средства не способны обладать правосубъектностью по причине отсутствия свободы воли, которая исключает их способность нести юридическую ответственность за совершенные деяния и принятые решения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Отчет по индексу искусственного интеллекта за 2023 г. URL: https://ict.moscow/static/pdf/files/NAI_AI-Index_Report_2023.pdf (дата обращения: 21.07.2023).
2. Смит К. История искусственного интеллекта. Сизтл, 2006. 27 с.
3. Минбалеев А. В. Понятие «искусственный интеллект» в праве // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2022. Т. 32, № 6. С. 1094–1099.
4. Наумов В. Б., Камалова Г. Г. Вопросы построения юридических дефиниций в сфере искусственного интеллекта // Труды Института государства и права РАН. 2020. Т. 15, № 1. С. 81–93.
5. Панов О. В. Функциональная структура бессознательного и возможность формирования новых принципов искусственного интеллекта. Искусственный интеллект: междисциплинарный подход / под ред. Д. И. Дубровского и В. А. Лекторского. М., 2006. 448 с.
6. Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 420 с.
7. Рэйни Л., Андерсон Дж. Признание Интернета вещью: каковы последствия? Отчет. Вашингтон, 2017. 94 с.
8. Моисеенко М. В. Влияние эмоционального искусственного интеллекта на процесс коммуникаций // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2019. № 6. С. 66–70.
9. Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 79–102.

10. Гаджиев Г. А., Войниканис Е. А. Может ли робот быть субъектом права? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 24–48.
11. Какудаки Д. Анатомия робота: литература, кино и культурная работа искусственного интеллекта. Нью-Брансуик, 2014. 272 с.
12. Теркл С. Вместе наедине: почему мы ожидаем большего от технологий и меньше друг от друга. Нью-Йорк, 2011. 386 с.
13. Крысанова Н. В. К вопросу о правосубъектности и правовом развитии искусственного интеллекта // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4. Государство и право: реферативный журнал. 2021. № 1. С. 22–31.
14. Сурдин Т. Справедливость и технологические инновации // Доступ к правосудию. 2015. № 42. С. 1–12
15. Пономарева Е. В. Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019. 208 с.
16. Гуляева П. С. Квазиправосубъектность искусственного интеллекта: теоретико-правовые аспекты // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2022. № 2. С. 58–69.
17. Азимов А. Хоровод / пер. А. Д. Иорданского. URL: <https://coollib.com/b/92670-ayzek-azimov-horovod> (дата обращения: 28.07.2023).

REFERENCES

1. *Otchet po indeksu iskusstvennogo intellekta za 2023 g.* [Report on the Artificial Intelligence Index for 2023]. Available at: https://ict.moscow/static/pdf/files/HAI_AI-Index_Report_2023.pdf (accessed July 21, 2023).
2. Smit K. *Istoriya iskusstvennogo intellekta* [History of artificial intelligence]. Seattle, 2006. 27 p.
3. Minbaleev A.V. The concept of “artificial intelligence” in law. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya “Ekonomika i pravo” = Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*, 2022, vol. 32, no. 6, pp. 1,094–1,099. (In Russ.).
4. Naumov V.B., Kamalova G.G. Problems of the formation of the conceptual apparatus in the field of artificial intelligence. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN = Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 2020, vol. 15, no. 1, pp. 81–93. (In Russ.).
5. Panov O.V. *Funktsional'naya struktura bessoznatel'nogo i vozmozhnost' formirovaniya novykh printsiptov iskusstvennogo intellekta. Iskusstvennyi intellekt: mezhdistsiplinaryni podkhod* [The functional structure of the unconscious and the possibility of forming new principles of artificial intelligence. Artificial intelligence: an interdisciplinary approach]. Ed. by Dubrovskii D.I., Lektorskii V.A. Moscow, 2006. 448 p.
6. Morkhat P.M. *Pravosub"ektnost' iskusstvennogo intellekta v sfere prava intelektual'noi sobstvennosti: grazhdansko-pravovye problemy: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Legal personality of artificial intelligence in the field of intellectual property law: civil law problems: Dissertation of Doctor of Sciences (Law)]. Moscow, 2018. 420 p.
7. Rainey L., Anderson J. *Priznanie Interneta veshch'yu: kakovy posledstviya? Otchet* [Recognizing the Internet as a thing: What are the consequences? Report]. Washington, 2017. 94 p.
8. Moiseenko M.V. Influence of emotion artificial intelligence on the communication process. *Medsitsina. Sotsiologiya. Filosofiya. Prikladnye issledovaniya = Medicine. Sociology. Philosophy. Applied Research*, 2019, no. 6, pp. 66–70. (In Russ.).
9. Laptev V.A. Artificial intelligence and liability for its work. *Pravo. Zhurnal Vyshei shkoly ekonomiki = Law, Journal of the Higher School of Economics*, 2019, no. 2, pp. 79–102. (In Russ.).

10. Gadzhiev G.A., Voinikanis E. A Could robot be a legal subject? (in search of legal forms for digital economy regulation). *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Law, Journal of the Higher School of Economics*, 2018, no. 4, pp. 24–48. (In Russ.).
11. Kakudaki D. *Anatomiya robota: literatura, kino i kul'turnaya rabota iskusstvennogo intellekta* [Anatomy of a robot: literature, cinema and cultural work of artificial intelligence.]. New Brunswic, 2014. 272 p.
12. Turkle S. *Vmeste naedine: pochemu my ozhidaem bol'shego ot tekhnologii i men'shego drug ot druga* [Alone together: why we expect more from technology and less from each other]. New York, 2011. 386 p.
13. Krysanova N.V. On the issue of legal personality and legal development of artificial intelligence. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 4. Gosudarstvo i pravo: referativnyi zhurnal = Information and analytical journal "Social and Humanitarian Sciences: Domestic and Foreign Literature". Series 4: "State and law"*, 2021, no. 1, pp. 22–31. (In Russ.).
14. Surdin T. Justice and technological innovations. *Dostup k pravosudiyu = Access to Justice*, 2015, no. 42, pp. 1–12. (In Russ.).
15. Ponomareva E.V. *Sub"ekty i kvazisub"ekty prava: teoretiko-pravovye problemy razgranicheniya: dis. ... kand. yurid. nauk* [Subjects and quasi-subjects of law: theoretical and legal problems of differentiation: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Ekaterinburg, 2019. 208 p.
16. Gulyaeva P.S. Quasi-legal personality of artificial intelligence: theoretical and legal aspects. *Vestnik MGPU. Seriya "Yuridicheskie nauki" = MCU Journal of Legal Sciences*, 2022, no. 2, pp. 58–69. (In Russ.).
17. Azimov A. *Khorovod* [Roundelay]. Available at: <https://coollib.com/b/92670-ayzek-azimov-horovod> (accessed July 28, 2023).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВИТАЛИЙ ДАНУСОВИЧ САТТАРОВ – старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Пермского института ФСИН России, Пермь, Россия, sattarov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6637-5145>

VITALII D. SATTAROV – Senior Lecturer at the Department of State and Legal Disciplines of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service, Perm, Russia, sattarov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6637-5145>

Статья поступила 02.08.2023

Научная статья

УДК 351.95

doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.005

Административно-юрисдикционные полномочия сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: новый подход к нормативному регулированию

НАДЕЖДА ВЛАДИМИРОВНА АНИСКИНА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, AniskinaN555@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7185-5730>

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ СТАРОСТИН

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия, SASTAROSTIN@msal.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0108-7916>

Аннотация. Статья посвящена проблемам нормативного регулирования административно-юрисдикционных полномочий сотрудников уголовно-исполнительной системы. Обосновывается позиция о необходимости использования профессионально-стратификационного подхода к нормативному закреплению данных полномочий, который позволяет учитывать занимаемую сотрудником должность и специфику сферы правореализации. Предлагается внести изменения в Приказ ФСИН России от 19.08.2019 № 688 в части корректировки квалификационных требований к должностям в уголовно-исполнительной системе.

Ключевые слова: административно-юрисдикционные полномочия; административное принуждение; административная деятельность; стратификация; квалификационные требования.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Для цитирования: Анискина Н. В., Старостин С. А. Административно-юрисдикционные полномочия сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: новый подход к нормативному регулированию // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 4 (24). С. 51–59. doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.005.

Administrative and Jurisdictional Powers of the Russian Penal System Employees: New Approach to Regulatory Regulation

NADEZHDA V. ANISKINA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, AniskinaN555@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7185-5730>

SERGEI A. STAROSTIN

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia, SASTAROSTIN@msal.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0108-7916>

Abstract. The article considers problems of regulation of administrative and jurisdictional powers of the penal system employees. The article substantiates the position on the need to use a professional stratification approach to the normative consolidation of these powers, which allows taking into account the position held by the employee and the specifics of the sphere of legal realization. It is proposed to amend the Order of the Federal Penitentiary Service of Russia of August 19, 2019 No. 688 to adjust qualification requirements for positions in the penal system.

Keywords: administrative and jurisdictional powers; administrative coercion; administrative activity; stratification; qualification requirements.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

For citation: Aniskina N.V., Starostin S.A. Administrative and jurisdictional powers of the Russian penal system employees: new approach to regulatory regulation. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 4 (24), pp. 51–59. doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.005.

Особенности функционирования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (УИС) в условиях продолжающегося реформирования всей системы исполнения уголовных наказаний позволяют по-новому взглянуть и на механизм нормативного закрепления и практики реализации административно-юрисдикционных полномочий сотрудников.

Полагаем, что наделение сотрудников определенным объемом административно-юрисдикционных полномочий направлено на решение ключевых задач системы обеспечения пенитенциарной безопасности [1, с. 75], таких как установление и поддержание правопорядка и безопасности на режимных территориях и объектах, включая обеспечение безопасности лиц, которые находятся на данных объектах (например, работники УИС, осужденные, лица, прибывшие на свидание к осужденным, и иные лица), определение административно-правовых способов и средств воздействия на правонарушителей. Целями их законодательного закрепления являются обеспечение эффективности исполнения уголовных наказаний, профилактика совершения новых правонарушений и преступлений в сфере исполнения уголовных наказаний, обеспечение и поддержание дисциплины и законности на объектах

УИС, а также совершенствование административно-правовых форм и методов воздействия на правонарушителей, реформирование кадрового потенциала пенитенциарной службы.

В контексте рассмотрения данного вопроса нельзя не отметить внимание законодателя к лицам, уполномоченным применять в нормативно уставленных случаях меры административного принуждения. Так, в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 г. в качестве одной из основных целей реформирования УИС обозначены обеспечение безопасности и формирование профессионального кадрового потенциала.

Административно-юрисдикционная (охранительная) деятельность выступает одним из базовых элементов подсистемы административно-правового регулирования административной деятельности. В частности, Р. В. Нагорных административно-юрисдикционную деятельность в пенитенциарной сфере общественных отношений предлагает рассматривать в качестве одного из основных направлений правоохранительной деятельности учреждений и органов УИС по выявлению, пресечению, расследованию и рассмотрению дел об административных правонарушениях, а также дисциплинарных проступках сотрудников, принятие по ним решения в установленных законом формах и порядке [2]. Более широких взглядов на данный вопрос придерживается В. А. Поникаров, который рассматриваемые полномочия дополняет возможностью применения сотрудниками мер непосредственного принуждения (физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия) [3, с. 10].

Изучение комплекса нормативных правовых актов, регулирующих деятельность УИС, позволило прийти к выводу, что производство по делам об административных правонарушениях занимает не последнее место в административной деятельности учреждений и органов ФСИН России. Соответствующие процессуальные полномочия регламентированы КоАП РФ и подзаконными нормативными правовыми актами (например, приказом ФСИН России от 19.12.2013 № 780).

В. В. Головкин акцентирует внимание на строго установленной подведомственности по рассмотрению и разрешению индивидуальных административных споров, возникающих в конкретной сфере общественных отношений [4, с. 108]. Подведомственность дел об административных правонарушениях, относящихся к компетенции учреждений и органов УИС, установлена ст. 22.1 КоАП РФ. Субъекты административной юрисдикции уполномочены рассматривать дела об административных правонарушениях по составам, предусмотренным ч. 2 ст. 19.3 и ст. 19.12 КоАП РФ, в лице начальников исправительных учреждений и следственных изоляторов (ст. 23.4 КоАП РФ).

Необходимо подчеркнуть, что в УИС может осуществляться производство по делам об административных правонарушениях и по иным составам КоАП РФ (например, ст. 6.1, ч. 2 и 3 ст. 6.3, ч. 1 и 3 ст. 6.33, ст. 14.26), которые напрямую не отражают специфику функционирования сферы исполнения уголовных наказаний, носят общий характер и могут быть совершены не только в УИС, но и в иных сферах жизнедеятельности общества. При всем при этом следует подчеркнуть, что специфика сферы правореализации обусловила возможность участия должностных лиц УИС не на всех стадиях производства.

Проведенный нами анализ административной практики в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации позволил выявить ряд проблем организационно-правового характера, а именно: систематически нарушаются сроки составления процессуальных документов (протоколов) и рассмотрения дел об административных правонарушениях; с нарушениями применяются меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях (например, в учреждениях отсутствуют специально оборудованные помещения (комнаты) для административно задержанных лиц). Отдельные проблемы в административной деятельности были выявлены по результатам анкетирования 602 практических работников (сотрудников). Было установлено, что применение мер процессуального обеспечения сотрудниками оформляется с нарушениями, в частности, доставление как мера процессуального обеспечения оформляется совершенно разными способами. Так, протоколы составляются лишь в 28,9 % случаев (ответ был дан 174 сотрудниками); 232 сотрудника, или 38,54 % от общего числа опрошенных, писали рапорт; акт составляли 169 респондентов (28,04 %). Применяемую меру процессуального обеспечения не оформляли вовсе 182 сотрудника, что составляет 30,23 %.

Рассмотрение дела об административном правонарушении по ст. 19.12 КоАП РФ имеет альтернативную подведомственность. Однако фактически начальники учреждений УИС не рассматривают данную категорию дел по подведомственности в связи с отсутствием механизма правореализации, поэтому материалы дела направляются в суд. Установлено, что в 2018 г. было направлено в суды общей юрисдикции 6400 административных дел, в 2019 г. – 5943, в 2020 г. – 3937, в 2021 г. – 3517, в 2022 г. – 3335. На данной стадии также были выявлены проблемы организационного характера. Например, направленные в суд материалы административного дела нередко в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 29.4 КоАП РФ, возвращаются обратно в учреждение для устранения выявленных недостатков. Так, по данным официальной статистики, представленной Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, для устранения недостатков протоколов мировыми судьями было возвращено обратно в учреждения УИС в 2018 г. 656 дел, в 2019 г. – 682, в 2020 г. – 644, в 2021 г. – 611, в 2022 г. – 616, что суммарно составило примерно 10–18 % от общего количества дел, поступивших на рассмотрение. Основными причинами возврата документов послужили: составление протокола об административном правонарушении неправомочным лицом; ненадлежащее документальное оформление процессуальных действий (например, вместо протокола изъятия вещей и документов по ст. 27.10 КоАП РФ сотрудниками был составлен акт изъятия, предусмотренный ст. 82 УИК РФ); отсутствие объяснений лица. Подобные факты влекут нарушение законности, а также прав лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении.

Показательно, что большая часть респондентов наделена определенным объемом полномочий в сфере административной юрисдикции: 24 сотрудника (3,99 %) замещают руководящие должности, 18 сотрудников (2,99 %) проходят службу в отделе собственной безопасности, 274 сотрудника (36,05 %) – в отделе режима и надзора, 55 сотрудников (9,14 %) – в оперативном отделе, 132 сотрудника (21,93 %) – в отделе охраны, 35 сотрудников (5,81 %) – в специальном подразделении по конвои-

рованию, 37 сотрудников (6,15 %) – в уголовно-исполнительных инспекциях, 84 сотрудника (13,95 %) – в обеспечивающих службах учреждений (отдел кадров, бухгалтерия, юридический отдел и пр.).

Также был установлен уровень образования лиц, участвовавших в анкетировании. Полученные результаты представляется возможным распределить следующим образом: 394 сотрудника (65,45 %) имеют высшее образование, из них 158 высшее юридическое (26,25 %), у 180 сотрудников (29,90 %) – среднее специальное образование, доля сотрудников со средним образованием составила 4,65 % (28 чел.). Из этого следует, что более 60 % сотрудников УИС имеют высшее образование, но только треть из них обладает знаниями в сфере юриспруденции.

Полагаем, что основные проблемы, с которыми приходится сталкиваться практическим работникам в связи с реализацией административно-юрисдикционных полномочий, с большой долей вероятности обусловлены отсутствием нормативного закрепления за Федеральной службой исполнения наказаний функции по организации и осуществлению производства по делам об административных правонарушениях в подведомственных учреждениях и органах. Как правило, у всех правоохранительных органов данная функция выделена как отдельное направление деятельности и отражена в регулирующих их полномочия нормативных правовых актах. В связи с этим представляется возможным внесение изменений в Указ Президента Российской Федерации от 13.11.2004 № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» (далее – Положение о ФСИН России) посредством нормативного закрепления анализируемой функции.

Кроме того, как справедливо указывает Ю. В. Шилов, «помимо нормативного закрепления рассматриваемой государственной функции ФСИН России необходимо в первую очередь реализовать комплекс организационно-практических мероприятий по формированию у сотрудников УИС профессиональной компетентности в данной сфере» [5, с. 26]. Данное утверждение представляется крайне важным, потому как в настоящее время профессиональная подготовка сотрудников не в полной мере отвечает потребностям современной практики, в то время как именно от качества кадрового состава зависит эффективность реализации административно-юрисдикционных полномочий в УИС.

В результате проведенного нами анализа административно-юрисдикционных полномочий сотрудников УИС, закрепленных в нормативных правовых актах и должностных инструкциях, с учетом особенностей замещаемых ими должностей, стажа службы в учреждениях и органах и уровня образования удалось разработать стратификацию должностных лиц УИС в зависимости от оснований и объема реализуемых ими властно-принудительных полномочий в сфере исполнения уголовных наказаний.

В первую группу вошли должностные лица, которые наделены полномочиями в рамках производства по делам об административных правонарушениях в сфере УИС: а) должностные лица, уполномоченные возбуждать дела об административных правонарушениях (перечень лиц, уполномоченных составлять протоколы по подведомственности, закреплен в ч. 1 ст. 28.1 КоАП РФ и приказе ФСИН России от 19.12.2013 № 780); б) должностные лица, уполномоченные рассматривать дела об

административных правонарушений (начальники учреждений в соответствии со ст. 23.4 КоАП РФ).

Ко второй группе были отнесены должностные лица, уполномоченные применять меры непосредственного (специального) административного принуждения в целях пресечения противоправных деяний, совершаемых на режимных объектах и территориях УИС, а также за их пределами в установленных законом случаях: а) сотрудники, должностные обязанности которых предусматривают применение мер непосредственного принуждения (например, сотрудники отделов безопасности исправительных учреждений); б) сотрудники, должностные обязанности которых напрямую не закрепляют данное правомочие (например, отдел кадров, бухгалтерия).

Полагаем, что именно стратификационный подход позволяет учесть все нюансы реализации рассматриваемых полномочий сотрудниками с учетом их профессионального статуса. Данный подход чаще встречается в социологии (например, в работах П. А. Сорокина [6], Н. А. Николенко [7]), однако в сфере юриспруденции он позволяет на нормативном уровне учитывать особенности правового закрепления квалификационных требований к должностям, что приводит к более качественному формированию кадрового состава органа государственной власти. В предложенной нами стратификации учтены не только особенности должностного положения сотрудников, но и специфика реализации ими юрисдикционных полномочий с учетом особенностей сферы исполнения уголовных наказаний, с одной стороны, и их правового статуса как сотрудников правоохранительных органов – с другой. Профессионально-стратификационный подход позволяет комплексно подойти к решению вопроса совершенствования системы квалификационных требований, предъявляемых к должностям в УИС, с последующим их отражением в должностных инструкциях сотрудников.

В частности, в действующем Приказе ФСИН России от 19.08.2019 № 688 «Об утверждении Квалификационных требований к стажу службы в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации или стажу (опыту) работы по специальности, образованию, профессиональным знаниям и навыкам сотрудника, необходимым для замещения должностей в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации» (далее – Приказ ФСИН России от 19.08.2019 № 688) отсутствуют квалификационные требования к сотрудникам УИС в части реализации полномочий в рамках производства по делам об административных правонарушениях. В число квалификационных требований также не входит и наличие высшего юридического образования.

Совершенно иная ситуация складывается в системе органов внутренних дел, где производство по делам об административных правонарушениях является одним из основных направлений административной деятельности полиции. Так, например, в ст. 9 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» установлены квалификационные требования к должностям в органах внутренних дел. В число квалификационных требований к должностям среднего и старшего начальствующего состава, которые включены в перечень должностей, выполнение обязанностей по которым предусматривает административное расследование и рассмотрение дел об административных правонарушени-

ях, входит наличие высшего юридического образования. В исключительных случаях и на условиях, устанавливаемых федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел, на эти должности могут быть назначены лица, имеющие другое высшее образование и опыт работы, позволяющий выполнять служебные обязанности. Аналогичные требования закреплены и в п. 79 раздела IV Приказа МВД России от 01.02.2018 № 50 «Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации».

Вышеизложенное позволяет прийти к выводу о необходимости нормативного закрепления в Приказе ФСИН России от 19.08.2019 № 688 дополнительного квалификационного требования к должностям в УИС в виде наличия высшего юридического образования при замещении отдельных должностей. Считаем, что высшее юридическое образование сотрудника должно выступать в качестве обязательного условия для назначения его на должность, связанную с необходимостью применения мер административного принуждения, что позволит на более профессиональном уровне осуществлять производство по делам об административных правонарушениях; установить пределы правомерности осуществления данных мер; не допускать нарушений законности и прав лиц в процессе реализации мер принудительного воздействия, в том числе в части процессуального оформления данных мер.

Таким образом, применимо к сфере исполнения уголовных наказаний представляется необходимым подчеркнуть, что именно должностью в значительной степени определяется характер и объем выполняемых служебных обязанностей в процессе реализации сотрудниками УИС административно-юрисдикционных полномочий, а также основные требования к его профессиональной подготовке.

В целях совершенствования практики реализации осуществления производства по делам об административных правонарушениях в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации требуется корректировка отдельных положений действующего законодательства, предлагаем:

– подп. 4 п. 7 Положения о ФСИН России дополнить абзацем, предусматривающим закрепление функции по организации и обеспечению производства по делам об административных правонарушениях, которые отнесены к компетенции учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации;

– в Приказе ФСИН России от 19.08.2019 № 688 установить дополнительное квалификационное требование в виде наличия высшего юридического образования к должностям УИС, в полномочия которых входит осуществление производства по делам об административных правонарушениях.

Думается, что внимание законодателя с опорой на профессионально-стратификационный подход к данным вопросам позволит повысить эффективность реализации административно-юрисдикционных полномочий сотрудников и, как следствие, будет способствовать поддержанию пенитенциарной безопасности на должном уровне.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Анискина Н. В. Административное принуждение в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 247 с.
2. Нагорных Р. В. Административная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы: понятие, сущность и содержание // Пенитенциарная наука. 2020. Т. 14, № 2 (50). С. 251–258.

3. Поникаров В. А. Теоретико-прикладные основы организации и осуществления административно-юрисдикционной деятельности в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2009. 52 с.
4. Головки В. В. Применение норм права органами административной юрисдикции // Правоприменение. 2018. Т. 2, № 1. С. 104–113.
5. Шилов Ю. В. К вопросу об особенностях административной ответственности сотрудников Федеральной службы исполнения наказания // Вестник Пермского института ФСИН России. 2013. № 2 (9). С. 23–27.
6. Сорокин П. А. Социальная и культурная мобильность // Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 297–424.
7. Николенко Н. А. Профессиональная стратификация как социальный феномен: теоретические подходы и методы изучения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2014. № 6 (26). С. 44–55.

REFERENCES

1. Aniskina N.V. *Administrativnoe prinuzhdenie v ugodovno-ispolnitel'noi sisteme Rossiiskoi Federatsii: dis. ... kand. yurid. nauk* [Administrative coercion in the penal system of the Russian Federation: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2021. 247 p.
2. Nagornykh R.V. Administrative activity of bodies and institutions of the penal system: concept, nature and content. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2020, vol. 14, no. 2 (50), pp. 251–258. (In Russ.).
3. Ponikarov V.A. *Teoretiko-prikladnye osnovy organizatsii i osushchestvleniya administrativno-yurisdiktsionnoi deyatel'nosti v ugodovno-ispolnitel'noi sisteme Rossiiskoi Federatsii: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Theoretical and applied foundations of the organization and implementation of administrative and jurisdictional activities in the penal system of the Russian Federation: Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Ryazan, 2009. 52 p.
4. Golovko V.V. Administrative and jurisdictional activity: the issues of concept and content. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2018, vol. 2, no. 1, pp. 104–113. (In Russ.).
5. Shilov Yu.V. On the question of features of administrative responsibility of officers of the federal penal service. *Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii = Journal of the Perm Institute of the FPS of Russia*, 2013, no. 2 (9), pp. 23–27. (In Russ.).
6. Sorokin P.A. Social and cultural mobility. In: *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo* [Man. Civilization. Society]. Moscow, 1992. Pp. 297–424. (In Russ.).
7. Nikolenko N.A. Professional stratification as a social phenomenon: theoretical approaches and methods of research. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii = Bulletin of the Volgograd State University. Series 7: Philosophy. Sociology and Social Technologies*, 2014, no. 6 (26), pp. 44–55. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

НАДЕЖДА ВЛАДИМИРОВНА АНИСКИНА – кандидат юридических наук, доцент кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, AniskinaN555@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7185-5730>

NADEZHDA V. ANISKINA – Candidate of Sciences (Law), associate professor at the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, AniskinaN555@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7185-5730>

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ СТАРОСТИН – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия, SASTAROSTIN@msal.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0108-7916>

SERGEI A. STAROSTIN – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of Administrative Law and Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia, SASTAROSTIN@msal.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0108-7916>

Статья поступила 04.10.2023

Научная статья

УДК 342.81

doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.006

Становление цифрового (электронного) голосования на выборах в Российской Федерации и перспективы его развития

ОКСАНА СЕРГЕЕВНА БАТОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, oksana.batova77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9458-6553>

Аннотация. Статья посвящена анализу современных цифровых технологий, которые применяются для реализации избирательных прав граждан в Российской Федерации. Автор рассматривает правовые и организационные основы электронного и цифрового (электронного) голосования, их формы и соблюдение основополагающих принципов избирательного права и процесса Российской Федерации. Проанализирован опыт цифрового (электронного) голосования в России и зарубежных странах, определены риски и положительный эффект при использовании данного вида избирательной технологии.

Ключевые слова: цифровое электронное голосование; принцип всеобщего избирательного права; гарантии избирательных прав; выборы; современные технологии; блокчейн.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Для цитирования: Батова О. С. Становление цифрового (электронного) голосования на выборах в Российской Федерации и перспективы его развития // *Ius publicum et privatum*: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2023. № 4 (24). С. 60–64. doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.006.

Original article

Formation of Digital (Electronic) Voting in Elections in the Russian Federation and Development Prospects

OKSANA S. BATOVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, oksana.batova77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9458-6553>

Abstract. The article analyzes modern digital technologies used to realize the electoral rights of citizens in the Russian Federation. The author considers legal and organizational foundations for the implementation of electronic and digital

(electronic) voting, their forms and compliance with the fundamental principles of electoral law and the process of the Russian Federation. The experience of digital (electronic) voting in Russia and foreign countries is analyzed, the risks and positive effects of using this type of electoral technology are identified.

Keywords: digital electronic voting; universal suffrage principle; guarantees of electoral rights; elections; modern technologies; blockchain.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

For citation: Batova O.S. Formation of digital (electronic) voting in elections in the Russian Federation and development prospects. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 4 (24), pp. 60–64. doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.006.

В соответствии с ч. 3 ст. 3 Конституции Российской Федерации высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы. Императивные формы непосредственной демократии, к которым относятся выборы на всех уровнях власти, играют значительную роль в общественно-политической сфере общества. Ценность института выборов в первую очередь выражается в фиксации воли избирателя при голосовании за того или иного кандидата или политическую партию. Также нормы избирательного права и процесса обеспечивают равные возможности для реализации своего выбора избирателем, например в части формирования избирательных участков близко к дому, возможность голосования в нерабочее время, тайность и др. Кроме того, не стоит забывать, что важнейшей частью избирательного процесса является «акт непосредственного коллективного гражданского волеизъявления» [1, с. 14].

Электронное голосование – уже достаточно известная и применяемая многими странами избирательная технология. Примером может служить Эстония – первая страна в мире, которая создала общенациональную систему дистанционного голосования. По данным Республиканской избирательной комиссии Эстонии, в марте 2019 г. на выборах в Парламент Эстонии (Рийгикогу) количество избирателей, проголосовавших таким способом, составило 43,8 % от общего числа принявших участие в выборах, при этом доля участия граждан именно в цифровой форме голосования постоянно увеличивается [2, с. 62].

В настоящее время в России активно развиваются формы дистанционного голосования. Впервые технология цифровых выборов была применена на муниципальных выборах в 2008 г. в Тульской области в г. Новомосковске [3]. В качестве итогов первого опыта эксперты отмечали:

- активность молодого поколения избирателей благодаря применению цифровых технологий;
- достаточный уровень подготовленности к участию в эксперименте органов публичной власти как на региональном, так и на местном уровнях;
- избиратель проявил себя подготовленным пользователем в системе электронного голосования.

В сентябре 2021 г. на выборах депутатов Государственной Думы впервые была применена технология цифровых выборов на федеральном уровне. С помощью дистанционного голосования народных избранников нижней палаты Федерального

Собрания выбирали граждане Российской Федерации, проживающие в таких регионах нашей страны, как Нижегородская, Курская, Ярославская, Мурманская и Ростовская области, города Севастополь, Москва. Стоит отметить, что только Москва могла участвовать без специального отбора в соответствии с нормами Федерального закона от 29.05.2019 № 103-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва». Остальные шесть субъектов Российской Федерации отбирались ЦИК РФ на основе конкурса среди 11 участников, подавших заявки [4].

В 2020 г. в федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» были внесены изменения. Законодатель попытался развести два понятия: «электронное голосование» и «дистанционное электронное голосование».

Электронное голосование появилось в законодательстве Российской Федерации еще в 2005 г., и долгое время под ним понималось «голосование без использования бюллетеня, напечатанного на бумажном носителе, с использованием комплекса средств автоматизации ГАС «Выборы».

В 2019 г. понятие электронного голосования претерпело изменения, теперь оно сформулировано более пространно. В законе осталось первое требование неизменно – «без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе», а второе – это «использование любых технических средств», а не только ГАС «Выборы», как было раньше.

К такому виду голосования, соответственно, можно отнести:

1. Голосование с использованием комплексов обработки избирательных бюллетеней (КОИБ), которыми являются приборы для голосования с оптическим сканером, подсчитывающие голоса избирателей автоматически. В России данная форма применяется на выборах всех уровней власти с 2004 г.

2. Голосование с помощью комплексов для электронного голосования (КЭГ), которые предназначены для проведения выборов без использования бумажных бюллетеней, где ведется автоматизированный подсчет голосов избирателей. Начало применения КЭГ было положено в 2006 г. на избирательных участках г. Великого Новгорода.

В 2020 г. в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» внесено изменение, которое закрепило новую форму голосования – дистанционное электронное голосование. К такому голосованию теперь применяются два требования:

- отсутствие бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе;
- использование специального программного обеспечения.

Дистанционное электронное голосование может осуществляться разными способами:

1) с использованием ГАС «Выборы»;

2) с использованием других государственных информационных систем, в том числе региональных государственных информационных систем, прошедших сертификацию.

Специальное программное обеспечение для избирателя может быть предоставлено на специальном портале в сети Интернет либо необходимо использовать мобильное приложение.

Информационные системы федерального и регионального уровней должны соответствовать требованиям по защите информации и персональных данных. Поэтому техническую основу дистанционного электронного голосования, как правило, составляет технология блокчейна, при применении которой избиратели получают возможность проголосовать при помощи электронных запрограммированных ключей, представляющих собой индивидуальный набор криптографических записей, которые не может получить постороннее лицо [5, с. 203].

Эксперимент по организации дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва явился важным опытом для Российской Федерации по внедрению цифровых технологий в избирательный процесс [6].

В заключение отметим достоинства новой формы реализации избирательных прав граждан:

- во-первых, удаленная форма интернет-голосования привлекательна для лиц до 35 лет, которые, как правило, не являются активными избирателями при традиционных формах, что дает возможность повысить явку избирателей;
- во-вторых, дистанционное голосование позволяет реализовать свое право для лиц, которые в день голосования находятся за пределами своего избирательного участка или округа;
- в-третьих, при дальнейшем развитии дистанционного голосования и его применении на большой территории произойдет сокращение расходов на проведение избирательных кампаний (например, уменьшение количества членов участковых избирательных комиссий).

Но вместе с тем нельзя идеализировать дистанционное электронное голосование, закрывая глаза на его достаточно очевидные недостатки, среди них:

- во-первых, повсеместное введение такой формы может привести к неравенству избирателей в части как владения технологиями, так и возможности иметь гаджеты, которые поддерживают новое программное обеспечение для избирательного процесса;
- во-вторых, применение на одних и тех же выборах и традиционного голосования, и массового дистанционного электронного голосования может породить проблему неравных условий голосования и определения их итогов;
- в-третьих, дистанционное голосование влечет сокращение публичности избирательных действий в пользу частного начала, уменьшение уровня гласности в избирательном процессе, что не способствует укреплению народовластия.

Хочется отметить, что будущее – за цифровым (электронным) голосованием, но задача государства сделать применение современных цифровых технологий волеизъявления граждан таким, чтобы оно способствовало не только более активному их вовлечению в процессы формирования представительных органов власти и выборных должностных лиц, но и обеспечивало поддержание в обществе необходимого уровня доверия населения к электоральным процедурам, соответствующим общему замыслу электронной демократии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Избирательное право Российской Федерации : учеб. и практикум / И. В. Захаров, А. Н. Кокотов, Л. Т. Аглеева [и др.]. 4-е изд., пер. и доп. М., 2016. 322 с.
2. Савченко М. С., Лихолатов Г. С. Современные технологии в избирательном процессе: особенности и перспективы развития // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 12. С. 62–64.
3. Об обращении Избирательной комиссии Тульской области о проведении эксперимента по электронному опросу избирателей : постановление ЦИК России от 09.09.2008 № 130/957-5 // Вестник Центризбиркома РФ. 2008. № 10.
4. Мисливская Г. ЦИК: 11 регионов подали заявки на проведение онлайн-голосования. URL: <https://rg.ru/2021/03/12/cik-11-regionov-podali-zaiavki-na-provedenie-onlajn-golosovaniia.html> (дата обращения: 12.04.2023).
5. Альбикив Р. Ф. Блокчейн и выборы в Москве: позитивные и негативные аспекты // Теория государства и права. 2019. № 4 (16). С. 194–203.
6. О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва : федер. закон от 29.05.2019 № 103-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 22. Ст. 2659.

REFERENCES

1. Zakharov I.V., Kokotov A.N., Agleeva L.T. *Izбирatel'noe pravo Rossiiskoi Federatsii: ucheb. i praktikum* [Electoral law of the Russian Federation: textbook and tutorial]. Moscow, 2016. 322 p.
2. Savchenko M.S., Likholatov G.S. modern technologies in the electoral procedure: peculiarities and development prospects. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2020, no. 12, pp. 62–64. (In Russ.).
3. On the appeal of the Election Commission of the Tula region to conduct an experiment on electronic polling of voters: resolution of the Central Election Commission of Russia No. 130/957-5 of September 9, 2008. *Vestnik Tsentribirkoma RF = Bulletin of the Central Election Commission of the Russian Federation*, 2008, no. 10. (In Russ.).
4. Mislivskaya G. TsIK: 11 regionov podali zayavki na provedenie onlain-golosovaniya [CEC: 11 regions have submitted applications for online voting]. Available at: <https://rg.ru/2021/03/12/cik-11-regionov-podali-zaiavki-na-provedenie-onlajn-golosovaniia.html> (accessed April 12, 2023).
5. Al'bikov R.F. Blockchain and elections in Moscow: positive and negative aspects. *Teoriya gosudarstva i prava = Theory of State and Law*, 2019, no. 4 (16), pp. 194–203. (In Russ.).
6. On conducting an experiment on the organization and implementation of remote electronic voting in the elections of deputies of the Moscow City Duma of the seventh convocation: Federal Law No. 103-FZ of May 29, 2019. In: *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 2019. No 22. Art. 2,659. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ОКСАНА СЕРГЕЕВНА БАТОВА – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, oksana.batova77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9458-6553>

OKSANA S. BATOVA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of State and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, oksana.batova77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9458-6553>

Статья поступила 09.06.2023

Научная статья

УДК 349.42

doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.007

Цифровая трансформация сельского хозяйства в контексте обеспечения продовольственной безопасности: правовой опыт стран БРИКС

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА ВОРОНИНА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда,
Россия, 79315016167@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7783-608X>

Аннотация. В условиях современных глобальных вызовов и угроз актуальным является обеспечение продовольственной безопасности. В статье на примере стран БРИКС рассмотрено стратегическое планирование в сфере обеспечения продовольственной безопасности. Осуществляемая цифровая трансформация сельского хозяйства стран БРИКС требует новых подходов к определению механизмов совершенствования правового регулирования и стратегического планирования. Выявлены правовые проблемы цифровой трансформации сельского хозяйства и сформулированы авторские предложения по их возможному решению.

Ключевые слова: цифровая трансформация; сельское хозяйство; продовольственная безопасность; БРИКС.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Для цитирования: Воронина Н. П. Цифровая трансформация сельского хозяйства в контексте обеспечения продовольственной безопасности: правовой опыт стран БРИКС (начало) // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права.* 2023. № 4 (24). С. 65–70. doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.007.

Original article

Digital Transformation of Agriculture in the Context of Ensuring Food Security: Legal Experience of the BRICS Countries (Beginning)

NATAL'YA P. VORONINA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, 79315016167@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7783-608X>

Abstract. Ensuring food security is relevant in the context of modern global challenges and threats. The article examines strategic planning in the field of food security using the example of the BRICS countries. The ongoing digital transformation of agriculture in the BRICS countries requires new approaches to defining mechanisms for improving legal regulation and strategic planning. Legal problems of the digital transformation of agriculture are identified and the author's proposals for their possible solution are formulated.

Key words: digital transformation; agriculture; food security; BRICS.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

For citation: Voronina N.P. Digital transformation of agriculture in the context of ensuring food security: legal experience of the BRICS countries (beginning). *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 4 (24), pp. 65–70. doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.007.

Начало статьи

В условиях современных вызовов и угроз особую актуальность приобретает обеспечение глобальной продовольственной безопасности (далее – продбезопасность).

Во всех интеграционных сообществах вопросы устойчивого развития сельского хозяйства и обеспечения продбезопасности выступают ключевым направлением сотрудничества. Не являются исключением и страны БРИКС, обеспечивающие производство 1/3 мирового продовольствия. Это накладывает определенные обязательства по обеспечению продбезопасности как в странах БРИКС, так и на глобальном уровне.

В п. 56 Декларации XIV саммита БРИКС, состоявшегося 23–24 июня 2022 г. в Пекине, отмечается, что страны БРИКС будут осуществлять дальнейшее сотрудничество в целях устойчивого развития сельского хозяйства и сельских территорий, обеспечения продбезопасности.

Определены приоритеты БРИКС в сфере продбезопасности: 1) улучшение качества питания и доступ к нему; 2) повышение производительности сельскохозяйственной деятельности и внедрение инноваций; 3) обеспечение устойчивости сельского хозяйства [1, с. 15].

Конкретные мероприятия по обеспечению продбезопасности предусмотрены в Плане действий по сотрудничеству стран БРИКС в области сельского хозяйства на 2021–2024 гг.

Страны БРИКС занимают 30 % мировой территории, площадь их сельскохозяйственных земель составляет 26,5 % от всех обрабатываемых земель в мире, в этих странах проживает 43 % населения планеты [2, с. 86–87], поэтому продовольственный рынок БРИКС является крупнейшим в мире, имеющим тенденцию к росту.

Важнейшую роль в обеспечении продбезопасности в рассматриваемых странах играют цифровые технологии, внедрение которых предусматривается в стратегических документах, в том числе в сфере продбезопасности.

В России обеспечение продбезопасности опосредуется путем достижения национальных целей. Их определяют указы Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах Российской

Федерации на период до развития 2024 года» и от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». Это цифровая экономика, увеличение производительности труда, занятость, достойный труд и успешное предпринимательство.

Основной документ в сфере обеспечения продбезопасности – Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 20 (далее – Доктрина). Создание высокопроизводительного сектора в АПК – национальный приоритет, достижение которого требует внедрения инновационных технологий и обеспечения сельского хозяйства высококвалифицированными работниками (разд. II Доктрины).

Основные положения Доктрины реализованы в отдельных документах стратегического планирования. В связи с антироссийскими санкциями Стратегия развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации была обновлена 08.09.2022 распоряжением Правительства Российской Федерации № 2567-р и продлена до 2030 г. (далее – Стратегия). Ответ на санкции требует, чтобы российская экономика развивалась ускоренно, при этом акцент сделан на внедрении инноваций, в том числе цифровых технологий.

Меры государственной поддержки АПК, включая поддержку цифровизации, а также механизм их реализации предусматриваются в ряде документов стратегического планирования: постановлении Правительства Российской Федерации от 14.07.2012 № 717 «Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия; Паспорте государственной программы (комплексной программы) Российской Федерации «Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» (утв. Правительством Российской Федерации 24.12.2022 № ММ-П11-22479); распоряжении Правительства Российской Федерации от 10.08.2019 № 1796-р «Долгосрочная стратегия развития зернового комплекса Российской Федерации до 2035 года»; постановлении Правительства Российской Федерации от 25.08.2017 № 996 «Федеральная научно-техническая программа развития сельского хозяйства на 2017–2030 годы»: приказе Минсельхоза России от 25.06.2007 № 342 «О Концепции развития аграрной науки и научного обеспечения АПК России до 2025 года». В них предусматривается необходимость создания технологий, в том числе и цифровых, являющихся основой инновационного развития внутреннего рынка продуктов и услуг, обеспечивающих конкурентность России.

В Стратегии отмечено, что цифровизация отраслей АПК – ключевой ориентир развития сельского хозяйства, что требует создания единой цифровой платформы учета предоставления данных, услуг и сервисов в сфере сельскохозяйственной деятельности. Это позволит обеспечить прогноз развития, а также и риски в АПК. Цифровые технологии подлежат применению в сфере как сельскохозяйственной деятельности, так и управления сельским хозяйством. Также цифровизация – инструмент, направленный на смягчение последствий изменения климата и адаптацию к ним.

Отечественное сельское хозяйство в определенной степени дистанцировано от использования цифровых технологий [3, с. 119]. Но конкурентоспособность россий-

ских сельскохозяйственных товаропроизводителей невозможна без цифровизации, поэтому п. 19 Доктрины предусматривает в качестве меры развития сельского хозяйства «внедрение новой техники и технологий, обеспечивающих повышение производительности труда, энергоэффективность, ресурсосбережение и снижение потерь».

В Национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденной 04.09.2019, отмечается необходимость создания гибкой системы отраслевого правового регулирования цифровой экономики [4, с. 21]. Особенности цифровизации сельского хозяйства обусловили разработку в 2019 г. ведомственного проекта «Цифровое сельское хозяйство». Это модель инновационного сельского хозяйства, осуществляемого с применением цифровых технологий, позволяющих обеспечить рост аграрного производства и оборота сельскохозяйственной продукции, а также уменьшение сельскохозяйственных затрат и потерь [5, с. 5; 6, с. 19]. Поэтому необходима цифровая трансформация российского АПК, цели которой определены в распоряжении Правительства Российской Федерации от 29.12.2021 № 3971-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации отраслей агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года». Это обеспечение продбезопасности, увеличение производственных процессов, расширение сбыта, цифровая грамотность работников. Задачами цифровой трансформации являются: повышение доступности сельскохозяйственной продукции; подготовка кадров для цифрового сельского хозяйства; уменьшение издержек производства сельскохозяйственной продукции; полнота и достоверность данных АПК; сокращение незаконного оборота сельскохозяйственной продукции. Однако существуют стратегические риски, среди которых высокая доля импортных цифровых технологий; нехватка финансирования и управленческого персонала; различия в развитии инфраструктуры субъектов Российской Федерации. На их преодоление направлены мероприятия, обозначенные в Ведомственной программе цифровой трансформации в 2022–2024 гг., утвержденной Минсельхозом России.

В настоящее время цифровые технологии применяют в основном крупные сельскохозяйственные товаропроизводители [7] по причине их высокой стоимости и недостаточности кадрового обеспечения. Между тем в документах БРИКС речь идет о необходимости включения малых и средних товаропроизводителей в процессы цифровизации. Это обуславливает интеграцию малых форм хозяйствования в сфере сельского хозяйства.

Цифровизация сельского хозяйства невозможна без адекватного общественным отношениям правового обеспечения и стратегического планирования. Но ныне действующие политико-правовые и нормативные правовые акты, на наш взгляд, не образуют единой системы норм, регулирующей процессы цифровизации сельского хозяйства. В Федеральном законе от 29.12.2006 № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» цифровизация не предусмотрена ни среди целей, ни среди задач, ни среди направлений государственной аграрной политики. Полисистемное опосредованное правовое регулирование цифровизации, а также отсутствие прямо предусмотренных направлений цифровизации не позволяют эффективно внедрять цифровые технологии. Полагаем, что существует потребность внесения изменений в

указанный закон, предусматривающих направления цифровизации сельского хозяйства [4, с. 21]. Также в этом нормативном правовом акте предлагается изложить п. 5 ч. 4 ст. 5 в новой редакции: «5) развитие науки и инновационной деятельности, в том числе с использованием цифровых систем в сфере агропромышленного комплекса» и дополнить ч. 3 ст. 17 положением о включении в систему государственного информационного обеспечения в сфере сельского хозяйства информации о состоянии внедрения в регионах комплексного научно-технического цикла сквозных цифровых систем [8].

Ключевая сфера цифровизация сельского хозяйства – земледелие, поэтому документы стратегирования в первую очередь должны предусматривать развитие цифровых технологий, применяемых при обработке сельскохозяйственных угодий. Это финансово затратная деятельность, поэтому требуется государственная поддержка. В России в 2023 г. на цифровизацию сельского хозяйства предусмотрено 0,2 млрд руб. Предоставление бюджетной помощи обусловлено необходимостью создания в цифровом формате единой модели отраслевых данных в АПК по ее оказанию.

Таким образом, в России стратегическое планирование в сфере обеспечения продбезопасности и перехода к модели инновационного (включая цифровое) сельского хозяйства представляет собой многовекторную систему документов стратегирования, направленных на обеспечение продбезопасности, обеспечение населения качественной, безопасной и в необходимом объеме пищевой продукцией, устойчивое развитие и модернизацию сельского хозяйства и инфраструктуры, адаптацию сельскохозяйственной деятельности к изменениям климата, производство сельскохозяйственной продукции, соответствующей экологическим, санитарно-эпидемиологическим, ветеринарным требованиям.

Продолжение следует

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Стратегия экономического развития партнерства БРИКС до 2025 года. URL: <https://brics-russia2020.ru/images/114/81/1148133.pdf> (дата обращения: 16.08.2023).
2. Папцов А. Г., Шеламова Н. А. Особенности инновационной политики в АПК стран БРИКС // Экономика сельского хозяйства России. 2016. № 7. С. 86–93.
3. Немченко А. В., Дугина Т. А., Лихолетов Е. А. Цифровизация как приоритетное направления экономического развития аграрного производства // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 4. С. 118–123.
4. Воронина Н. П. Правовое обеспечение цифровизации сельского хозяйства // Цифровая экономика и право. 2021. № 3. С. 20–26.
5. Ведомственный проект «Цифровое сельское хозяйство» : офиц. издание. М., 2019.
6. Воронина Н. П. Цифровое сельское хозяйство России: направления совершенствования правового регулирования // *Ius Publicum et Privatum*. 2020. № 4 (9). С. 18–21.
7. Федоренко В. Ф. Тенденции цифровизации и интеллектуализации сельского хозяйства // Инновации в сельском хозяйстве. 2019. № 1 (30). С. 231–241.
8. Колоткина О. А. Оценка правового обеспечения применения информационно-цифровых технологий в агропромышленном комплексе // Российская юстиция. 2020. № 6. С. 51–52.

REFERENCES

1. *Strategiya ehkonomicheskogo razvitiya partnerstva BRIKS do 2025 goda* [Strategy for brics economic partnership 2025]. Available at: <https://brics-russia2020.ru/images/114/81/1148133.pdf> (accessed August 16, 2023).
2. Paptsov A.G., Shelamova N.A. Features of innovative policy in agro-industrial complex of BRICS. *Ekonomika sel'skogo khozyaistva Rossii = Economics of Agriculture of Russia*, 2016, no. 7, pp. 86–93. (In Russ.).
3. Nemchenko A.V., Dugina T.A., Likholetov E.A. Digitalization as a priority direction of the economic development of agrarian production. *Vestnik Altaiskoi akademii ehkonomiki i prava = Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*, 2019, no. 4, pp. 118–123. (In Russ.).
4. Voronina N.P. Legal support for digitalization of agriculture. *Tsifrovaya ehkonomika i pravo = Digital Economics and Law*, 2021, no. 3, pp. 20–26. (In Russ.).
5. *Vedomstvennyi proekt "Tsifrovoe sel'skoe khozyaistvo": ofits. izdanie* [Departmental project "Digital agriculture": official edition]. Moscow, 2019.
6. Voronina N.P. Digital agriculture of Russia: directions for improving legal regulation. *Ius publicum et privatum: setevoi nauchno-prakticheskii zhurnal chastnogo i publichnogo prava = Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2020, no. 4 (9), pp. 18–21. (In Russ.).
7. Fedorenko V.F. Trends of digitalization and intellectualization of agriculture. *Innovatsii v sel'skom khozyaistve = Innovations in Agriculture*, 2019, no. 1 (30), pp. 231–241. (In Russ.).
8. Kolotkina O.A. Assessment of legal support for the use of information and digital technologies in the agro-industrial complex. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2020, no. 6, pp. 51–52. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА ВОРОНИНА – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, 79315016167@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7783-608X>

NATAL'YA P. VORONINA – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Civil Law Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, 79315016167@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7783-608X>

Статья поступила 18.08.2023

Научная статья

УДК 347.9

doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.008

Правовое регулирование трансграничного оборота судебных актов как объекта признания и исполнения иностранного решения в цивилистическом процессе Российской Федерации

МАРИНА ВАЛЕНТИНОВНА ПЕЛЕНИЦЫНА

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия, Симферополь, Россия, pelemar@rambler.ru

АНАСТАСИЯ ОЛЕГОВНА ЯЦЕНКО

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия, Симферополь, Россия, yatsenkoao@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности взаимодействия в области гражданской юрисдикции различных государств в рамках трансграничного оборота судебных актов, которое основывается на признании и исполнении иностранного судебного решения. Для этого существенны два обстоятельства: это должен быть акт, принятый именно судом, и это должен быть акт, вынесенный судом по существу спора. Авторы приходят к выводу, что признание и приведение в исполнение решений иностранных судов является важной гарантией защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц и необходимой частью эффективной системы международного правового сотрудничества. Одним из основных вопросов правового регулирования трансграничного оборота судебных актов является определение объекта признания и исполнения.

Ключевые слова: иностранное судебное решение; исполнение иностранного судебного решения; объект; цивилистический процесс; судебный акт; юрисдикция.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Для цитирования: Пеленицына М. В., Яценко А. О. Правовое регулирование трансграничного оборота судебных актов как объекта признания и исполнения иностранного решения в цивилистическом процессе Российской Федерации // *Ius publicum et privatum*: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2023. № 4 (24). С. 71–77. doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.008.

Original article

Legal Regulation of Cross-Border Transfers of Judicial Acts as an Object of Recognition and Enforcement of a Foreign Decision in the Civil Procedure of the Russian Federation

MARINA V. PELENITSYNA

Crimean Branch of the Russian State University of Justice, Simferopol, Russia, pelemar@rambler.ru

ANASTASIYA O. YATSENKO

Crimean Branch of the Russian State University of Justice, Simferopol, Russia, yatsenkoao@mail.ru

Abstract. The article considers the specifics of interaction in the field of civil jurisdiction of various states within the framework of cross-border transfers of judicial acts, based on the recognition and enforcement of a foreign court decision. There are two essential circumstances: it must be an act adopted by the court, and it must be an act rendered by the court on the merits of the dispute. The authors conclude that the recognition and enforcement of foreign court decisions is an important guarantee of the protection of the rights and legitimate interests of individuals and legal entities and a necessary part of the effective system of international legal cooperation. The definition of the object of recognition and enforcement is one of the main issues of legal regulation of cross-border transfers of judicial acts.

Keywords: foreign court decision; execution of a foreign court decision; object; civil procedure; judicial act; jurisdiction.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

For citation: Pelenitsyna M.V., Yatsenko A.O. Legal regulation of cross-border transfers of judicial acts as an object of recognition and enforcement of a foreign decision in the civil procedure of the Russian Federation. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 4 (24), pp. 71–77. doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.008.

Анализ межнациональных актов указывает на то, что преимущественно в них говорится о судебном решении. Следовательно, уполномоченным субъектом вынесения решения является иностранный государственный суд. В некоторых правовых договорах публично-правовые образования раскрыли, что следует понимать под судебным органом. В качестве примера можно привести Договор между Российской Федерацией и Итальянской Республикой о сотрудничестве в области усыновления (удочерения) детей (заключен в г. Москве 06.11.2008), но, к сожалению, подобного рода актов единицы. Следовательно, при интеграции иностранного судебного решения необходимо руководствоваться собственным опытом и познаниями в сфере юриспруденции.

Под термином «суд», на наш взгляд, следует понимать независимый орган суверенной власти, который входит в судебную систему государства и осуществляет разрешение (рассмотрение) споров, при этом материально-техническое обеспе-

чение деятельности осуществляется за счет средств публичного бюджета. Следуя вышеизложенной логике, к государственным органам с судебными функциями не должны относиться нотариусы, административные ведомства, регистраторы и различные негосударственные органы, однако подобная дифференциация не исключает возможности признания и исполнения их актов, если соответствующее трансграничное соглашение позволяет это осуществить.

В мире существуют страны, в которых наряду или вместо светских судов в обществе присутствуют религиозные. В связи с этим возникает вопрос о допустимости интеграции на территории России вынесенных этими органами решений. Проблемным вопросом выступает статус таких религиозных судов, так как в отечественном правосознании судебная власть носит светский характер. Рассмотрим данное обстоятельство на примере Израиля. В нем отсутствует формальное закрепление религии в качестве общеобязательной, при этом она и не отделена полностью от государственной власти. Примером такой связи является законодательное регулирование деятельности религиозных судов на территории Израиля. В частности, среди них есть раввинские суды, регулирующие Закон о полномочиях раввинских судов (1953). Публичное право к их исключительной компетенции относит отправление правосудия по вопросам брака и развода среди евреев, к числу которых принято относить граждан и жителей страны, которые могут выступать и нерезидентами публично-правового образования. Кроме того, раввинским судам подведомственны дела по вопросам опекунов, алиментов, содержания бывших членов семьи и др. В своей деятельности они руководствуются законами Торы, а меры государственного воздействия гарантируют принудительное исполнение вынесенных постановлений. Третьей особенностью является наличие целой системы раввинских судов, управлением и руководством которых занимаются централизованные государственные органы. Приведенные признаки позволяют причислить раввинские суды к израильским государственным органам специальной юрисдикции. К решению органа с подобным статусом допускается применение отечественных процессуальных норм. В частности, на основе ст. 415 ГПК РФ можно признать ряд решений по брачной категории дел. Озвученный вывод можно подкрепить и с позиции доктрины. Так, Этьен-Адольф Бартен утверждал, что если церковная (религиозная) юрисдикция обладает наделенным государством правомочием выносить решения по спорам, то ее нужно считать исполнителем суверенитета данного государства по гражданским делам [1, с. 412]. Возвращаясь к Израилю, также отметим, что иные разрешенные дела, кроме некоторых дел брачного характера, ввиду отсутствия соглашения между Россией и Израилем не подлежат признанию и исполнению. Исходя из вышесказанного можно заключить, что акты религиозных судебных инстанций могут являться объектом интеграции, если государство обеспечивает их и законодательство места-вынесения наделяет такой орган исключительной компетенцией, тем самым делегирует функции по реализации публичного суверенитета.

В противовес Израилю рассмотрим институт аксакалов в Кыргызской Республике, который также является вариантом неклассического судебного органа. Закон Кыргызской Республики от 05.07.2022 № 113 «О судах аксакалов» (далее – Закон о судах аксакалов) выступает основным его регулятором. Согласно ст. 1, 4 закона суды аксакалов следует рассматривать органом народной юстиции, который соз-

дается на добровольных началах и наделен государством некоторыми функциями по отправлению правосудия, в частности по разрешению ряда гражданских споров. Во-вторых, данный суд не является юридическим лицом, но регистрируется органами местного самоуправления в государственной юстиции. В-третьих, в основу деятельности положен принцип посредничества (медиаторства), так как решение будет принято, если не было достигнуто примирения сторон по имущественным и семейным делам. При этом из содержания ст. 3 Закона о судах аксакалов орган действует путем убеждения, общественного воздействия, достижения примирения сторон. В-четвертых, ст. 17 указывает на отсутствие исключительной подведомственности при рассмотрении споров. Кроме того, данные суды не образуют систему, и их полномочия дублируются в местных судах. Если провести параллели, то данный судебный орган имеет много общих черт с третейскими судами. Например, согласно ст. 32 Закона о судах аксакалов при отказе в добровольном исполнении вынесенного решения по заявлению заинтересованной стороны районный или городской суд вправе вынести исполнительный лист. Кроме того, ст. 36 указывает на возможность финансирования его деятельности средствами юридических лиц и граждан Киргизии. Таким образом, суд аксакалов является органом альтернативного правосудия, обладающим властными полномочиями в некоторых направлениях своей деятельности в силу национальных традиций, поэтому его решения нельзя приравнять к решениям государственного суда. Исходя из этого, исключается возможность использовать ст. 415 ГПК РФ, как было продемонстрировано на примере решения раввинского суда. Однако ст. 50 Договора между Российской Федерацией и Республикой Кыргызстан о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключен в г. Бишкек 14.09.1992) позволяет признать решения, не нуждающиеся в последующей реализации, где суды аксакалов выступают в роли «других учреждений по гражданским и семейным делам».

Завершая рассмотрение критерия, отметим следующее: по общему правилу решения иностранного суда (независимо от его названия, характеристики) признаются и исполняются на основании внутреннего российского законодательства и/или международного соглашения; итоги деятельности иных квазисудебных учреждений, которые не входят в судебную систему в качестве государственного судейского органа, могут быть интегрированы лишь при прямом указании на эти образования в соответствующих международных договорах.

Проблема процессуальной формы выражения объекта признания и исполнения, на наш взгляд, является наиболее острой. Международные соглашения используют различные терминологические дефиниции, такие как «судебное решение», «акт иностранного суда», «решение компетентного органа» и т. п., при этом часто не раскрывается их сущность. Кроме того, ранее установленное несовпадение между «судебным решением», закрепленным в гл. 31 АПК РФ, гл. 45 ГПК РФ, с другими процессуальными нормами может усугубить эту проблему, что обосновывает необходимость исследовать процессуальную форму.

В первую очередь для определения объекта интеграции необходимо использовать норму права международного соглашения. Обращение к договорным положениям связано с тем, что в некоторых статутах содержатся нормы-разъяснения, с помощью которых можно определить смысл «судебного иностранного решения».

Так, Договор между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам (заключен в г. Пекине 19.06.1992) в п. 2 ст. 16 содержит толкование для каждой из сторон: в России под судебным решением понимаются решение, определение, постановление суда, мировое соглашение, утвержденное судом, а также постановление судьи, вынесенное по существу гражданского дела; для китайского правопорядка – вынесенное судом решение, определение, постановление и акт примирения. Если государства не установили дефинитивные нормы или их содержание носит обобщенный характер, следует обратиться к отечественному толкованию. Российское процессуальное законодательство также не лишено недостатков в рассматриваемой области. Следовательно, целесообразно подробнее проанализировать возможность интеграции различных категорий судебных актов.

Несмотря на различные формулировки, содержащиеся в международных соглашениях, в круг признаваемых и исполняемых актов включаются «классические» судебные решения, с помощью которых судебные органы заканчивают рассматривать спор по существу и разрешают его. В данный перечень следует включать и уголовные приговоры в части разрешения материально-имущественных требований в форме возмещения ущерба, причиненного преступлением. Выдвинутый тезис обосновывается тем, что приговор по своей сути является итоговым судебным решением, так как в его содержании от имени государства разрешается публичный уголовно-правовой спор между защитой и обвинением. Анализ гл. 22 ГПК РФ указывает на то, что заочное решение является разновидностью «классического» решения, которое от обычного отличается только способом вынесения (в судебном заседании не участвует надлежаще уведомленный ответчика) и имеет особый порядок отмены. Вместе с тем по правовым последствиям они идентичны, следовательно, заочное решение может выступать в роли объекта признания и исполнения, если международным договором допускаются такие действия по отношению к простым решениям. Судебная практика подтверждает возможность признавать заочные судебные решения. Так, Московский городской суд, используя нормы Минской конвенции, реализовал заочное решение районного белорусского суда о взыскании с российского общества с ограниченной ответственностью заработной платы в пользу физического лица [2]. Несмотря на то что в арбитражном процессе отсутствует институт заочного решения, судебная практика допускает признание и исполнение подобных актов. Так, в Постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 26.04.2011 № 17463/10 указано, что заочное решение иностранного государства не противоречит публичному порядку России и допускается исполнение акта, поскольку в ч. 2, 3 ст. 156 АПК РФ предоставлено аналогичное право участникам разбирательства известить суд о возможности рассмотрения дела в их отсутствие, а суду – рассмотреть данное дело.

Напомним, что судебный акт, фиксирующий волю сторон на примирение, именуется по общему правилу определением о прекращении производства по делу в связи с заключением сторонами мирового соглашения или просто определением об утверждении. Исходя из вышеперечисленного, можно утверждать, что судебные акты об утверждении по сути приравниваются к обычным судебным решениям, так как имеют общий механизм принудительного исполнения в случае невыполнения

сторонами предписаний, подтверждают разрешенный конфликт, содержат общеобязательные предписания. Также нельзя не согласиться с мнением Р. Зайцева о том, что интеграция актов об утверждении преследует ту же цель, что и судебное решение – восстановить и защитить нарушенное право, поэтому отказ в признании и исполнении по причине частичного отличия от судебного решения является не логичным [3, с. 128]. Следовательно, определения иностранных судов, которые легализуют статус мировых соглашений, выступают в роли объекта признания и исполнения. Приравнивание актов друг к другу способствует преодолению правового пробела в арбитражном процессе, так как в нормах АПК РФ отсутствует упоминание о возможности исполнения иностранных мировых соглашений, однако наряду с гражданским судопроизводством сохраняется зависимость от наличия международного соглашения, позволяющего признавать судебные акты. Примером из судебной практики послужит дело, по фабуле которого ТОО обратилось в российский арбитражный суд о признании и приведении в исполнение определения об утверждении мирового соглашения, принятого специализированным межрайонным экономическим судом города Алматы. По результатам рассмотрения заявления судья, применив нормы Киевского соглашения, выдал исполнительный лист по условиям определения об утверждении мирового соглашения [4].

Еще одним наиболее важным судебным актом в форме процессуального определения выступает определение об обеспечительных мерах. Ответ на вопрос об их признании и исполнении лежит на поверхности по сравнению с вышерассмотренным определением. Согласно п. 26 Информационного письма Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 07.07.2004 № 78 определения, содержащие как предварительные меры обеспечения, так и само обеспечение иска, по общему правилу не подлежат реализации в российской правовой системе, поскольку по своей природе они являются неокончательными судебными актами. Судебная практика полностью следует данному разъяснению от высшей судебной инстанции. Однако существуют международные договоры, которые прямо допускают применять обеспечительные меры. Так, ст. 5 Договора между Российской Федерацией и Монголией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам (заключен в г. Улан-Батор 20.04.1999) допускает взаимный арест имущества в целях обеспечения иска.

Таким образом, одной из особенностей механизма правового регулирования межгосударственного оборота судебных актов выступает определение объекта признания и исполнения. По причине того, что международному договору принадлежит главенствующая роль в регулировании этой сферы, то характеристика судебных актов содержится первоначально в самих положениях соглашения. При недостаточности (неточности) или вовсе отсутствии закрепления подобных признаков национальное право способствует преодолению пробела.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бартен Э. Основы международного частного права согласно французскому законодательству и судебной практике : в 3 т. / пер. с франц. Д. В. Тариканова. М., 2019. Т. 1. 557 с.

2. Определение Московского городского суда от 04.06.2019 № 3м-66/2019. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/first-civil-exec/details/414db371-bf51-4d81-a547-82642f1b62c5> (дата обращения: 16.04.2023).
3. Зайцев Р. В. Признание и приведение в исполнение в России иностранных судебных актов / науч. ред. В. В. Ярков. М., 2007. 208 с.
4. Определение Арбитражного суда Московской области от 22.04.2021 № А41-78505/20. URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/a0ab1465-f59a-4f36-bbad-800f778c7dff/f7ee67c7-b4a6-4e33-b844-6b8c00465e97/A41-78505-2020__20210422.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 16.04.2023).

REFERENCES

1. Barten E. *Osnovy mezhdunarodnogo chastnogo prava soglasno frantsuzskomu zakonodatel'stvu i sudebnoi praktike: v 3 t. T. 1* [Fundamentals of private international law according to French legislation and judicial practice: in 3 volumes. Volume 1]. Moscow, 2019. 557 p.
2. *Opreделение Moskovskogo gorodskogo suda ot 04.06.2019 No. 3m-66/2019* [Ruling of the Moscow City Court No. 3m-66/2019 of June 4, 2019]. Available at: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/first-civil-exec/details/414db371-bf51-4d81-a547-82642f1b62c5> (accessed April 16, 2023).
3. Zaitsev R.V. *Priznanie i privedenie v ispolnenie v Rossii inostrannykh sudebnykh aktov* [Recognition and enforcement of foreign judicial acts in Russia]. Ed. by Yarkov V.V. Moscow, 2007. 208 p.
4. *Opreделение Arbitrazhnogo suda Moskovskoi oblasti ot 22.04.2021 No. A41-78505/20* [Ruling of the Arbitration Court of the Moscow Region No. A41-78505/20 of April 22, 2021]. Available at: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/a0ab1465-f59a-4f36-bbad-800f778c7dff/f7ee67c7-b4a6-4e33-b844-6b8c00465e97/A41-78505-2020__20210422.pdf?isAddStamp=True (accessed April 16, 2023).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

МАРИНА ВАЛЕНТИНОВНА ПЕЛЕНИЦЫНА – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и арбитражного судопроизводства Крымского филиала Российского государственного университета правосудия, Симферополь, Россия, pelemar@rambler.ru

АНАСТАСИЯ ОЛЕГОВНА ЯЦЕНКО – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и арбитражного судопроизводства Крымского филиала Российского государственного университета правосудия, Симферополь, Россия, yatsenkoao@mail.ru

MARINA V. PELENITSYNA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of Civil and Arbitration Proceedings of the Crimean Branch of the Russian State University of Justice, Simferopol, Russia, pelemar@rambler.ru

ANASTASIYA O. YATSENKO – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of Civil and Arbitration Proceedings of the Crimean Branch of the Russian State University of Justice, Simferopol, Russia, yatsenkoao@mail.ru

Статья поступила 16.05.2023

Научная статья

УДК 342.41

doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.009

Теория конституционного правопонимания: содержательные и ценностные особенности

МАРИЯ РОМАНОВНА РОМАШОВА

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Санкт-Петербург, Россия, 7029807@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-0504-5822>

Аннотация. Трансформация действующей Конституции Российской Федерации демонстрирует существование тенденции к изменению общепринятых подходов к теории отечественного конституционного правопонимания, ее содержания и особенностей. В работе проанализированы противоречия, присущие данной теории, в том числе в контексте дихотомии коллективного Запада и коллективного Востока, их ценностно-правовых ориентиров. Автор делает выводы о возвращении России к уникальному и самобытному направлению развития, основанному на менталитете и консервативных ценностях российского народа.

Ключевые слова: правопонимание; конституционное правопонимание; интегративное правопонимание; конституционные ценности; конституционные правоотношения; конституционная реальность.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Для цитирования: Ромашова М. Р. Теория правопонимания: содержательные и ценностные особенности // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 4 (24). С. 78–87. doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.009.

Original article

Theory of Constitutional Law Understanding: Content and Value Features

MARIYA R. ROMASHOVA

North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, Russia, 7029807@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-0504-5822>

Abstract. Transformation of the current Constitution of the Russian Federation demonstrates the existence of a tendency to change generally accepted approaches to the theory of domestic constitutional law, its content and features. The paper analyzes the contradictions inherent in this theory, including in the context of the

dichotomy of the collective West and the collective East, their value and legal orientations. The author draws conclusions about Russia's return to a unique and distinctive development path based on mentality and conservative values of the Russian people.

Keywords: law understanding; constitutional law understanding; integrative law understanding; constitutional values; constitutional legal relations; constitutional reality.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

For citation: Romashova M.R. Theory of constitutional law understanding: content and value features. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 4 (24), pp. 78–87. doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.009.

Вопросы о том, что такое право и в чем заключается его сущность, являются предметом интереса мыслителей и ученых уже долгое время, начиная с момента осознания права как феномена объективной реальности, оказывающего прямое влияние на жизнь человека и общества в целом. В этой связи представляется примечательным, что до настоящего времени исследователи не только не пришли к консенсусу в отношении заявленного спора, но и создали значительное количество противоречивых теорий, раскрывающих кардинально разные подходы к объяснению природы права. Так, широко известен антагонизм, существующий между сторонниками юридического позитивизма, полагающими, что право – это совокупность общеобязательных, формально установленных правовых норм, выражающих волю государства (суверена), а также последователями естественно-правовой теории, рассматривающими естественное право как следствие природы человеческого разума и всеобщих нравственных принципов [1], существующих независимо от государственных установлений.

В России, как справедливо отметил А. И. Овчинников, повышенный интерес к проблемам правопонимания оказался вызван переходом от советской парадигмы общественно-правового бытия к современной, российской [2, с. 5], которая до настоящего времени не получила логичного завершения и находится в стадии дальнейшей трансформации, приспособления к новой юридической действительности. Значимые преобразования, в том числе внедренные внесенными в 2020 г. поправками Конституции Российской Федерации [3], выступают доказательством сохранения тенденции к совершенствованию существующей системы национального права в целом и конституционного права в частности. В сложившихся условиях закономерно интерес к изучению теории конституционного правопонимания, что особенно актуально ввиду отсутствия комплексных научных исследований, посвященных именно данной системной конструкции. Рассмотрение содержательных особенностей конституционного правопонимания позволит лучше осознать ценностные ориентиры современного российского общества, показать его мировоззренческие устои, определить предназначение права и закона, а также наметить пути и средства оптимизации механизма конституционно-правового регулирования.

Понятие «правопонимание» имеет двойственный характер. С одной стороны, используя этимологию слова, можно прийти к выводу, что данный термин служит для отображения конкретной формы, способа понимания права и его сущности. Ины-

ми словами, анализируя особенности правопонимания, мы тем самым отвечаем на вопрос о том, что такое «право» и каким образом оно получает внешнее выражение и юридическое оформление. По мнению П. А. Оля, правопонимание в широком смысле рассматривается как «интеллектуальная деятельность, направленная на познание права; отдельные элементы познавательной-правовой деятельности (восприятие правовых явлений, представлений о правовых явлениях и праве в целом, понятие права), а также совокупность (или система) интерпретируемых правовых знаний, полученных в результате познавательной деятельности» [4; с. 11–12].

Рассмотрение сущности правопонимания с мировоззренческих, философско-правовых позиций дает возможность сравнивать «правопонимание» с «субъективистской правовой картиной мира», образованной воздействием совокупности ценностных постулатов и стиля юридического мышления, присущего определенному обществу. Доводы в подтверждение обозначенной идеи приводились в работах А. В. Пищулина [5], А. В. Овчинникова [2] и др. В частности, А. В. Овчинников утверждал, что «каждое правопонимание базируется на определенном типе философской картины мира. Если проследить историю появления различных типов правопонимания, то сразу же видна мировоззренческая, философская подоплека тех или иных подходов к праву, так как именно философия формирует определенное представление о природе общества, о природе социального и о праве как социальном феномене» [2, с. 6].

С учетом того, что правопонимание в значительной степени зависит от уровня правовой культуры субъекта, его образования, сферы деятельности, национальной ментальности, конкретных политико-правовых условий, в которых проживает и функционирует тот или иной индивид, то существование различных по своей сути и содержанию подходов к восприятию и оценке права как социально-культурного феномена выступает логичным следствием объективного по своей природе разнообразия общественного бытия. При этом, как отмечают многие исследователи, большая часть разработанных наукой подходов к правопониманию оцениваются как недостаточно удачные и не в полной мере раскрывающие суть познавательного процесса в данной области [6; с. 180–181]. В этой связи для целей настоящего исследования интерес может иметь формулировка «конституционное правопонимание» как системная дефиниция, отражающая ряд уникальных особенностей, присущих познанию и восприятию права в его конституционно-правовом выражении.

Не стремясь создать всеобъемлющее, уникальное или единственно верное понятие, необходимо акцентировать внимание на том, что, по нашему мнению, конституционное правопонимание характеризуется рядом взаимосвязанных признаков, а именно:

- 1) особой ролью в формировании ценностной (аксиологической) и мировоззренческой ориентации субъектов правоотношений, направленной на адекватное восприятие окружающей их социально-юридической действительности. В юридической литературе отмечается, что конституция всякого государства концентрирует в себе и выражает ценности и притязания, соответствующие как существующей на данном историческом этапе, так и желаемой в обозримом будущем форме государственно-правового бытия [7];

2) целенаправленным (деятельностным) механизмом становления и развития национального конституционализма, который является следствием как осознанного, так неосознанного влияния на субъекта (как индивидуального, так и коллективного) со стороны окружающих его социально-правовых средств и явлений, получивших конституционное закрепление;

3) особенностями, имманентно присущими населению страны и находящими непосредственное проявление в народной традиции и менталитете, правовых обычаях и преимущественно используемых способах разрешения юридических, в том числе конституционных, конфликтов;

4) уникальностью национальной конституционно-правовой системы, действующей в конкретном государстве, в том числе устоявшимися паттернами правотворческой и правоприменительной деятельности;

5) конституционно-правовой культурой и конституционно-правовой ответственностью представителей публичной власти и гражданского общества и т. д.

Изложенное позволяет высказать предположение, что под конституционным правопониманием необходимо рассматривать уникальный для каждого государства процесс и результат целенаправленной интеллектуальной деятельности субъектов, направленные как на познание конституционного права, так и на формирование устойчивой, но в то же время способной к трансформации модели отношения к нему, детерминированной признанными общественностью конституционно-правовыми ценностями, идеалами и формами поведения, а также судебной практикой, сформированной органами конституционного контроля.

Широкое разнообразие подходов к правопониманию, получившее распространение в отечественной и зарубежной юриспруденции, значительно затрудняет формирование логичной и последовательной правовой теории в исследуемой области научного знания.

Не стремясь дать исчерпывающую характеристику всех возможных вариантов интерпретации рассматриваемого правового феномена, следует условно выделить традиционные и интегративные концепции правопонимания, отражающие как преимущественный способ познания права, так и устоявшийся паттерн отношения к нему со стороны общества и конкретных граждан. Если к традиционным концепциям принято относить позитивизм, юснатурализм, психологическую и историческую школы, то интегративные концепции объединяют группу относительно новых теорий, в которых правопонимание анализируется и толкуется с позиции синтеза формального и содержательного (субстанционального) права. Например, концепция реалистического позитивизма Р. А. Ромашова базируется на соединении идей юридического позитивизма и социологической юриспруденции, в результате которого правовыми признаются нормы, что являются общезначимыми и способными оказывать результативное воздействие на общественные отношения. Иными словами, если установленное государством формальное право будет находиться в непосредственной и взаимообусловленной связи с юридической действительностью (правовой жизнью) [8].

Оперируя схожими теоретическими основаниями, следует предположить, что право (в контексте его конституционной специфики) находит выражение в тесно корреспондирующих формах:

1) конституционных законах и подзаконных нормативных правовых актах, имеющих конституционное содержание;

2) практике органов конституционного контроля (в российской правовой системе единственным таким органом с 1 января 2023 г. выступает Конституционный Суд Российской Федерации);

3) признаваемых государством и обществом конституционных ценностях (идеалах), опосредующих поведение субъектов конституционно-правовых отношений, включая граждан, органы публичной власти, их должностных лиц, общественные объединения и т. д.

Тем самым при характеристике теории конституционного правопонимания, на наш взгляд, необходимо придерживаться интегративного подхода, который позволяет при оценке юридической реальности использовать одновременно формальный, социальный и ценностный аспекты восприятия права.

Анализируя особенности конституционного правопонимания, нельзя не заметить существенных противоречий, которые имеют место в интерпретации права и осознании особенностей государственного устройства в странах Востока и Запада. Как отмечает Р. А. Ромашов, антагонизм между названными территориальными и культурными объединениями вечен, хотя и не постоянен в содержательном наполнении. Конфликт, начавшийся еще в XI в. с момента окончательного раскола христианской церкви на католическую и православную, а также выраженный в конкуренции западной и восточной частей некогда единой Римской империи, ее религиозных и светских властей, продолжается до настоящего времени, но уже в виде противопоставления коллективного запада и коллективного востока со свойственными данным образованиям правовыми и государственными традициями [9; с. 23–25].

Не ставя перед собой задачу исчерпывающим образом раскрыть сущность и содержание обозначенного противоречия, остановимся подробнее на отдельных вопросах, имеющих наиболее важное значение для проводимого исследования, в частности на характерных отличиях, которые имеют место в подходах к социальному и ценностному аспектам права.

Применительно к первой составляющей необходимо принять во внимание, что в отечественной правовой традиции судам отказывается в любых попытках осуществления правотворчества, находящегося в исключительной компетенции парламента – Федерального Собрания Российской Федерации. Тем не менее нельзя не признать, что орган судебного конституционного контроля в своей деятельности по разрешению юридических споров неизбежно оказывает влияние на понимание правовых явлений. В этой связи сложно отрицать роль судебной практики Конституционного Суда Российской Федерации в процессе формирования и развития конституционного правопонимания. Более того, в работах российских ученых, в том числе А. Р. Гарифуллиной, можно обнаружить попытку выделить конституционное правопонимание судей рассматриваемого органа в качестве особого, специфического феномена, обладающего индивидуальными признаками, отличающегося более системным пониманием права в целом и его институтов в частности [10].

Несмотря на то что предложенная автором идея толкования конституционного правопонимания как феномена, присущего отдельной категории лиц (судьям конституционного суда), представляется нам ошибочной (правопонимание таких лиц

скорее доктринальное), довод о высокой роли конституционного судебного процесса, полученный в результате целенаправленной, интеллектуальной деятельности субъектов по познанию права, представляется обоснованным.

Дополнительным аргументом, подтверждающим приведенную точку зрения, выступает приобретающий все большее число сторонников подход, который заключается в приверженности доктрине «живой конституции». Суть данной терминологической конструкции связана с метафорическим отражением возможности нетекстуального преобразования конституции как акта высшей юридической силы под влиянием практики судов высшего уровня. По словам Т. Н. Леоненко, ст. 125 Конституции Российской Федерации позволяет Конституционному Суду давать как «оригиналистическое» (консервативное), так и «эволютивное» (регулирующие) толкование, что и создает «живую конституцию». В частности, пользуясь своими полномочиями, Конституционный суд фактически сформировал правовую позицию о скрытых полномочиях Президента Российской Федерации (признающую за ним право на издание указов в режиме конкурирующей компетенции с Федеральным Собранием Российской Федерации) [11].

Важно отметить, что среди ведущих отечественных конституционалистов продолжается активная научная дискуссия относительно феномена «живой конституции», в которой высказываются самые противоречивые мнения. К примеру, В. Д. Зорькин признает возможность точечной адаптации глубокого правового смысла Конституции Российской Федерации к объективно существующим социально-правовым реалиям в рамках доктрины «живой конституции» [12]. В то же самое время С. А. Авакьян, напротив, указывает на потенциальную опасность подобной практики, так как она может «обесценить» нормы Конституции [13, с. 52]. Признавая и учитывая факт наличия дискуссии по обозначенному вопросу, равно как и споры о пределах толкования Конституционного суда [14], полагаем, что высказанные идеи авторитетных юристов свидетельствуют о высокой роли судебной практики органов конституционного контроля в формировании итоговой модели понимания права среди как ученых, так и практикующих специалистов.

При характеристике ценностного аспекта правопонимания следует отметить, что в 1990-е гг. распад СССР и последующее образование Российской Федерации как государства, избравшего демократический путь развития, ознаменовало максимальное сближение коллективного Запада и коллективного Востока в вопросах правовой аксиологии. По сути, Конституция Российской Федерации 1993 г. осуществила механическое заимствование полученных западной культурой достижений, накопленного опыта и политико-правовых конструкций [15, с. 25].

Нарастающая конфронтация современного российского государства с западными «партнерами» нашла отражение не только в политическом, но и правовом сегменте общественной жизни. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» является показательным в части обнаружения принципиальных моментов, в которых различаются ценности Запада и Востока. В частности, анализ названного закона позволяет акцентировать внимание на следующих особенностях, определяющих отечественное конституционное правопонимание:

1) сохранение и защита исторической памяти, включая роль Отечества в победе над фашизмом, характерные для российского государства идеалы православия (п. 2–3 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации);

2) приоритет традиционных семейных ценностей, подразумевающих семью исключительно как союз мужчины и женщины при всестороннем духовном, нравственном, интеллектуальном и физическом развитии детей (п. «ж. 1» ч. 1 ст. 72, п. 4 ст. 67¹, п. «в» ч. 1 ст. 114 Конституции Российской Федерации);

3) сохранение культурной самобытности и наследия всех народов и этнических общностей, составляющих многонациональный народ России (п. 1, 4 ст. 68, п. 2, 3 ст. 69 Конституции Российской Федерации);

4) направленность на патриотическое воспитание молодежи, предполагающая гражданскую ответственность и уважение к старшим (п. 4 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации) и т. д.

Полагаем, что преимущества, отдаваемые вышеперечисленным ценностям, указывают на возврат России к самобытному курсу общественного и правового развития, основанному на традиционных, преимущественно консервативных, конституционных ценностях. Как справедливо утверждает В. И. Крусс, ценностное измерение российского конституционализма не должно быть калькой или «литографическим оттиском» некой унифицированной идеальной матрицы, но должна отражать неповторимость суверенной государственности с учетом исторической, лингвистической, социальной, культурной преемственности и смены поколений [16].

В конституционном праве вопросы юридической аксиологии обсуждаются как в контексте отдельных государственно-правовых явлений, так и в качестве самостоятельной проблемы. Несмотря на такие отличия, следует выразить солидарность с мнением о том, что исследование и защита конституционных ценностей гарантируют приоритет государственной, общественной и личной идентичности [17], выступают базой для формирования развитой правовой культуры, гражданской ответственности, принятой и признанной обществом конституционной модели [18]. В приведенных условиях анализ ценностных ориентаций конкретной социальной общности представляется важным для уяснения сущности и особенностей национального правопонимания.

Конституционное правопонимание представляет собой актуальную, крайне широкую и многогранную, но вместе с тем недостаточно исследованную тему, в которой многочисленные лакуны сопряжены с внешне общеизвестными и потому недооцененными по своей глубине и проработке правовыми понятиями, категориями, явлениями, закономерностями.

В настоящей работе мы рассматриваем конституционное правопонимание как двойственный правовой феномен, включающий одновременно динамическую (процесс познания права) и статическую (отношение к праву) стороны, формирующиеся под воздействием формального, социального и ценностного аспекта права.

Если признание влияния формального аспекта права (законов и подзаконных правовых актов) на процесс и результат формирования правопонимания не подвергается сомнению, то социальная и ценностная грани проблематики выступают предметом дискуссии.

Широкое распространение доктрины «живой конституции», равно как и приверженность большинства ученых современным интегративным концепциям правопонимания, на наш взгляд, подтверждает высокую роль судебной практики органов конституционного контроля (социального аспекта) в формировании правопонимания.

Одновременно с этим признаваемые государством и многонациональным российским народом конституционные ценности также выступают одним из ориентиров, служащих формированию единой модели правопонимания у всех слоев российского общества. При этом нужно принимать во внимание, что конституционная аксиология в настоящее время не рассматривается в качестве самостоятельного предмета научного познания [16], хотя учеными-конституционалистами предпринимаются попытки формирования базовых теоретических основ в этой области [19–21].

Отдельным направлением для осуществления сравнительно-правового исследования может стать анализ противоречий, существующих в ценностных ориентирах коллективного Запада (образованного странами Европы и Северной Америки) и коллективного Востока (включая Российскую Федерацию). Последние тенденции, связанные с совершенствованием отечественного конституционного законодательства, ярко отражают возвращение государства на собственный, уникальный путь развития. Последний подразумевает защиту и сохранение исторической памяти, культурной самобытности и наследия всех народов России, традиционной семьи, патриотизма, а также иных культурно-правовых особенностей, происходящих из менталитета и юридической культуры российского народа.

В целом обозначенная аксиологическая тематика, как и проблематика конституционного правопонимания в целом, на наш взгляд, остаются перспективными направлениями для дальнейших научных изысканий. Более того, разработка связанных с данным направлением проблем потенциально может способствовать лучшему осознанию иных правовых явлений, разрешению юридических коллизий, развитию конституционной теории в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Карнаушенко Л. В. Естественное и позитивное право: перспективы преодоления противоречий // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 2. С. 159–163.
2. Овчинников А. И. Правопонимание и его классификация: основные подходы // Юрист-Правовед. 2015. № 1 (68). С. 5–9.
3. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти : закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 11. Ст. 1416.
4. Оль П. А. Правопонимание: от плюрализма к двуединству. СПб., 2005. 243 с.
5. Пищулин А. В. Правопонимание: теоретические основы формирования понятия // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2012. № 1. С. 29–41.
6. Оль П. А., Сальников М. В. Правопонимание как объект научного познания // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 4. С. 180–194.
7. Сисакьян А. А. К вопросу о влиянии конституционных ценностей при формировании конституционного правосознания // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 5. С. 16–19.
8. Ромашов Р. А. Реалистический позитивизм: интегративный тип современного правопонимания // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2005. № 1 (258). С. 12–20.

9. Ромашов Р. А. Конституционно-правовые системы современного мира: опыт сравнительного анализа (статья 1) // Ленинградский юридический журнал. 2022. № 1 (67). С. 19–32.
10. Гарифуллина А. Р. Понятие и признаки конституционного правопонимания судей Конституционного суда Российской Федерации // Российский судья. 2022. № 10. С. 58–60.
11. Леоненко Н. Т. Феномен «живой конституции» и статус главы государства // Российский юридический журнал. 2019. № 3. С. 63–74.
12. Зорькин В. Д. Буква и дух Конституции // Рос. газ. 2018. 9 октября. № 7689.
13. Авакьян С. А. Политические отношения и конституционное регулирование в современной России: проблемы и перспективы // Журнал российского права. 2003. № 11. С. 34–54.
14. Уваров А. А. О типологии правопонимания в решениях Конституционного Суда РФ // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 5. С. 55–59.
15. Ромашов Р. А. Конституционно-правовые системы современного мира: опыт сравнительного анализа (статья 2) // Ленинградский юридический журнал. 2022. № 2 (68). С. 20–33.
16. Крусс В. И. Российская конституционная аксиология: актуальность и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 2. С. 7–14.
17. Пермиловский М. С. Основы конституционной аксиологии: защита ценности // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 10. С. 24–28.
18. Ливеровский А. А. Рациональная модель конституционного регулирования // Lex Russica. 2019. № 1. С. 70–82.
19. Малько М. П. Предмет конституционной аксиологии // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 19 (200). С. 34–37.
20. Гончаров И. В. Конституционные ценности в эпоху «цифровых технологий» // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 11. С. 15–17.
21. Невинский В. В. Сущность и универсализация конституционных ценностей в современном обществе // Lex Russica. 2018. № 11. С. 106–121.

REFERENCES

1. Karnaushenko L.V. Natural and positive law: prospects for overcoming contradictions. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of Mia Russia*, 2020, vol. 11, no. 2, pp. 159–163. (In Russ.).
2. Ovchinnikov A.I. Legal understanding and its classification: basic approaches. *Yurist-Pravoved = Lawyer-Legal Expert*, 2015, no. 1 (68), pp. 5–9. (In Russ.).
3. On improving regulation of certain issues of the organization and functioning of public power: the law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation No. 1-FKZ of March 14, 2020. In: *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation. Federation]. 2020. No. 11. Art. 1,416. (In Russ.).
4. Ol' P.A. *Pravoponimanie: ot plyuralizma k dvuedinstvu* [Legal understanding: from pluralism to duality]. Saint Petersburg, 2005. 243 p.
5. Pishchulin A.V. Legal understanding: theoretical foundations of the formation of the concept. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo = Bulletin of the Moscow University. Series 11. Law*, 2012, no. 1, pp. 29–41. (In Russ.).
6. Ol' P.A., Sal'nikov M.V. Legal understanding as an object of scientific knowledge. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' = Legal Science: History and Modernity*, 2019, no. 4, pp. 180–194. (In Russ.).
7. Sisak'yan A.A. On the question of the influence of constitutional values in the formation of constitutional legal awareness. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2022, no. 5, pp. 16–19. (In Russ.).

8. Romashov R.A. Realistic positivism: an integrative type of contemporary legal understanding. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = News of Higher Educational Institutions. Law*, 2005, no. 1 (258), pp. 12–20. (In Russ.).
9. Romashov R.A. Constitutional and legal systems of the modern world: experience of comparative analysis. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal = Leningrad Legal Journal*, 2022, no. 1 (67), pp. 19–32. (In Russ.).
10. Garifullina A.R. The concept and attributes of constitutional legal understanding of judges of the constitutional court Russian Federation. *Rossiiskii sud'ya = Russian Judge*, 2022, no. 10, pp. 58–60. (In Russ.).
11. Leonenko N.T. The phenomenon of a “living constitution” and the status of the head of state. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian Juridical Journal*, 2019, no. 3, pp. 63–74. (In Russ.).
12. Zor'kin V.D. The letter and the spirit of the Constitution. *Ros. gaz. = Russian Newspaper*, 2018, October 9, no. 7,689. (In Russ.).
13. Avak'yan S.A. Political relations and constitutional regulation in modern Russia: problems and prospects. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2003, no. 11, pp. 34–54. (In Russ.).
14. Uvarov A.A. On classification of legal consciousness in judgments of the constitutional court of the Russian Federation. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2019, no. 5, pp. 55–59. (In Russ.).
15. Romashov R.A. Constitutional and legal systems of the modern world: experience of comparative analysis. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal = Leningrad Legal Journal*, 2022, no. 2 (68), pp. 20–33. (In Russ.).
16. Kruss V. I. Russian constitutional axiology: relevance and prospects. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2007, no. 2, pp. 7–14. (In Russ.).
17. Permilovskii M.S. Fundamentals of constitutional axiology: value protection. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State Power and Local Self-Government*, 2022, no. 10, pp. 24–28. (In Russ.).
18. Liverovskii A.A. A rational model of the constitutional regulation. *Lex Russica = Russian Law*, 2019, no 1, pp. 70–82. (In Russ.).
19. Mal'ko M.P. The subject of constitutional axiology. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 2010, no. 19 (200), pp. 34–37. (In Russ.).
20. Goncharov I.V. Constitutional values in the era of “digital technologies”. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2019, no. 11, pp. 15–17. (In Russ.).
21. Nevinskii V.V. Essence of the universalization of constitutional values in modern society. *Lex Russia = Russian Law*, 2018, no. 11, pp. 106–121. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

МАРИЯ РОМАНОВНА РОМАШОВА – специалист кафедры конституционного и административного права Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Санкт-Петербург, Россия, 7029807@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-0504-5822>

MARIYA R. ROMASHOVA – Specialist at the Department of Constitutional and Administrative Law of the North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, Russia, 7029807@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-0504-5822>

Статья поступила 10.10.2023

Научная статья

УДК 343.296

doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.010

Защита гражданских прав в рамках уголовного процесса по экономическим преступлениям

ЕКАТЕРИНА ВАЛЕРЬЕВНА АВДЕЕВА

Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

Общероссийская общественная организация «Деловая Россия»

Москва, Россия, pravo@deloros.ru

Аннотация. Уголовный и гражданский процесс имеют наиболее тесную взаимосвязь, когда речь идет об экономических преступлениях, особенно в части возмещения материального ущерба, причиненного преступлением. В статье раскрываются основные факторы, создающие препятствия для быстрого и полного удовлетворения имущественных требований потерпевших по экономическим преступлениям, предложения по их преодолению. Также рассмотрены предпосылки выбора неверного вектора защиты нарушенных прав. Анализируются такие факторы, как пограничность преступлений в сфере экономики с гражданско-правовыми деликтами, избыточная доля усмотрения следователя и судьи, сроки предварительного следствия, отсутствие института уголовной ответственности юридических лиц, цифрового судопроизводства, недостаточность стимулов возмещения ущерба на стадии предварительного расследования. Дана оценка эффективности механизмов, обеспечивающих возмещение ущерба, причиненного преступлением в сфере экономики. Все изложенное в статье позволяет оценить эффективность механизмов, обеспечивающих возмещение ущерба, причиненного преступлением в сфере экономики.

Ключевые слова: возмещение материального ущерба; экономические преступления; прекращение уголовного преследования в связи с возмещением ущерба; обстоятельства, смягчающие наказание.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Авдеева Е. В. Защита гражданских прав в рамках уголовного процесса по экономическим преступлениям // *Ius publicum et privatum*: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2023. № 4 (24). С. 88–101. doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.010.

Original article

Protection of Civil Rights in the Framework of Criminal Proceedings on Economic Crimes

EKATERINA V. AVDEEVA

State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

All-Russian Public Organization “Business Russia”

Moscow, Russia, pravo@deloros.ru

Abstract. Criminal and civil proceedings have the closest relationship when it comes to economic crimes, especially in terms of compensation for material damage caused by the crime. The article reveals key factors that create obstacles for the rapid and complete satisfaction of the property claims of victims of economic crimes, proposals for their overcoming. The prerequisites for choosing the wrong vector of protection of violated rights are also considered. Factors, such as the borderline of economic crimes with civil law offenses, excessive discretion of the investigator and judge, timing of the preliminary investigation, absence of the institution of criminal liability of legal persons, digital legal proceedings, insufficient incentives for compensation of damages at the stage of preliminary investigation are analyzed. The effectiveness of mechanisms providing compensation for damage caused by the economic crime is assessed.

Keywords: compensation for material damage; economic crimes; termination of criminal prosecution in connection with the damage being compensated; circumstances, mitigating punishment.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Avdeeva E.V. Protection of civil rights in the framework of criminal proceedings on economic crimes. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 4 (24), pp. 88–101. doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.010.

Экономические преступления продолжительное время оказываются в фокусе внимания ученых, практиков и обсуждаются на уровне руководства страны. С одной стороны, экономическая преступность представляет угрозу экономике и экономической безопасности, с другой – правозащитники и предприниматели, столкнувшись с уголовным преследованием по экономическим преступлениям, высказывают жалобы об искусственном, с их точки зрения, переводе гражданско-правовых отношений в уголовно-правовую сферу. Последнее ими оценивается в качестве «силового» давления на бизнес. Действительно, многие экономические составы имеют достаточно тонкую грань с гражданско-правовыми спорами [1], что приводит к отсутствию понимания в сознании людей, далеких от уголовно-правовой науки и практики, что представляет собой преступление, а что должно решаться в рамках гражданского или арбитражного процесса. Не вдаваясь в подробности разграничения гражданско-правовых споров и преступлений, следует отметить, что, с одной сто-

роны, нередко обращение к уголовному законодательству обусловлено банальным отсутствием фиксации всех договоренностей, то есть отсутствием достаточного количества доказательств, что приводит к необходимости эксплуатировать уголовное законодательство из-за непроявленной должной внимательности и осмотрительности, с другой – напротив, имеет место латентность экономической преступности, когда лица не считают необходимым заявлять о совершенном деянии, имеющем, по их мнению, признаки преступления, в правоохранительные органы. И то и другое представляется отклонениями от поведения, которое было бы оптимально для охраны общественного правопорядка, повышения уровня правосознания, создания благоприятного делового климата. Перечисленные тенденции в совокупности опосредованно оказывают влияние и на развитие экономики страны.

Мотивы обращения к уголовно-правовой защите по экономическим преступлениям, которые отнесены к предпринимательским

Причины такого поведения определяются целями и задачами, которые ставит перед собой лицо, пострадавшее материально от действий другого. Наиболее часто пострадавшее лицо заинтересовано именно в возмещении ущерба, и выбор обращения в суд с исковыми требованиями или в правоохранительные органы обусловлен его субъективной оценкой скорости и реальности получения такого возмещения. Если лицо имеет достаточную доказательственную базу для обращения с иском в совокупности с оценкой реальности последующего фактического исполнения решения суда, то наиболее вероятно он выберет способ защиты своих прав именно в гражданском процессе, даже если он и осознает, что имел место возможный умысел другой стороны на неисполнение обязательств. Способ уголовно-правовой защиты может избираться лицом по различным причинам:

- 1) в связи с убежденностью того, что в отношении него совершено именно преступление;
- 2) стороны не все оговорили и прописали в документах, а одна из сторон пытается неурегулированные вопросы обратить в свою пользу;
- 3) лицо желает своим заявлением в правоохранительные органы «стимулировать» должника быстрее исполнить обязательство;
- 4) истечение срока исковой давности.

Иногда имеет место убежденность в том, что любое неисполнение обязательств позволяет называть нарушителя «мошенником». В первом случае мы можем говорить об исполнении своих обязательств через заявление в правоохранительные органы об общественно опасном деянии. Во втором случае недостаточность доказательств для гражданского процесса у пострадавшей стороны является следствием спланированного преступления, когда виновные лица прикрыли свои противоправные действия договорными конструкциями, обеспечив заключение договоров с юридическими лицами, которые могут быть оформлены на номинальных директоров и учредителей, когда удовлетворение иска не будет предполагать фактическое получение ни в рамках исполнительного производства, ни процедуры банкротства. Здесь следует отметить, что далеко не всегда происходит уведомление правоохранительных органов о совершении такого преступления, также возможен и отказ в возбуждении уголовного дела, обусловленный наличием гражданско-правовых отношений. Кроме того, в этом случае может иметь место и виктимное поведение

лица, пострадавшего от неисполнения каких-то обязательств, поскольку оно не проявляло должной внимательности и осмотрительности, не фиксировало договоренности, ожидая получить в неурегулированной части свою выгоду. В третьем и четвертом вариантах у заявителя может быть осознание того, что должник не совершал преступление, то есть данный способ защиты выбран с целью напугать [1]. Здесь идет речь об эксплуатации уголовного процесса, но при этом в некоторых случаях обращение в правоохранительные органы может привести и к возбуждению уголовного дела, что может стать следствием различных факторов, в том числе и коррупционной составляющей, также банальной настойчивости заявителя.

Все изложенное выше позволяет констатировать, что по ненасильственным экономическим преступлениям обращение к уголовному или к гражданскому процессу чаще обусловлено оценкой перспективы скорейшего получения утраченного, а не реальной убежденностью в совершении лицом преступления. Это приводит к неоднородности правоприменительной практики, отсутствию осознания неотвратимости наказания, причинно-следственной связи содеянного и меры воздействия. В конечном результате это ведет к формированию ощущения отсутствия справедливости, а также к латентности экономической преступности.

Изложенное также позволяет отметить негативные тенденции, требующие коррекции, когда подача заявления в правоохранительные органы или отказ от таких действий определяются не личным интересом возмещения материального ущерба, а осознанием противоправности поведения лица, нарушившего права. Иными словами, подача заявления требует качественной доследственной проверки, которая гарантирует выяснение достаточных фактов и в случае мотивированного возбуждения наступление неотвратимости наказания, что отвечает целям и задачам уголовного кодекса.

Вопросы возмещения ущерба, причиненного преступлениями, отнесенными к предпринимательским составам

Безусловно, возмещение ущерба, причиненного преступлением, является важным этапом восстановления нарушенных гражданских прав. Статьи 46 и 52 Конституции России гарантируют охрану прав потерпевших от преступления, правосудие и компенсацию причиненного ущерба в рамках уголовного судопроизводства. Статья 12 ГК РФ к числу способов защиты гражданских прав относит возмещение убытков и компенсацию морального вреда, а ст. 1064 определяет условия такого возмещения: наличие вины, полный размер возмещения и наличие причинной связи. А в п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ прямо в качестве назначения уголовного судопроизводства указана защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Главным и законным интересом лиц и организаций, потерпевших от экономических преступлений, является именно возмещение причиненного ущерба, поэтому решение этой задачи представляет особую важность. Институт возмещения материального ущерба, причиненного преступлением, конечно же, следует отнести к межотраслевым, поскольку правовое регулирование происходит в тесной взаимосвязи уголовного и гражданского права и процесса и требует как комплексного подхода, так и большей регламентации и дифференциации используемых правовых конструкций [2, с. 126]. Изложенное выше подтверждает, что вопрос представляет интерес как с научной, так и с практической точек зрения, требует дальнейшей проработки.

Реализация права на возмещение ущерба чаще происходит через гражданский иск в рамках уголовного процесса или после вынесения приговора, хотя существуют и другие способы привлечения к добровольному восстановлению нарушенных прав. Для того чтобы оценить эффективность гражданского иска в рамках уголовного процесса и других стимулов к добровольному возмещению причиненного ущерба от преступлений в сфере экономики, требуется проанализировать статистику, нормы законодательства, ориентированность самого уголовного процесса на такое восстановление нарушенных прав и эффективность правоохранительной системы в этих действиях. Кроме того, целесообразно изучать, что мотивирует лиц эксплуатировать уголовный процесс, пытаясь настоять на переводе гражданско-правовых отношений в уголовно-правовые, а также и то, что мотивирует лиц не сообщать о противоправных действиях, тем самым увеличивая латентность экономических преступлений, которые, как правило, относятся к делам частного-публичного обвинения (ч. 2 ст. 20 УПК РФ), а потому возбуждение уголовного дела невозможно при отсутствии заявления потерпевшего.

Так, согласно статистическим данным ГИАЦ МВД России ущерб от экономических преступлений в 2022 г. составил 322,5 млрд руб. [3], а в 2021 г. – 641,9 млрд. руб. [4]. При этом необходимо учитывать раскрываемость таких преступлений и возмещение ущерба, которые далеки от 100 %, методологию определения ущерба при отсутствии единого подхода в правоприменительной практике, когда одни суды учитывают рыночную стоимость похищенного, другие – закупочную, одни включают в размер ущерба НДС, другие – нет [5]. Следует учитывать, что если виновное лицо так и не будет установлено, то может быть потеряно время на подачу исковых требований в рамках гражданского процесса в связи с истечением срока исковой давности. И проблема здесь лежит в различных плоскостях, беря начало в отсутствии должного уровня правовой грамотности участников делового оборота [6].

Если приговор все же был вынесен и вступил в силу, то с момента начала расследования нередко прошел не один год, то важно понимать, на что же в части возмещения ущерба может рассчитывать лицо, признанное потерпевшим от экономических преступлений. В этой связи важно отметить, что гражданские иски в рамках уголовного процесса, хотя и подаются, но не всегда рассматриваются судами в рамках уголовного дела на практике. Нередко приговором признается право на удовлетворение гражданского иска о возмещении причиненного материального ущерба за лицами, потерпевшими от экономических преступлений, а вопрос о размере возмещения гражданского иска передается для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства, дополнительно удлинняя процесс получения такого возмещения, что воспринимается достаточно негативно. Неоспоримым преимуществом является то, что предъявление гражданского иска на основании вынесенного приговора освобождает истца от уплаты государственной пошлины в соответствии с ч. 2 ст. 44 УПК РФ, подп. 4 п. 1 ст. 333.36 НК РФ.

Согласно ст. 15 ГК РФ имущественный вред представляет собой расходы, которые необходимо произвести для восстановления нарушенного права, а также утрату или повреждение имущества (реальный ущерб), неполученные доходы, которые лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено. Рецепция института уголовным процессом связана прежде все-

го с удовлетворением гражданских исков. Толкование правовой нормы, определенной ст. 115 УПК РФ (наложение ареста на имущество), свидетельствует о том, что указанная мера процессуального принуждения по своей сути является превентивно-обеспечительной, применяя которую законодатель реализует цель – обеспечить исполнение приговора в части имущественных взысканий, существенно ограничивая при этом права собственности гражданина, для предупреждения возможного сокрытия или отчуждения имущества [7].

Возмещение материального ущерба, причиненного преступлением, осуществляется на различных стадиях. При возбуждении уголовного дела это происходит чаще по тем составам, по которым есть основания для прекращения уголовного преследования, указанные в ст. 28.1 УПК РФ, или последующего освобождения от уголовного наказания в соответствии со ст. 76.1 УК РФ. На стадиях предварительного расследования и судебного следствия прекращение уголовного преследования или освобождение от уголовного наказания возможны в случае, если деяние квалифицировано по статьям, указанным в ст. 28.1 УПК РФ и ст. 76.1 УК РФ, а также если лицо рассчитывает на применение положений ст. 61 УК РФ при вынесении приговора. При этом ст. 61 УК РФ относится к категории судьейского усмотрения, и сложно прогнозировать, насколько это может повлиять на приговор, а потому не является в должной мере стимулирующей мерой для возмещения ущерба именно на стадии предварительного следствия.

С учетом того, что речь идет о субъектах предпринимательской деятельности, то будет целесообразно вспомнить, что большинство предпринимательских составов перечислены в ст. 76.1 УК РФ и ст. 28.1 УПК РФ, где предполагается, что возмещение ущерба и уплата двукратного размера штрафа, за исключением налоговых составов, поименованных в ч. 1 ст. 76.1 УПК РФ, когда предполагается только уплата налоговой недоимки, штрафов и пени, дает основание для прекращения уголовного преследования или освобождения от уголовного наказания. Речь идет о том, что наиболее часто вменяют именно общеуголовные части ст. 159 УК РФ, а в ч. 2 ст. 76.1 УПК РФ указаны только ч. 5–7 ст. 159 УК РФ, возмещение ущерба и уплата штрафа по которым дает основание для освобождения от уголовного наказания, но норма не применяется к ч. 1–4 ст. 159 УК РФ. С учетом того, что ущерб преступлением в сфере экономики, которое будет квалифицировано по ч. 1–4 ст. 159 УК РФ, может причинен не только гражданам, но и государству, когда речь идет об инкриминируемом хищении путем обмана, сопряженным с исполнением государственного контракта или возмещением НДС. Здесь вопрос возмещения затрагивает не только бюджет, но опосредованно и неограниченный круг лиц. Для того чтобы распространить действенный стимул по возмещению ущерба на большее количество преступлений, необходимо выделение специальных составов, которые будут относить деяние к предпринимательским, как, например, целесообразно будет сделать в случае инкриминирования хищения в связи с возмещением НДС, исполнением государственных контрактов [8].

На стадии исполнения приговора чаще мотивирующим фактором может стать возможность получить УДО. Но нередко возмещение ущерба не происходит даже после отбытия наказания.

Нормы законодательства для решения этой проблемы совершенствуются, факторы, препятствующие возмещению материального ущерба, постепенно устраняются.

Обеспечительные меры в предпринимательских составах: способ защиты интересов потерпевшего или нарушение прав третьих лиц. Поиск правильного баланса

Для того чтобы обеспечить финансовую возможность возмещения ущерба, уплату штрафа и возможность конфискации, в уголовном процессе существует институт ареста имущества, который регламентирован ст. 115 УПК РФ. Федеральным законом от 26.06.2015 № 190-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» была сформулирована ст. 115.1 УПК РФ для регламентации продления ареста имущества третьих лиц. Необходимо учитывать, что имущество далеко не всегда находится в собственности обвиняемого (подозреваемого), нередко собственность, денежные средства находятся у третьих лиц. Если не предпринимать меры по ограничению реализации такого имущества на стадии предварительного следствия, то после вступления приговора в силу возместить имущественные требования потерпевшему может быть достаточно сложно. Ученые уже более 20 лет обращают внимание на мнимую неплатежеспособность, называя ее острой проблемой в области возмещения имущественного вреда потерпевшему [9, с. 45]. Неоднократный переход права собственности может привести к тому, что оно окажется у добросовестного приобретателя, который не знал и не мог знать о его преступном происхождении.

Важно отметить, что обеспечительные меры на стадии предварительного следствия крайне негативно воспринимаются правозащитниками и субъектами предпринимательской деятельности, если они оказываются в роли лиц, на которые эти меры накладываются. Аргументом в этом случае выступает нарушение хозяйственной деятельности, вмешательство в предпринимательскую деятельность.

При этом те же субъекты крайне негативно оценивают отсутствие обеспечительных мер на стадии предварительного следствия, если они оказываются в роли потерпевшего, так как нередко применение мер к третьим лицам является крайне важным способом обеспечения возможности получения возмещения ущерба потерпевшим от противоправных действий. Действительно, применение ст. 115 УПК РФ к третьим лицам вступает в определенное противоречие с охраной частной собственности в соответствии со ст. 35 Конституции Российской Федерации. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 115 УПК РФ арест может быть наложен на имущество подозреваемого, обвиняемого либо лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия, хотя ч. 3 этой же статьи указывает на возможность наложения ареста на имущество третьих лиц. В «Обзоре практики рассмотрения судами ходатайств о наложении ареста на имущество по основаниям, предусмотренным частью 1 статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 27.03.2019) отдельно указывается на наложение ареста на имущество третьих лиц, не являющихся гражданскими ответчиками, когда речь идет об имуществе, находящемся у третьих лиц при достаточности данных о том, что оно принадлежит обвиняемому или приобретено им на доходы, полученные от преступной деятельности в результате совершения преступления.

Конституционный Суд Российской Федерации высказывал мнение о том, что данная уголовно-процессуальная мера имеет принудительный характер и вторгается помимо воли собственника в его правомочия по владению, пользованию и распоряжению имуществом, а потому должна применяться, как того требуют выражающие принцип неприкосновенности собственности конституционные гарантии охраны частной собственности законом и допустимости лишения имущества не иначе как по решению суда, а также конституционные гарантии судебной защиты, при эффективном, а не формальном контроле суда. При этом не должна допускаться подмена частноправовых механизмов разрешения споров о собственности уголовно-процессуальными средствами, направленными на достижение публично-правовых целей уголовного судопроизводства [10].

Здесь же следует отметить особую роль юридического лица, которое может являться потерпевшим в уголовном процессе, может быть третьим лицом, на имущество которого может быть наложен арест, но при этом в нашем законодательстве отсутствует уголовная ответственность юридических лиц. Несмотря на доктринальные противоречия такого института с принципом вины, о котором говорят противники института уголовной ответственности юридических лиц [11], его введение позволило бы в большей степени обеспечивать имущественные требования и иметь более понятные и четко регламентированные правила. Также это позволило бы оперативно привлекать к ответственности юридических лиц, обеспечить более эффективное расследование, международное сотрудничество по выявлению имущества [12], а также достичь большей регламентированности процедуры обжалования избыточно наложенных мер.

Сроки расследования как фактор, оказывающий влияние на возмещение ущерба

Среди негативных и препятствующих факторов, помимо перечисленных выше, следует отметить достаточно длительный срок предварительного и судебного следствия, который может в реальности затянуться на несколько лет. Поэтому непринятие обеспечительных мер может привести к тому, что имущество окажется в собственности добросовестного приобретателя. Здесь же очень важно отметить, что суд может удовлетворить только заявленное ходатайство следователя, поскольку именно он осуществляет следственные действия для возмещения ущерба, собирает данные, которые будут для суда достаточными для принятия соответствующего решения. К таким мерам относятся действия следователя, направленные на установление лиц, несущих материальную ответственность за причиненный вред, розыск имущества, подлежащего взысканию, наложение ареста на это имущество, принятие мер по его сохранности, с тем чтобы судебный исполнитель мог реально задействовать это имущество для возмещения материального вреда при соответствующем приговоре суда. Но при этом представляется целесообразным отметить недостаточную регламентированность данного процесса, которая на практике может приводить либо к применению мер не в полном объеме, когда арест на имущество третьих лиц не накладывается в связи с недостаточными данными либо отсутствием ходатайства, либо к избыточным мерам, ущемляющим права и законные интересы третьих лиц, на что обращают внимание правозащитники.

Сроки предварительного и судебного следствия действительно оказывают влияние на своевременность и справедливость удовлетворения требований лиц, по-

терпевших от совершенного преступления. Несмотря на то что в ст. 162 УПК РФ закреплен срок в два месяца, который отводится на предварительное следствие, на практике он всегда превышает установленный в несколько раз. При этом длительность следствия сегодня нередко сопряжена именно с объективной необходимостью, включая сроки проведения экспертиз, загруженность следователей, временные затраты на пересылку документов, и другими объективными факторами.

Сегодня стремительное ускорение всех общественных и государственных процессов, изменение ситуации даже на геополитическом уровне требует и от уголовного процесса максимальной динамики. Здесь же следует вспомнить о цифровизации, которая должна затронуть и уголовный процесс. Уже многие страны ввели цифровое уголовное производство, которое означает оформление большей части документов в электронном формате, возможность подачи жалоб, ходатайств в том числе дистанционно, сокращение сроков пересылки документов, возможность существенного сокращения сроков ознакомления с материалами уголовного дела при выполнении требований ст. 217 УПК РФ, что определяет общий срок на предварительное расследование. М. Кажамкулов приводит опыт Саудовской Аравии, где перешли на электронные уголовные дела еще в 2009 г., тем самым сократив сроки расследования на 80 %. Теперь расследования по большинству дел заканчиваются в течение двух дней, обеспечивая в том числе и абсолютно оперативный контроль со стороны прокуратуры [13]. Здесь мы должны учитывать необходимость создания системы, которая обеспечит надлежащее хранение всех данных, исключающее утечку информации, настройку системы, обучение работе с этой системой сотрудников правоохранительных органов. Этот вопрос вряд ли может быть решен быстро, но это очень важный этап, который требует реализации в отечественной правовой системе. И, конечно же, ускорение процессов, их цифровизация будут оказывать положительное влияние в том числе и на удовлетворение имущественных требований, содержащихся в гражданских исках о возмещении вреда, причиненного преступлением.

Вопрос возмещения иного материального ущерба

Отдельно остановившись на сроках, которые требуются для удовлетворения гражданских исков, необходимо проанализировать, могут ли быть удовлетворены по таким искам все требования, которые будут содержать в себе не только сумму ущерба, причиненного преступлением, но и другой имущественный вред, включая проценты, исходя из срока, который потребовался на взыскание такой суммы. Данный вопрос всегда актуален в цивилистическом процессе, и многие потерпевшие рассчитывают на то, что подобный механизм применим и к уголовному. Здесь мы должны привести позицию Конституционного Суда Российской Федерации по обращению гражданина А. Е. Григорьева, который оспаривал конституционность ст. 1064–1101 гл. 59 ГК РФ [14]. При возмещении причиненного преступлением материального ущерба суды удовлетворили только взыскание основного долга по договорам займа, а вот исковые требования в части процентов по договорам займа судами не признаны подлежащими удовлетворению с указанием на то, что основанием заявленных требований являются не договорные отношения, а ущерб, причиненный преступлением, в результате Конституционный Суд Российской Федерации отказал в принятии жалобы. Это демонстрирует сложившуюся практику и нормы,

которые регламентируют взыскание материального ущерба, причиненного преступлением.

Верховный Суд Российской Федерации указывал, что суды должны оставлять без рассмотрения некоторые требования имущественного характера, связанные с преступлением, – регрессные иски, требования о взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами, признании гражданско-правового договора недействительным или возмещении вреда в случае смерти кормильца, потому как такие споры должны рассматриваться в порядке гражданского производства. Указано также, что судья должен разбираться в обстоятельствах дела, изучать доказательства, даже если ответчик признал иск, а наличие имущественного и морального вреда, размер подлежащих удовлетворению требований суд устанавливает на основе совокупности всех исследованных в судебном заседании и приведенных в приговоре доказательств [15].

Выводы

Исходя из значительного временного интервала с момента возбуждения уголовного дела до реальной возможности получить удовлетворение требований по гражданскому иску в рамках уголовного процесса важно наличие стимулов для возмещения материального ущерба до вынесения приговора. Статьи 28.1 УПК РФ и 76.1 УК РФ, предполагающие прекращение уголовного преследования или освобождение от уголовного наказания, являются реальными стимулами для возмещения ущерба на стадии предварительного следствия, так как предполагают прекращение уголовного преследования. Но здесь мы сталкиваемся с проблемой, которая актуальна в сфере защиты прав субъектов предпринимательской деятельности, затрагивает законные и обоснованные имущественные интересы потерпевших, когда речь идет о вменении предпринимателям общеуголовных ч. 3–4 ст. 159 УК РФ, а не специальных ч. 5–7 ст. 159 УК РФ, что кратно снижает возможность применения таких стимулов, так как не попадает под действие ст. 28.1 УПК РФ и ст. 76.1 УК РФ.

Таким образом, на сегодняшний день можно говорить о том, что вопрос возмещения материального ущерба по экономическим преступлениям остается актуальным и должен быть учтен при совершенствовании законодательства в рамках уголовной политики. Разрешение этого вопроса тесно связано и с выполнением задач в рамках уголовного процесса, так как назначение наказания и возмещение ущерба оказывают значительное влияние на хозяйствующие субъекты, имеют большое значение для формирования делового климата, обеспечения стабильной экономической деятельности.

Среди факторов, которые негативно влияют на результаты возмещения материального ущерба, следует отметить отсутствие достаточного уровня правовой грамотности участников делового оборота. Для минимизации рисков оказаться в роли потерпевшего от преступления в сфере экономики необходимы фиксация договоренностей, должная проверка контрагентов и др. Тогда в случае неисполнения каких-то обязательств решение вопросов было бы возможно на досудебной стадии или в гражданском или арбитражном процессах в зависимости от подсудности спора. Важно, чтобы лицо, оказавшееся в ситуации, когда причинен материальный ущерб в связи с нарушением обязательств, осознавало, что речь идет об уголовно наказуемом деянии или о гражданско-правовом споре. Недостаточная правовая

грамотность приводит к тому, что потерпевшие не всегда своевременно обращаются за защитой, что приводит к сложностям в удовлетворении требований. Здесь очевидным выводом может быть необходимость проведения системных программ по повышению правовой грамотности, в том числе предпринимательского сообщества.

Рассмотрим факторы, оказывающие влияние на возмещение ущерба в рамках уголовного процесса, которые связаны с порядком возбуждения и сроками расследования. Так, при возбуждении уголовных дел не в отношении конкретных лиц, а по факту самого события преступления зачастую так и не удается установить подозреваемых и обвиняемых лиц. Даже в тех уголовных делах, по которым установлены виновные лица, сроки предварительного расследования и судебного следствия достаточно велики, а при удовлетворении гражданского иска в отдельном гражданском процессе сроки значительно сдвигаются. Еще одним негативным фактором является вопрос регламентации процесса наложения ареста, в том числе на имущество третьих лиц, который возможно решать только после предъявления обвинения, даже когда очевидным выгодоприобретателем является сама компания. Совокупность этих негативных факторов возможно решить путем введения цифровизации уголовного судопроизводства, что ускорит процесс предварительного и судебного следствия. Также требуются дополнительная регламентация процесса наложения ареста, в том числе на имущество третьих лиц, а также введение уголовной ответственности юридических лиц.

Кроме того, представляется важным вопрос стимулирования возмещения ущерба на стадиях до вынесения приговора. Это возможно, если мы говорим о преступлениях в сфере экономики, совершенных субъектами предпринимательской деятельности, путем выделения специальных составов, которые будут определены в качестве предпринимательских и включены в перечень составов, перечисленных в ст. 28.1 УПК РФ и ст. 76.1 УК РФ, где возмещение ущерба и уплата штрафа будут являться основанием для прекращения уголовного преследования или освобождения от уголовного наказания в зависимости от стадии, на которой происходит уплата.

Есть основания полагать, что все перечисленное в совокупности будет способствовать значительному увеличению возмещенного материального ущерба, причиненного преступлениями в сфере экономики, при одновременном снижении количества таких преступлений в случае должного внимания к вопросу повышения правовой грамотности. Результаты в свою очередь будут оказывать значимое благоприятное воздействие на деловой климат и экономику в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Авдеева Е. В. Индикаторы и проблемы разграничения гражданско-правового спора и преступного нарушения договорных обязательств // Юридическая наука. 2023. № 4. С. 200–205.
2. Смирнова Е. В. Проблемы возмещения вреда, причиненного преступлением, в уголовном судопроизводстве России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 4 (31). С. 125–132.
3. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2022 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677/> (дата обращения: 10.09.2023).

4. МВД: ущерб от экономических преступлений достиг в 2021 году 642 млрд рублей. URL: <https://www.vesti.ru/finance/article/2670213> (дата обращения: 10.09.20223).
5. Кто в лес, кто по дрова: определяем ущерб от экономических преступлений. URL: <https://pravo.ru/story/245132/> (дата обращения: 10.09.20223).
6. Авдеева Е. В. Повышение правовой грамотности субъектов предпринимательской деятельности как фактор экономической безопасности // Актуальные проблемы науки и образования в условиях современных вызовов : сб. материалов XX Междунар. науч.-практ. конф. М., 2023. С. 408–415.
7. Волынская О. В., Федоров М. И. Особенности применения ст. 115 УПК РФ // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4. С. 20–26.
8. Авдеева Е. В. Организация защиты прав субъектов предпринимательской деятельности в ходе расследования преступлений : моногр. М., 2023. С. 228.
9. Расследование хищений чужого имущества : учеб. пособие / под ред. А. П. Резвана, М. В. Субботиной. Волгоград, 2001. 104 с.
10. По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В. А. Шевченко и М. П. Эйдлена : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21.10.2014 № 25-П. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158679/ (дата обращения: 10.09.20223).
11. Кузнецова Н. Ф. Цели и механизмы реформы Уголовного кодекса // Государство и право. 1992. № 6. С. 78–86.
12. Федоров А. В. О возможности и целесообразности введения уголовной ответственности юридических лиц за коррупционные преступления // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2014. № 5 (43). С. 3–10.
13. Кажамкулов М. Цифровизация: прозрачно и эффективно // Казахстанская правда. 2017. 6 марта. URL: <https://kazpravda.kz/n/tsifrovizatsiya-prozrachno-i-effektivno/> (дата обращения: 10.09.20223).
14. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Григорьева Александра Евгеньевича на нарушение его конституционных прав статьями 1064–1101 главы 59 Гражданского кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27.12.2022 № 3330-О. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27122022-n-3330-o/> (дата обращения: 10.09.20223).
15. О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 23 от 13.10.2020. URL: <https://www.vsrif.ru/files/29299/> (дата обращения: 10.09.20223).

REFERENCES

1. Avdeeva E.V. Indicators and problems of differentiation of civil dispute and criminal non-compliance of contractual obligations. *Yuridicheskaya nauka = Legal Science*, 2023, no. 4, pp. 200–205. (In Russ.).
2. Smirnova E.V. Problems of compensation for harm caused by crime in criminal proceedings in Russia. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii = Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry's Digest*, 2014, no. 4 (31), pp. 125–132. (In Russ.).
3. *Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar'–dekabr' 2022 goda* [The state of crime in Russia in January–December 2022]. Available at: <https://mvd.rf/reports/item/35396677/> (accessed September 10, 2023).
4. *MVD: ushcherb ot ekonomicheskikh prestuplenii dostig v 2021 godu 642 mlrd rublei* [The Ministry of Internal Affairs: the damage from economic crimes reached 642 billion rubles in 2021]. Available at: <https://www.vesti.ru/finance/article/2670213> (accessed September 10, 2023).

5. *Kto v les, kto po drova: opredelyaem ushcherb ot ekonomicheskikh prestuplenii* [At cross purposes: we determine the damage from economic crimes]. Available at: <https://pravo.ru/story/245132/> (accessed September 10, 2023).
6. Avdeeva E.V. Improving the legal literacy of subjects of entrepreneurial activity as a factor of economic security. In: *Aktual'nye problemy nauki i obrazovaniya v usloviyakh sovremennykh vyzovov: sb. materialov XX Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Topical problems of science and education in modern conditions: collection of materials of the 20th International scientific and practical conference]. Moscow, 2023. Pp. 408–415. (In Russ.).
7. Volynskaya O.V., Fedorov M.I. Features application of Article 115 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2016, no. 4, pp. 20–26. (In Russ.).
8. Avdeeva E.V. *Organizatsiya zashchity prav sub"ektov predprinimatel'skoi deyatel'nosti v khode rassledovaniya prestuplenii: monogr.* [Organization of protection of the rights of subjects of entrepreneurial activity during the investigation of crimes: monograph]. Moscow, 2023. P. 228. (In Russ.).
9. *Rassledovanie khishchenii chuzhogo imushchestva: ucheb. posobie* [Investigation of theft of other people's property: study guide]. Ed. by Rezvan A.P., Subbotina M.B. Volgograd, 2001. 104 p.
10. *Po delu o proverke konstitutsionnosti polozhenii chastei tret'ei i devyatoi stat'i 115 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii v svyazi s zhalobami obshchestva s ogranichennoi otvetstvennost'yu "Aurora maloetazhnoe stroitel'stvo" i grazhdan V.A. Shevchenko i M.P. Eidlena: postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 21.10.2014 № 25-P* [In case of checking constitutionality of the provisions of parts 3 and 9 of Article 115 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation in connection with the complaints of the limited Liability Company "Aurora Low-Rise Construction" and citizens V.A. Shevchenko and M.P. Eidlen: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 25-P of October 21, 2014]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158679/ (accessed September 10, 2023).
11. Kuznetsova N.F. Goals and mechanisms of the Criminal Code reform. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 1992, no. 6, pp. 78–86. (In Russ.).
12. Fedorov A.V. On the possibility and advisability of introducing criminal liability of legal persons for corruption offenses. *Vestnik Akademii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*, 2014, no. 5 (43), pp. 3–10. (In Russ.).
13. Kazhamkulov M. Digitalization: transparently and effectively. *Kazakhstanskaya Pravda = Kazakhstan Truth*, 2017, March 6. Available at: <https://kazpravda.kz/n/tsifrovizatsiya-prozrachno-i-effektivno/> (accessed September 10, 2023).
14. *Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Grigor'eva Aleksandra Evgen'evicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav stat'yami 1064 – 1101 glavy 59 Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: opredelenie Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 27.12.2022 № 3330-O* [On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Aleksandr E. Grigor'ev for violation of his constitutional rights by Articles 1,064 – 1,101 of Chapter 59 of the Civil Code of the Russian Federation: ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 3330-O of December 27, 2022]. Available at: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27122022-n-3330-o/> (accessed September 10, 2023).
15. *O praktike rassmotreniya sudami grazhdanskogo iska po ugolovnomu delu: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii № 23 ot 13.10.2020* [On the practice of consideration by courts of a civil claim in a criminal case: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 23 of October 13, 2020]. Available at: <https://www.vsrf.ru/files/29299/> (accessed September 10, 2023).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЕКАТЕРИНА ВАЛЕРЬЕВНА АВДЕЕВА – кандидат юридических наук, доцент кафедры публичного права Государственного академического университета гуманитарных наук, Москва, Россия, доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, руководитель Экспертного центра по уголовно-правовой политике и исполнению судебных актов Общероссийской общественной организации «Деловая Россия», Москва, Россия, pravo@deloros.ru

EKATERINA V. AVDEEVA – Candidate of Sciences (Law), associate professor at the Department of Public Law of the State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia, associate professor at the Department of Legal Support of Market Economics at the Institute of Public Administration and Civil Service of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, Head of the Expert Center on Criminal Law Policy and Enforcement of Judicial Acts of the All-Russian Public Organization “Business Russia”, Moscow, Russia, pravo@deloros.ru

Статья поступила 14.11.2023

Научная статья

УДК 343.845

doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.011

К вопросу о замене наказания более мягким видом наказания в отношении осужденных к пожизненному лишению свободы

МИКАЭЛ РАФАЭЛЕВИЧ БАЛАСАНОВ

Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия, balasanovmikael@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6251-765X>

Аннотация. В статье исследуется проблема эффективности существующего механизма поощрительного воздействия на осужденных к пожизненному лишению свободы на основе правоприменительной практики Конституционного Суда Российской Федерации, статистических данных, позиций ученых в рассматриваемой области. Решение проблемы видится во внедрении комплексной многоступенчатой системы социальной адаптации осужденных к пожизненному лишению свободы, расширении сферы применения института замены неотбытой части наказания более мягким видом. Сделаны выводы о важности указанного института, целесообразности оптимизации для рассматриваемой категории осужденных механизма, обеспечивающего последовательный и постепенный процесс их ресоциализации, основанного на поэтапном изменении вида исправительного учреждения, а уже после – замене наказания в виде пожизненного лишения свободы на более мягкое наказание в виде принудительных работ на определенный срок.

Ключевые слова: замена наказания; условно-досрочное освобождение; пожизненное лишение свободы; ресоциализация; поощрение.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Баласанов М. Р. К вопросу о замене наказания более мягким видом наказания в отношении осужденных к пожизненному лишению свободы // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 4 (24). С. 102–110. doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.011.

Original article

On the Issue of Replacing the Penalty with a More Lenient Type of Punishment in relation to Those Sentenced to Life Imprisonment

MIKAEL R. BALASANOV

Russian State University of Justice, Moscow, Russia, balasanovmikael@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6251-765X>

Abstract. The article considers effectiveness of encouragement measures in relation to those sentenced to life imprisonment based on the law enforcement practice of the Constitutional Court of the Russian Federation, statistical data, and scientists' points of view in the field under consideration. The solution to the problem is seen in the introduction of a comprehensive multi-stage system of social adaptation of convicts to life imprisonment, expanding the scope of application of the institution of replacing the unserved part of the penalty with a milder type of punishment. The author draws conclusions about the importance of this institution, the expediency of optimizing a mechanism that ensures a consistent and gradual process of re-socialization in relation to the category of convicts under consideration, based on a gradual change in the type of correctional institution, and finally the replacement of punishment in the form of life imprisonment with a more lenient punishment in the form of forced labor for a certain period.

Key words: replacement of punishment; parole; life imprisonment; re-socialization; encouragement.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Balasanov M.R. On the issue of replacing the penalty with a more lenient type of punishment in relation to those sentenced to life imprisonment. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 4 (24), pp. 102–110. doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.011.

Наряду с восстановлением социальной справедливости и предупреждением совершения новых преступлений в качестве целей наказания действующий УК РФ провозглашает исправление осужденных, под которым подразумевается «формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения». Следовательно, исправление осужденного состоит в позитивном изменении личностных качеств и поведенческих установок. Однако для эффективного прохождения подобных процессов необходимы не только внутренние, но и внешние факторы, которые выступали бы в роли детерминантов мотивации правопослушного поведения. К числу таковых относится институт замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания (далее – замена наказания), распространяемый на сегодняшний день на лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы на определенный срок, принудительных работ или содержания в дисциплинарной воинской части.

Поощрение правопослушного поведения осужденных посредством замены наказания представляет собой значимый механизм изменения положения таких лиц в их правоотношениях с государством в благоприятную сторону. Во-первых, оно направлено на достижение максимальной эффективности карательно-исправительного воздействия на преступника. Во-вторых, является практическим выражением принципов гуманизма и экономии уголовной репрессии. В-третьих, обеспечивает индивидуализацию исполнения наказания. В-четвертых, выражает одобрение со стороны государственной системы относительно поведения осужденного и оказывает на него стимулирующее воздействие. В-пятых, возможность смягчения наказания является одним из важнейших жизненных интересов [1] осужденных. В-шестых, замена наказания еще более актуализируется в условиях определения гуманизации как одного из главных направлений совершенствования уголовного

законодательства и практики его применения в области назначения, исполнения наказаний [2].

Указанный перечень неисчерпывающий, однако, по нашему мнению, приведенные признаки в достаточной мере обосновывают утверждение о важности института замены наказания и обуславливают повышенное внимание как к нему в целом, так и к связанным с ним актуальным вопросам в частности. Одним из таковых является вопрос замены наказания в отношении лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы, который и выступает предметом исследования в настоящей статье.

В условиях российской правовой действительности пожизненное лишение свободы находится на верхней ступени системы наказаний по степени своей строгости и карательной составляющей. Учитывая, что данная мера назначается за особо опасные преступления против здоровья, жизни, общества и государства, отбывание данного вида наказания строится на принципах строгой изоляции от общества, количественной неопределенности срока наказания, неизменности одного вида исправительного учреждения.

В соответствии со статистическими данными Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за последние 15 лет в среднем к пожизненному лишению свободы ежегодно приговаривается 69 чел. [3]. Это свидетельствует о ежегодном увеличении количества осужденных рассматриваемой группы, что в свою очередь повышает интерес к вопросам, связанным с исполнением назначенного им наказания, в том числе их позитивного стимулирования.

Согласно ч. 5 ст. 79 УК РФ лицо, отбывающее пожизненное лишение свободы, может претендовать на условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (УДО), если: 1) суд признает, что осужденный не нуждается в дальнейшем отбывании наказания; 2) фактически отбытой срок наказания составляет не менее 25 лет; 3) за предшествующие три года лицо не совершало злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания; 4) в период отбывания наказания осужденный не совершал нового тяжкого или особо тяжкого преступления. Однако до настоящего времени судебная практика современной России не знает случаев УДО осужденных к пожизненному лишению свободы.

В теории уголовного и уголовно-исполнительного права проблеме применения поощрительных институтов в отношении лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы, отводится особое место. Например, некоторые правоведы придерживаются позиции, что у данной категории осужденных имеется серьезный стимул для правопослушного поведения в виде УДО [4, с. 124]. Другая группа ученых считает, что «не следует обольщаться относительно реальной значимости» [5, с. 130] этого поощрительного института для осужденных к пожизненному лишению свободы. Иные авторы полагают целесообразным снизить установленный срок фактически отбытого наказания с 25 до 20 лет [6, с. 9; 7, с. 9–10]. Р. А. Дьяченко считает необходимым отменить запреты на перевод в колонию-поселение осужденных, в отношении которых допускается применение УДО [8, с. 17]. С. Л. Бабаян придерживается схожей позиции, предлагая оптимизировать механизм УДО в отношении лиц, которым назначено пожизненное лишение свободы, посредством возможности первоначального поэтапного изменения вида исправительного учреждения [9,

с. 352]. Е. Н. Казакова также высказывается в пользу последовательного снижения степени изоляции данной категории осужденных в качестве подготовки к освобождению [10, с. 49].

Мы разделяем точку зрения представителей научного сообщества, утверждающих о необходимости реализации в отношении лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы, прогрессивной системы исполнения наказаний, основывающейся на принципах последовательности и постепенности применения поощрительных и стимулирующих институтов. Без иных средств снижения уровня уголовной репрессии институт УДО применительно к рассматриваемой категории осужденных видится безрезультатным. Осужденные к пожизненному лишению свободы находятся в условиях строгой изоляции от социума, длительное нахождение в такой обстановке приводит к деформации личности, ослаблению социально полезных связей, отрешенности от жизни в обществе, тогда как для применения УДО предполагается достаточная степень ресоциализации. В результате лицо не отрекается от криминальной субкультуры, а более в нее интегрируется.

Так, А. А. Арямов пишет: «Длительные сроки отбывания наказания в связи с гибкостью и самозащищенностью человеческой психики создают феномен вживания субъекта в среду наказания; наказанный перестает воспринимать государственное принуждение как кару за причиненное им зло, а воспринимает его как новую агрессивную среду, в которой необходимо выжить и к которой необходимо приспособиться» [11, с. 38]. При таких обстоятельствах возможность УДО для указанной категории осужденных видится настолько призрачной, что вряд ли представляется говорить о ней серьезно. Тем самым пожизненное лишение свободы трансформируется из наказания, преследующего конкретные цели, в растянутую во времени смертную казнь, поскольку оказывает не карательно-исправительное, а сугубо карательное воздействие.

Вместе с тем считаем уместным отметить, что, учитывая исключительную опасность отдельных лиц и тяжесть совершенных ими преступлений, мы полагаем допустимым дифференциацию осужденных к пожизненному лишению свободы на имеющих и не имеющих возможность УДО. Идея о целесообразности данной модели регулирования уже ранее высказывалась в уголовно-правовой доктрине [12, с. 121].

Тем не менее, по нашему мнению, ступени лестницы ресоциализации должны быть примерно одинаковы по высоте, иначе ставится под сомнение прикладное значение такой меры. «Осужденный к пожизненному лишению свободы, – пишет К. А. Сыч – должен иметь ближнюю и дальнюю социальные перспективы, а также возможность изменять свое правовое положение в зависимости от его поведения и отношения к наказанию» [13, с. 35]. Институт УДО является решительным средством, заключающим в себе большой поощрительный заряд, поскольку предполагает замену неотбытой части наказания мерами уголовно-правового воздействия. Выход на свободу осужденного к пожизненному лишению свободы после в лучшем случае четверти века нахождения в заключении является серьезным испытанием. Необходимо место жительства, остро стоит вопрос трудоустройства, следует адаптироваться к современным реалиям человеческого общежития, которые за 25 лет, бесспорно, подвержены существенным изменениям. Если лицо не готово к такой

интеграции, то оно становится чужеродным элементом в общественной системе, для которого нахождение на свободе вызывает еще больше трудностей, нежели содержание в пенитенциарных учреждениях.

В этой связи полагаем целесообразным предусмотреть для осужденных к пожизненному лишению свободы механизм, обеспечивающий последовательную и постепенную ресоциализацию при соответствующем поведении таких лиц. Оптимальным вариантом решения этой проблемы видится внедрение комплексной многоступенчатой системы социальной адаптации. Так, предполагается, что осужденный, отбывающий пожизненное лишение свободы, первоначально переведенный в облегченные условия отбывания наказания, по истечении, например, пяти лет при правопослушном поведении и отсутствии взысканий за нарушения установленного порядка отбывания наказания получает возможность перевода из исправительной колонии особого режима в колонию строгого режима. После определенного периода пребывания в облегченных условиях исправительной колонии строгого режима при наличии аналогичных оснований предлагается перевод такого лица в колонию-поселение. После этого у лица возникает законный интерес на замену наказания в виде пожизненного лишения свободы более мягким наказанием в виде принудительных работ на определенный срок. Предложенный вариант не только строится на постепенном снижении степени изоляции, режимных ограничений, но и является собой стимул правопослушного поведения, поскольку дает объективную перспективу для возвращения в общество.

В научной литературе ранее уже высказывались мнения о распространении сферы применения замены наказания на осужденных к пожизненному лишению свободы. Например, О. В. Конкина предлагает дополнить ст. 80 УК РФ, регламентирующую указанный институт, следующим положением: «Лицу, отбывающему пожизненное лишение свободы, суд при условии положительно характеризующегося поведением и фактическом отбытии не менее двадцати лет лишения свободы может заменить указанное наказание ограничением свободы в пределах, предусмотренных настоящим Кодексом для данного вида наказания» [14, с. 185]. И. А. Ефремова также допускает применение замены наказания в отношении лиц, которые отбывают пожизненное лишение свободы [15, с. 291].

В качестве более мягкого наказания, определяемого осужденным к пожизненному лишению свободы в порядке применения ст. 80 УК РФ, нам представляется верным избрание именно принудительных работ. Во-первых, принудительные работы выступают в роли переходного звена между наказаниями, связанными с изоляцией от общества, и наказаниями, которые с ней не связаны. Во-вторых, лица, отбывающие наказание в виде принудительных работ, обязательно привлекаются к труду, что предполагает их трудовую адаптацию.

Рассуждая в контексте возможности направления в колонию-поселение положительно характеризующихся осужденных к пожизненному лишению свободы после 25 лет отбытия наказания, О. А. Алфимова делает справедливое замечание, что следует учитывать возраст лиц, претендующих на данную возможность, поскольку, вероятнее всего, такие осужденные будут относиться к категории пожилых [16, с. 34]. Поставленный вопрос заслуживает внимания и при допущении применения

более мягкого наказания в виде принудительных работ в порядке замены наказания ввиду того, что они не назначаются мужчинам, достигшим шестидесяти лет.

В этом отношении интерес представляет Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24.02.2022 № 8-П «По делу о проверке конституционности части седьмой статьи 53.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. Н. Егорова». Так, высший судебный орган конституционного контроля в резолютивной части постановил: «осужденному мужчине, достигшему шестидесятилетнего возраста, не может быть отказано в замене неотбытой части наказания в виде лишения свободы принудительными работами только лишь на основании указанного возраста, если он отвечает всем иным необходимым для замены наказания нормативным условиям и отсутствует возможность применить в рамках действующего правового регулирования иные способы смягчения наказания, а состояние его здоровья, в том числе с учетом перспектив его динамики на срок возможного отбывания данного вида наказания, позволяет выполнять трудовую функцию при привлечении к принудительным работам» [1]. Таким образом, еще больше подчеркивается обоснованность применения к рассматриваемой категории осужденных в порядке замены наказания именно принудительных работ, а утверждение о препятствии в виде пожилого возраста таких лиц не представляется актуальным.

На основании проведенного исследования в заключение полагаем необходимым сформулировать следующие выводы:

1. Замена наказания более мягким видом наказания – значимый межотраслевой поощрительный и стимулирующий институт, являющийся важным элементом прогрессивной системы исполнения наказаний, построенной на принципах последовательности и постепенности снижения уровня уголовной репрессии.

2. Для успешной реинтеграции в общество лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы, и достижения в отношении данной категории целей наказания наличие поощрительного и стимулирующего института УДО представляется недостаточным. Указанные осужденные находятся в условиях строгой изоляции от социума, длительное нахождение в такой обстановке приводит к деформации личности, ослаблению социально полезных связей, отрешенности от жизни в обществе, тогда как для применения УДО предполагается достаточная степень ресоциализации, из-за чего данный институт не реализуется практически. Видится целесообразным предусмотреть для осужденных к пожизненному лишению свободы механизм, обеспечивающий последовательный и постепенный процесс ресоциализации.

3. Полагаем, что оптимальным вариантом решения проблемы ресоциализации осужденных к пожизненному лишению свободы было бы внедрение комплексной многоступенчатой системы социальной адаптации, направленной на поэтапное снижение степени изоляции от общества, режимных ограничений. Указанная система предполагает после последовательного и постепенного изменения вида исправительного учреждения возникновение у осужденных возможности замены наказания в виде пожизненного лишения свободы более мягким наказанием в виде принудительных работ на определенный срок, расширяя тем самым сферу применения рассматриваемой замены наказания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. По делу о проверке конституционности части седьмой статьи 53.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. Н. Егорова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24.02.2022 № 8-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 10. Ст. 1595.
2. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400639567/> (дата обращения: 02.03.2023).
3. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2007–2021 годы // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 02.03.2023).
4. Черненко Т. Г., Масалитина И. В. Некоторые проблемные вопросы замены уголовного наказания более мягким видом наказания // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 32. С. 122–132.
5. Уткин В. А., Детков А. П. Пожизненное лишение свободы : учеб. пособие. Томск, 1997. 136 с.
6. Агаев Г. А. Основания и правовые условия условно-досрочного освобождения осужденных к лишению свободы по действующему уголовному законодательству России // Уголовная политика, уголовное законодательство: правоприменительная практика : сб. науч. ст. СПб., 2016. С. 5–10.
7. Горбач Д. В. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания в виде пожизненного лишения свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2012. 24 с.
8. Дьяченко Р. А. Условно-досрочное освобождение и замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 1999. 23 с.
9. Бабаян С. Л. Пути совершенствования поощрительного воздействия на осужденных к пожизненному лишению свободы // Penal law. 2019. Т. 14, № 4. С. 349–353.
10. Казакова Е. Н. Условно-досрочное освобождение от отбывания пожизненного лишения свободы: проблемы и пути их решения // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 3 (8). С. 40–49.
11. Арямов А. А. Общетеоретические основы учения об уголовном наказании : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004. 288 с.
12. Международные стандарты обращения с заключенными при исполнении уголовных наказаний : моногр. / Н. Н. Кирилловская, Н. А. Антонова, И. В. Брызгалова [и др.]. Вологда, 2020. 186 с.
13. Сыч К. А. Перспективная мотивация осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы, как элемент прогрессивной системы исполнения наказаний // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2012. № 7 (122). С. 31–36.
14. Конкина О. В. Замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2000. 229 с.
15. Ефремова И. А. Институт освобождения от наказания в теории уголовного права, законодательной и судебной практике : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2018. 504 с.
16. Алфимова О. А. Условно-досрочное освобождение осужденных к пожизненному лишению свободы: социально-правовые и нравственные вопросы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2013. № 1 (128). С. 31–35.

REFERENCES

1. In the case of checking the constitutionality of part seven of Article 53.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen V.N. Egorov:

- resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 02/24/2022 No. 8-P. In: *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2022. No. 10. Art. 1,595. (In Russ.).
2. *Kontseptsiya razvitiya ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda: rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 29.04.2021 № 1138-r* [Concept for the Development of the Penal System of the Russian Federation for the Period up to 2030: Decree of the Government of the Russian Federation of April 29, 2021 No. 1138-r]. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400639567/> (In Russ.). (Accessed March 2, 2023).
 3. Summary statistical data on the activities of federal courts of general jurisdiction and justices of the peace for 2007–2021. In: *Sudebnyi departament pri Verkhovnom Sude Rossiiskoi Federatsii: ofits. sait* [Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation: official website]. Available at: <http://www.cdep.ru/?id=79> (In Russ.). (Accessed March 2, 2023).
 4. Chernenko T.G., Masalitina I.V. Some problematic issues of replacing criminal penalty by a milder type of punishment. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Tomsk State University Journal of Law*, 2019, no. 32, pp. 122–132. (In Russ.).
 5. Utkin V.A., Detkov A.P. *Pozhiznennoe lishenie svobody: ucheb. posobie* [Life imprisonment: textbook]. Tomsk, 1997. 136 p.
 6. Agaev G.A. The grounds and legal conditions for the conditional early release of those sentenced to imprisonment under the current criminal legislation of Russia. In: *Ugolovnaya politika, ugolovnoe zakonodatel'stvo: pravoprimeritel'naya praktika: sb. nauch. st.* [Criminal policy, criminal legislation: law enforcement practice: collection of scientific articles]. Saint Petersburg, 2016. Pp. 5–10. (In Russ.).
 7. Gorbach D.V. *Uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie ot otbyvaniya nakazaniya v vide pozhiznennogo lisheniya svobody: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Conditional early release from lifelong imprisonment: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Ryazan, 2012. 24 p.
 8. D'yachenko R.A. *Uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie i zamena neotbytoi chasti nakazaniya bolee myagkim vidom nakazaniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Conditional early release from serving a sentence of life deprivation of liberty: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Krasnodar, 1999. 23 p.
 9. Babayan S.L. Ways to improve the incentive impact on convicts sentenced to life imprisonment. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo = Penal Law*, 2019, vol. 14, no. 4, pp. 349–353. (In Russ.).
 10. Kazakova E.N. Conditional early release from serving life imprisonment: problems and solutions. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Vladimir Law Institute*, 2008, no. 3 (8), pp. 40–49. (In Russ.).
 11. Aryamov A.A. *Obshcheteoreticheskie osnovy ucheniya ob ugolovnom nakazanii: dis. ... d-ra yurid. nauk* [General theoretical foundations of the doctrine of criminal punishment: Doctor of Sciences (Law)]. Saint Petersburg, 2004. 288 p.
 12. Kirillovskaya N.N., Antonova N.A., Bryzgalova I.V. et al. *Mezhdunarodnye standarty obrashcheniya s zaklyuchennymi pri ispolnenii ugolovnykh nakazanii: monogr.* [International standards for the treatment of prisoners in the execution of criminal penalties: monograph]. Vologda, 2020. 186 p.
 13. Sych K.A. Perspective motivation of convicts serving life imprisonment as an element of a progressive system of execution of punishments. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy = Bulletin of the Penal System*, 2012, no. 7 (122), pp. 31–36. (in Russ.).
 14. Konkina O.V. *Zamena neotbytoi chasti nakazaniya bolee myagkim vidom nakazaniya: dis. ... kand. yurid. nauk* [Replacement of the unserved part of the penalty with a milder type of punishment: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Ryazan, 2000. 229 p.
 15. Efremova I.A. *Institut osvobozhdeniya ot nakazaniya v teorii ugolovnogo prava, zakonodatel'noi i sudebnoi praktike: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Institute of release from pun-

ishment in the theory of criminal law, legislative and judicial practice: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Saratov, 2018. 504 p.

16. Alfimova O.A. Conditional early release of persons sentenced to life imprisonment: socio-legal and moral issues. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy = Bulletin of the Penal System*, 2013, no. 1 (128), pp. 31–35. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

МИКАЭЛ РАФАЭЛЕВИЧ БАЛАСАНОВ – **MIKAEL R. BALASANOV** – Postgraduate Student at the Department of Criminal Law of the Russian State University of Justice, Moscow, Russia, balasanovmikael@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6251-765X>

Статья поступила 07.03.2023

Научная статья

УДК 343.148.6

doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.012

Установление факта запуска программного обеспечения в операционной системе Windows при помощи криминалистического анализа Prefetch-файлов

АРТЕМ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ БЕЛЕЙ

Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия, a.beley@facct.ru

Аннотация. В статье рассматривается актуальность исследования файлов трассировки, в частности Prefetch-файлов, в рамках содействия расследованию преступлений в условиях цифровой трансформации. Поднимается проблема необходимости введения обязательной инструкции к анализу Prefetch-файлов с учетом специфики работы с электронными носителями информации. Объясняется значимость таких файлов как источника криминалистически значимой информации при условии использования специализированного программного обеспечения для его исследования. Рассмотрена методика использования программного обеспечения при проведении экспертизы.

Ключевые слова: файл трассировки; Prefetch-файл; цифровая криминалистика; «РЕСmd»; парсер; временные метки; факт запуска; программное обеспечение; криминалистическое исследование жесткого диска; судебная компьютерно-техническая экспертиза.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Белей А. В. Установление факта запуска программного обеспечения в операционной системе Windows при помощи криминалистического анализа Prefetch-файлов // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права.* 2023. № 4 (24). С. 111–121. doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.012.

Original article

Establishing the Fact of the Software Start in the Windows Operating System with the Help of Forensic Analysis of Prefetch files

ARTEM V. BELEY

Russian State University of Justice, Moscow, Russia, a.beley@facct.ru

Abstract. The article discusses the relevance of the study of trace files, in particular Prefetch files, in the framework of assisting the investigation of crimes in

the context of digital transformation. The problem of the need to introduce mandatory instructions for analyzing Prefetch files, taking into account the specifics of working with electronic media, is raised. The relevance and importance of such files as a source of criminally significant information is explained, provided that specialized software is used for its research. The methodology of using software in conducting expert research is considered.

Key words: trace file; Prefetch file; digital forensics; “PECmd”; parser; timestamps; launch fact; software; forensic examination of the hard disk; forensic computer technical expertise.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Belei A.V. Establishing the fact of the software start in the Windows operating system with the help of forensic analysis of Prefetch files. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 4 (24), pp. 111–121. doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.012.

Постоянное развитие и активное распространение коммуникационных систем, информатизация и автоматизация различных общественных процессов и активное внедрение Интернета вещей (IoT) уже давно стали неотъемлемым атрибутом существования нашего государства и общества. Однако стремительное совершенствование в данной области формирует необходимую среду для роста преступности, основной вектор которой представляет собой финансово мотивированные противоправные действия в отношении физических и юридических лиц и приводит к существенному материальному ущербу. В современных условиях многие геополитические конфликты и разногласия влекут за собой повышенный фон активной киберпреступной и диверсионной деятельности, направленной на объекты критической инфраструктуры и отдельных лиц. Действия, осуществляемые злоумышленниками в ходе совершения противоправных действий в отношении таких систем, находят в них или на отдельных электронных носителях информации свое отражение в качестве электронно-цифровых следов.

В условиях цифровой трансформации существенная часть преступлений совершается с применением IT-технологий. Так, за январь–июль 2023 г. киберпреступлений зарегистрировано на 27,9 % больше, чем за семь месяцев прошлого года. Подобная динамика сохраняется и в настоящее время [1].

Стоит отметить, что часто и классические преступления, которые напрямую не связаны с киберпреступностью, совершаются с косвенным и прямым применением компьютеров, смартфонов, планшетов, умных часов и иных высокотехнологичных устройств. Такие устройства нередко становятся объектами исследования в рамках расследования преступлений и в частности объектами судебной компьютерно-технической экспертизы (СКТЭ).

Киберпреступники все чаще используют более сложные техники и тактики для сокрытия следов преступных деяний. Поэтому данный факт напрямую влияет на показатели раскрываемости преступлений с применением IT-технологий, а также на количество времени, которое требуется субъекту, обладающему специальными знаниями, для осуществления содействия расследованию, эксперту при подготовке его заключения или сотруднику оперативно-технического подразделения при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ).

Существует огромное количество случаев, когда в операционной системе (ОС) компьютера может остаться криминалистически значимая информация в виде электронно-цифровых следов. Учитывая, что основная масса таких преступлений совершается с применением злоумышленниками вредоносного программного обеспечения (ВПО) или соотносится с запуском приложения или программы для открытия электронных документов на личных устройствах, то одной из самых распространенных задач, с которыми в рамках своей работы может столкнуться эксперт СКТЭ или сотрудник оперативного подразделения, остается определение факта запуска программного обеспечения (ПО). При этом стоит помнить, что необходимость установления данного факта не соотносится только со ст. 273 УК РФ. Такая информация (например, наличие определенного электронного документа в файловой системе (ФС), осуществление интернет-сессии при помощи приложения с определенного устройства в определенное время, точное время и дата запуска и т. д.) может как напрямую отвечать на поставленный перед субъектом исследования вопрос о запуске той или иной программы на персональном компьютере, так и позволить в некоторых случаях осуществить атрибуцию преступной группировки, а также косвенно повлиять на поиск необходимой информации для ответа на иные вопросы в рамках расследования классических видов преступлений. Помимо этого, в ходе исследования фактов, которые необходимы для подтверждения запуска, может быть обнаружена и другая значимая информация, которая способна оказать влияние на ход дела. Таким образом, практическая применимость исследования факта запуска ПО касается не только преступлений в сфере компьютерной информации, но и любых других, где может фигурировать электронный носитель информации с установленной ОС как объект исследования.

В условиях недостаточности практических научных разработок и методических рекомендаций в области электронно-цифровых следов и компьютерной криминалистики многим специалистам бывает затруднительно работать с тем или иным объектом исследования или в некоторых случаях использовать альтернативные источники криминалистически значимой информации. Последнее зависит от обилия дистрибутивов ОС, а также от их постоянного обновления, программных и конструктивных (в случае электронных носителей информации) особенностей. Кроме того, данный факт влияет и на процесс получения академических знаний студентами, проходящими программы подготовки по соответствующим специальностям.

В настоящее время 69,26 % пользователей персональных компьютеров пользуются ОС «Windows» [2]. Исходя из этой информации, можно сделать вывод, что на практике субъект исследования чаще всего может столкнуться именно с этой ОС, что в свою очередь свидетельствует о том, что в ходе проведения исследования ему понадобятся знания и навыки работы с электронно-цифровыми следами именно на этой системе. Соответственно, для решения наиболее распространенной задачи по определению факта запуска ПО субъекту исследования придется проводить анализ артефактов запуска. ОС «Windows» отличается тем, что в ней существует ряд дублирующих друг друга по информации артефактов, однако для определения факта запуска ПО одним из самых надежных источников является Prefetch-файл.

Учитывая указанные выше факты, определяющие актуальность данной статьи, а также отсутствие научной криминалистической информации в широком доступе,

для повышения эффективности работы оперативных подразделений правоохранительных органов и экспертов СКТЭ, а также для формирования научно-практической и теоретической базы для обучающихся по соответствующим специальностям предлагается сформировать методические рекомендации по работе с Prefetch-файлами с теоретической информацией и полным описанием процесса исследования.

ОС «Windows» создает Prefetch-файлы при первом запуске приложения из каталога, которые в дальнейшем используются для ускорения загрузки приложения. Prefetch-файлы хранятся в каталоге %SystemRoot%\Prefetch. Однако существуют и альтернативные источники. Ими могут служить теневые копии виртуальных машин «.vss», если нет возможности примонтировать виртуальную машину, или дампы оперативной памяти, из которых также можно получить Prefetch-файлы при помощи специализированного ПО, например «Volatility Framework» [3]. Данные файлы появились впервые в ОС «Windows XP» и присутствуют в последующих версиях. Изначально в ОС «Windows XP», «Windows Vista», «Windows 7» максимальное количество Prefetch-файлов составляло 128. Позже, начиная с ОС «Windows 8» их число было увеличено до 1024. Исходя из этого, можно отметить, что даже если система не переустанавливалась, то при активном использовании разных приложений не представляется возможным получить информацию обо всех когда-либо установленных приложениях. Это объясняется тем, что как только лимит Prefetch-файлов превышает, самый старый из них удаляется и освобождает место новому. Таким образом, само наличие Prefetch-файлов уже говорит о факте запуска ПО.

Принцип работы Prefetch-файла объясняет его ценность для эксперта СКТЭ. Его суть состоит в том, что данный файл осуществляет мониторинг в первые 10 секунд работы программы и записывает данные о времени последнего запуска, подключаемых библиотеках, файлах и каталогах. 10 секунд – это максимальное значение, в случае если программа не требует большого количества ресурсов ОС при запуске, то данное число может быть и меньше. Злоумышленники также знают об этом и иногда используют один из методов сокрытия следов путем отложенного старта программы, когда она первые 10 секунд не обращается к файлам или каталогам, что снижает количество потенциально криминалистически значимой информации [4].

Стоит отметить, что Prefetch-файлы по умолчанию включены для пользовательских версий операционной системы. Для версий ОС, созданных для серверов, они изначально выключены. Исходя из этого факта, описанная ниже методика исследования таких файлов актуальна при работе с ОС «Windows XP», «Vista», «7», «8», «8.1», «10» и «11» версии, а при работе с ОС «Windows Server» следует полагаться на другие артефакты. Также стоит отметить, что в случае установки ОС «Windows» на твердотельные накопители Prefetch-файлы тоже выключены.

Prefetch-файлы в среде ОС выглядят следующим образом (рис. 1). В данном случае мы воспользовались заранее снятым образом НЖМД, примонтировали его как образ физического электронного носителя информации при помощи специализированного ПО «AccessData FTK Imager 4.1.1.1» и просмотрели каталог. В дальнейшем для иллюстрации примеров анализа будут использованы Prefetch-файлы с разных версий ОС «Windows» и НЖМД. Способ, который описан выше, соответствует одному из этапов, что должны были бы быть выполнены до анализа самих Prefetch-файлов. Это создание копии НЖМД при помощи аппаратного или программного блокиратора, создание рабочей копии, монтирование и последующее исследование.

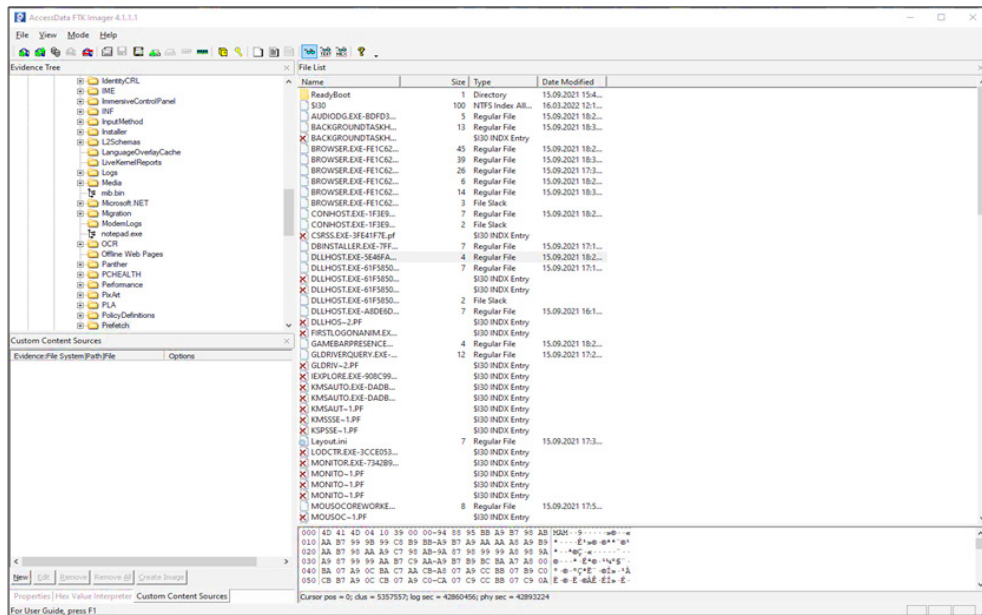

Рис. 1. Окно программы «AccessDataFTKImager 4.1.1.1» с информацией о содержимом каталога «Prefetch»

Prefetch-файлы состоят из названия приложения, соответствующего файлу, и хэш-суммы, которая создается из полного пути и имени приложения. Иногда, как например в случае с «svchost», в хэш-сумме могут оказаться и параметры командной строки при запуске приложения. Процесс генерации хэш-суммы происходит следующим образом:

1. Копируется полный путь до исполняемого файла, например: «**C:\Windows\NOTEPAD.EXE**».
2. Путь конвертируется в строку Unicode.
3. Путь конвертируется в путь устройства, например: «**\DEVICE\HARDDISKVOLUMEX\WINDOWS\NOTEPAD.EXE**».
4. Применяется хэш-функция.
5. Генерируется имя Prefetch-файла, например: «**NOTEPAD.EXE-XXXXXXXXX.pf**».

Также программа «AccessData FTK Imager 4.1.1.1» позволяет нам взглянуть на содержимое файла в шестнадцатеричном виде, где рядом представлена расшифровка в кодировке ASCII или Unicode. Мы видим, что Prefetch-файл начинается с «магического числа» «MAM». Такая сигнатура характерна для сжатых Prefetch-файлов ОС «Windows 10». Если они не сжаты, то характерным будет сигнатура «SCCA», как и для Prefetch-файлов операционных систем до «Windows 10». Это тоже может быть полезно и косвенно содействовать в обнаружении уже удаленных Prefetch-файлов. «AccessData FTK Imager 4.1.1.1» дает возможность исследовать неразмеченное пространство, среди которого могут сохраняться части удаленных Prefetch-файлов. Из этого пространства можно попробовать восстановить файлы при помощи карвинга, опираясь на структуру и сигнатуры, это трудоемко и не всегда эффективно, однако следы удаления будут обнаружены. Если же будет использовано специализированное ПО для удаления файла, например «SDelete», то будет создан Prefetch-файл самого «SDelete», что будет свидетельствовать о его использовании. Своего рода это будет постоянным маркером.

Помимо очевидных причин почему нельзя исследовать данные на работающей системе и следует делать побитовую копию диска и потом начинать анализ, есть еще одна причина, касающаяся экспорта и копирования всех файлов. Если просто перенести Prefetch-файл на съемный носитель или куда-либо из каталога, то изменится временная метка создания файла, а значит, мы внесем изменения в потенциальное доказательство. Поэтому следует использовать специализированное ПО, такое как, например, «AccessData FTK Imager 4.1.1.1», и, воспользовавшись функцией экспорта файла, перенести его на рабочую станцию эксперта с сохранением всех характеристик объекта, после чего можно приступить к исследованию.

Для успешного исследования Prefetch-файлов необходимо специализированное ПО. Существует огромное количество «парсеров» – программ или сервисов, которые собирают данные из файлов или веб-ресурсов и представляют их в читаемом виде для эксперта [5]. Среди известных инструментов можно перечислить такие, как «PECmd» от Эрика Циммермана, «WinPrefetchView v1.37» от «Nirsoft», «CQPrefetchParser» от «CQTools» и «pf64» от «TZWorks». Все инструменты, кроме «WinPrefetchView v1.37» от «Nirsoft», консольные. «WinPrefetchView v1.37», который имеет GUI-интерфейс, хорошо подходит, если перед экспертом стоит задача поиска информации именно о времени последнего запуска программ или при работе с образом диска, который примонтирован как физический, чтобы можно было запустить «WinPrefetchView v1.37» как на работающем ПК. Помимо этого, данное ПО формирует все в удобную таблицу, которую можно прикрепить к заключению (рис. 2).

Filename	Created Time	Modified Time	File Size	Process EXE	Process Path	Run Counts
AUDIODG.EXE-BDFD1029.pf	15.09.2021 21:25:26	15.09.2021 21:25:26	4 645	AUDIODG.EXE	C:\Windows\System32\audiodg.exe	1
BACKGROUNDTASKHOST.EXE-A89D31B8.pf	15.09.2021 21:35:14	15.09.2021 21:35:14	12 289	BACKGROUNDTASKHOST.EXE	C:\Windows\System32\BACKGROUNDTASKHOST.EXE	1
BROWSER.EXE-FE1C62BB.pf	15.09.2021 19:25:24	15.09.2021 21:25:16	45 507	BROWSER.EXE	C:\Users\Arthel\AppData\Local\Yandex\YANDEX\BROWSER\APPLICATION\browser.exe	9
BROWSER.EXE-FE1C62BC.pf	15.09.2021 19:25:34	15.09.2021 21:25:21	39 091	BROWSER.EXE	C:\Users\Arthel\AppData\Local\Yandex\YANDEX\BROWSER\APPLICATION\browser.exe	25
BROWSER.EXE-FE1C62BD.pf	15.09.2021 19:25:34	15.09.2021 20:30:01	26 052	BROWSER.EXE	C:\Users\Arthel\AppData\Local\Yandex\YANDEX\BROWSER\APPLICATION\browser.exe	4
BROWSER.EXE-FE1C62C1.pf	15.09.2021 19:25:33	15.09.2021 21:25:16	5 217	BROWSER.EXE	C:\Users\Arthel\AppData\Local\Yandex\YANDEX\BROWSER\APPLICATION\browser.exe	8
BROWSER.EXE-FE1C62C3.pf	15.09.2021 19:25:34	15.09.2021 21:25:07	14 160	BROWSER.EXE	C:\Users\Arthel\AppData\Local\Yandex\YANDEX\BROWSER\APPLICATION\browser.exe	30
CONHOST.EXE-1F3E9D7E.pf	15.09.2021 19:21:31	15.09.2021 21:25:48	7 143	CONHOST.EXE	C:\Windows\System32\conhost.exe	20
DBINSTALLER.EXE-7FF3CC34.pf	15.09.2021 20:15:19	15.09.2021 20:15:22	6 335	DBINSTALLER.EXE	C:\WINDOWS\SYSTEM32\DRIVERSTORE\TEMP\{5C919886-CE06-CD4A-AB9F-0C43215D886A}\DBINSTALLER.EXE	2
DLLHOST.EXE-5E46FA0D.pf	15.09.2021 18:42:31	15.09.2021 21:25:21	3 709	DLLHOST.EXE	C:\Windows\System32\dllohost.exe	22
DLLHOST.EXE-61F38501.pf	15.09.2021 19:25:30	15.09.2021 20:15:29	6 967	DLLHOST.EXE	C:\Windows\System32\dllohost.exe	2
DLLHOST.EXE-AD66D91B.pf	15.09.2021 18:42:46	15.09.2021 19:16:21	6 435	DLLHOST.EXE	C:\Windows\System32\dllohost.exe	3
GAMEBARPRESENCEWRITER.EXE-B764B0F5.pf	15.09.2021 21:26:47	15.09.2021 21:26:47	3 623	GAMEBARPRESENCEWRITER.EXE	C:\Windows\System32\GAMEBARPRESENCEWRITER.EXE	1
GLDRIVERQUERY.EXE-B7D49145.pf	15.09.2021 19:31:39	15.09.2021 20:28:27	11 661	GLDRIVERQUERY.EXE	C:\PROGRAM FILES (X86)\Steam\bin\GLDRIVERQUERY.EXE	2
MOUSOCOREWORKER.EXE-681A5FEE.pf	15.09.2021 18:46:51	15.09.2021 20:50:04	7 655	MOUSOCOREWORKER.EXE	C:\Windows\System32\MOUSOCOREWORKER.EXE	7
RUNTIMEBROKER.EXE-00D3145.pf	15.09.2021 18:49:54	15.09.2021 21:37:32	22 297	RUNTIMEBROKER.EXE	C:\Windows\System32\RUNTIMEBROKER.EXE	12
RUNTIMEBROKER.EXE-94A02D66.pf	15.09.2021 19:26:58	15.09.2021 21:37:32	4 843	RUNTIMEBROKER.EXE	C:\Windows\System32\RUNTIMEBROKER.EXE	10
SEARCHPROTOCOLHOST.EXE-0CB8CADE.pf	15.09.2021 18:45:09	15.09.2021 19:20:11	3 796	SEARCHPROTOCOLHOST.EXE	C:\Windows\System32\SEARCHPROTOCOLHOST.EXE	3
SGRMBROKER.EXE-0CA31CC6.pf	15.09.2021 18:42:02	15.09.2021 20:29:37	2 774	SGRMBROKER.EXE	C:\Windows\System32\SGRMBROKER.EXE	2
SMARTSCREEN.EXE-9B5E4173.pf	15.09.2021 18:56:53	15.09.2021 21:37:46	4 463	SMARTSCREEN.EXE	C:\Windows\System32\SMARTSCREEN.EXE	4
SPOTIFY.EXE-B82161B5.pf	15.09.2021 19:28:05	15.09.2021 19:28:05	37 144	SPOTIFY.EXE	C:\Users\Arthel\AppData\Roaming\Spotify\Spotify.exe	1

Рис. 2. Фрагмент окна программы «Яндекс.Браузер», содержащий информацию о Prefetch-файлах и временных метках запуска программ

Проанализировав работу других инструментов, можно с уверенностью сказать, что «PECmd» и «pf64», в отличие от «CQPrefetchParser» [6], который работает с более старыми версиями, в полной мере подходят для глубокого анализа содержимого Prefetch-файлов, однако большей популярностью пользуется именно «PECmd». С помощью данного ПО рассмотрим основную криминалистически значимую инфор-

мацию, которую можно получить при помощи анализа Prefetch-файлов, а также методику работы с ней.

В рамках исследования был использован «WindowsPowerShell», помимо него можно работать и в командной строке, однако на результат работы это не влияет. Указываем путь к «PECmd» и запускаем его.

Если «PECmd» до этого не запускалось на данном компьютере, то потребуется принять лицензионное соглашение и начать работу. В данном выводе нам показаны параметры, при помощи которых мы можем работать с «PECmd». Вариантов множество, однако для анализа содержимого конкретного Prefetch-файла достаточно параметра «-f», который указывает путь к нему.

Один из случаев, когда есть понимание, что необходимо исследовать тот или иной Prefetch-файл, довольно прост – название приложения и его функционал соответствуют искомым фактам. Например, в папке «Prefetch» одного из исследуемых образов НЖМД был обнаружен файл с именем «**MIMIKATZ.EXE-C5A17C64.pf**». Само имя файла уже говорит о том, что, возможно, это довольно известное приложение с открытым исходным кодом, которое позволяет пользователям просматривать и сохранять учетные данные аутентификации. У рядового пользователя эта программа не встречается, зачастую это может быть признаком совершения высокотехнологичного киберпреступления. Вводим следующую команду «**C:\Users\Artbel\Desktop>.\PECmd.exe -fC:\Users\Artbel\Desktop\MIMIKATZ.EXE-C5A17C64.pf>C:\Users\Artbel\Desktop\Results\Mimikatz.txt**».

Данная команда позволяет вывести результат работы «PECmd» в текстовый файл по указанному пути.

На рис. 3 приведен результат работы программы.


```
"Mimikatz - Блокнот
Файл  Правка  Формат  Вид  Справка
PECmd version 1.3.4.0

Author: Eric Zimmerman (saericzimmerman@gmail.com)
https://github.com/EricZimmerman/PECmd

Command line: -f C:\Users\Artbel\Desktop\MIMIKATZ.EXE-C5A17C64.pf

Processing 'C:\Users\Artbel\Desktop\MIMIKATZ.EXE-C5A17C64.pf'

Created on: 2019-06-05 08:37:24
Modified on: 2019-06-05 08:37:16
Last accessed on: 2022-04-12 20:44:06

Executable name: MIMIKATZ.EXE
Hash: C5A17C64
File size (bytes): 28 912
Version: Windows 10

Run count: 2
Last run: 2019-06-05 08:37:06
Other run times: 2019-06-05 08:35:44

Volume information:
#0: Name: \VOLUME{01d4de8ba6e93c69-b4a6fec6} Serial: B4A6FEC6 Created: 2019-03-19 19:40:48 Directories: 8 File references: 72
```

Рис. 3. Фрагмент окна программы «Блокнот», содержащего информацию о результате работы «PECmd»

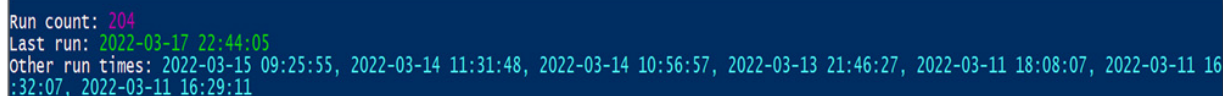
Мы видим, что в документе отобразились три временные метки. В поле «Created on» отображается время создания файла, в поле «Modified on» – время последнего изменения файла. Иными словами, они отличаются на несколько секунд как раз с

вычетом времени мониторинга действий приложения, о чем упоминалось ранее. В поле «Last accessed on» отображается время последнего доступа к файлу, тут указывается время, в которое мы запустили «PECmd» для исследования данного файла.

Ниже, в поле «Executable name», отображается имя исполняемого файла. В поле «Hash» – хэш-сумма пути к исполняемому файлу, далее следует размер файла в байтах и версия ОС «Windows», с которой был получен данный Prefetch-файл.

Далее следует важная информация, которую можно получить при определении обстоятельств запуска ПО при помощи анализа Prefetch-файлов. Это количество запусков программы, время последнего и предыдущих семи запусков. В нашем примере с файлом «**MIMIKATZ.EXE-C5A17C64.pf**» это не так хорошо проиллюстрировано, поэтому за основу был взят Prefetch-файл с другого образа НЖМД и программы Blender (профессиональное свободное и открытое программное обеспечение для создания трехмерной компьютерной графики), которая нагляднее иллюстрирует пользовательскую активность – «**BLENDER.EXE-EBACE203.pf**» (рис. 4).

Вводим команду **C:\Users\a.beley.LP-ABELEY\Desktop>.\PECmd.exe-fC:\Users\a.beley.LP-ABELEY\Desktop\BLENDER.EXE-EBACE203.pf**


```
Run count: 204
Last run: 2022-03-17 22:44:05
Other run times: 2022-03-15 09:25:55, 2022-03-14 11:31:48, 2022-03-14 10:56:57, 2022-03-13 21:46:27, 2022-03-11 18:08:07, 2022-03-11 16:32:07, 2022-03-11 16:29:11
```

Рис. 4. Окно программы «WindowsPowerShell», содержащее информацию о значениях параметров об исследуемом файле «BLENDER.EXE-EBACE203.pf»

В поле «Run count» мы видим количество запусков этой программы – 204, в поле «Last run» – дату и время последнего запуска программы, что зачастую и является целью исследования. В поле «Other run times» мы можем видеть временные метки последних семи запусков.

Далее можно обнаружить информацию, которая может быть полезна в рамках исследования или установления следов высокотехнологичных преступлений. В поле «Volume information» мы можем видеть информацию о дисках, с которыми связаны директории или файлы, к которым обращался исследуемый исполняемый файл. Там отображаются серийный номер, дата создания, а также количество директорий и файлов, к которым обращался исполняемый файл. В данном случае дисков два.

В поле «Directories referenced» мы видим общее количество директорий, к которым обращался исполняемый файл при запуске. В выводе будет отображаться полный путь к данной директории. Это может быть полезно при исследовании следов совершения высокотехнологичных преступлений. Например, может быть обнаружено, что файл при запуске обращается к какой-то странной директории на самом ПК или к сетевой папке (рис. 5).

```

Volume information:
#0: Name: \\VOLUME{01d6d4c526120f24-962697db} Serial: 962697DB Created: 2020-12-17 22:37:06 Directories: 5 File references: 15
#1: Name: \\VOLUME{01d6d4c53a95c56e-283ac5d6} Serial: 283AC5D6 Created: 2020-12-17 22:37:41 Directories: 2 File references: 6

Directories referenced: 7
00: \\VOLUME{01d6d4c526120f24-962697db}\\STEAM
01: \\VOLUME{01d6d4c526120f24-962697db}\\STEAM\\STEAMAPPS
02: \\VOLUME{01d6d4c526120f24-962697db}\\STEAM\\STEAMAPPS\\COMMON
03: \\VOLUME{01d6d4c526120f24-962697db}\\STEAM\\STEAMAPPS\\COMMON\\BLENDER
04: \\VOLUME{01d6d4c526120f24-962697db}\\STEAM\\STEAMAPPS\\COMMON\\BLENDER\\BLENDER.CRT
05: \\VOLUME{01d6d4c53a95c56e-283ac5d6}\\WINDOWS
06: \\VOLUME{01d6d4c53a95c56e-283ac5d6}\\WINDOWS\\SYSTEM32

Files referenced: 390

```

Рис. 5. Окно программы «WindowsPowerShell», содержащее информацию о значениях параметров об исследуемом файле «BLENDER.EXE-EBACE203.pf»

Далее следует поле «File referenced», в нем отображаются общее количество файлов, к которым обращался процесс, и пути к ним. Данный вывод может быть полезен. Он может свидетельствовать о том, что определенные файлы присутствовали в системе и использовались при запуске исполняемого файла и указать путь к ним, либо, например, указать на потенциальную инъекцию вредоносной библиотеки в процесс, если она подгружалась из подозрительной директории или имеет anomalous название. Кроме того, если речь идет об исследовании исполняемых файлов, которые связаны с активностью пользователя, то можно обнаружить следы активности пользователя и файлы, которые он открывал при последнем запуске. Например, исследуя Prefetch-файл программы «MicrosoftOfficeExcel», мы обнаружили следы запуска файла «TETROGRAF_BYUDZHET.xlsx из папки «Downloads» (см. рис. 6).

```

249: \\VOLUME{01d62ac31e125d27-761e2f7f}\\WINDOWS\\SYSWOW64\\GPAPI.DLL
250: \\VOLUME{01d62ac31e125d27-761e2f7f}\\PROGRAMDATA\\MICROSOFT\\WINDOWS DEFENDER\\PLATFORM\\4.18.2201.10-0\\MSMPLICS.DLL
251: \\VOLUME{01d62ac31e125d27-761e2f7f}\\USERS\\USER\\DOWNLOADS\\~$TETROGRAF_BYUDZHET.XLSX
252: \\VOLUME{01d62ac31e125d27-761e2f7f}\\PROGRAM FILES (X86)\\COMMON FILES\\MICROSOFT SHARED\\OFFICE16\\OREGRES.DLL
253: \\VOLUME{01d62ac31e125d27-761e2f7f}\\PROGRAM FILES (X86)\\COMMON FILES\\MICROSOFT SHARED\\OFFICE16\\RU-RU\\OREGRES.DLL.M
IT

```

Рис. 6. Окно программы «WindowsPowerShell», содержащее информацию о значениях параметров об исследуемом файле «EXCEL.EXE-EASXD211.pf»

Последним в выводе работы утилиты указывается время выполнения, за которое программа распарсила исследуемый файл, но другой информации не выдает.

Таким образом, исходя из вышесказанного можно с уверенностью сказать, что исследование Prefetch-файлов позволяет субъекту исследования получить следующую криминалистически значимую информацию:

1. Время последнего запуска программы из определенной директории (при условии включенных Prefetch-файлов на момент снятия криминалистической копии).
2. Время предыдущих семи запусков исполняемого файла из определенной директории (при условии включенных Prefetch-файлов на момент снятия криминалистической копии).
3. Общее количество запусков программы с момента установки системы или включения Prefetch-файлов.
4. Информацию о директориях, файлах и дисках, к которым обращался исполняемый файл при запуске.

Учитывая результаты практического использования, стоит отметить, что исследование таких файлов является неотъемлемой частью методики проведения СКТЭ в рамках решения задач по обнаружению файлов, изучению пользовательской активности или подтверждению запуска определенного ПО в случае работы с криминалистической копией, снятой с ОС «Windows». Сформулированные и систематизированные положения и подходы позволят усовершенствовать процесс применения и использования специальных знаний в области установления фактов, связанных с запуском ПО, внесут вклад в развитие криминалистической техники в области СКТЭ, а также будут способствовать успешной деятельности правоохранительных органов и повышению скорости и эффективности проведения судебной компьютерно-технической экспертизы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–июль 2023 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/40874008> (дата обращения: 21.09.2023).
2. Для рынка настольных операционных систем по всему миру. URL: <https://gs.statcounter.com/os-market-share/desktop/worldwide> (дата обращения: 21.09.2023).
3. Волатильность. URL: <https://github.com/volatilityfoundation/volatility> (дата обращения: 21.09.2023).
4. Skulkin O., Courcier S. *Windows Forensics Cookbook*. Birmingham, 2017. 258 p.
5. Анализ предварительной выборки файлов в Windows. URL: <https://www.magnetforensics.com/blog/forensic-analysis-of-prefetch-files-in-windows/> (дата обращения: 21.09.2023).
6. Как судебные эксперты используют предварительную выборку Windows. URL: <https://cquireacademy.com/blog/hacks/prefetch-parser> (дата обращения: 21.09.2023).

REFERENCES

1. *Kratkaya kharakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossiiskoi Federatsii za yanvar'–iyul' 2023 goda* [Brief description of the state of crime in the Russian Federation in January–July 2023]. Available at: <https://mvd.rf/reports/item/40874008> (accessed September 21, 2023).
2. *Dlya rynka nastol'nykh operatsionnykh sistem po vsemu miru* [For the desktop operating system market worldwide]. Available at: <https://gs.statcounter.com/os-market-share/desktop/worldwide> (accessed September 21, 2023).
3. *Volatil'nost'* [Volatility]. Available at: <https://github.com/volatilityfoundation/volatility> (accessed September 21, 2023).
4. Skulkin O., Courcier S. *Windows forensics cookbook*. Birmingham, 2017. 258 r.
5. *Analiz predvaritel'noi vyborki failov v Windows* [Analysis of a preliminary sample of files in Windows]. Available at: <https://www.magnetforensics.com/blog/forensic-analysis-of-prefetch-files-in-windows/> (accessed September 21, 2023).
6. *Kak sudebnye eksperty ispol'zuyut predvaritel'nuyu vyborku Windows* [How forensic experts use Windows pre-sampling]. Available at: <https://cquireacademy.com/blog/hacks/prefetch-parser> (accessed September 21, 2023).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АРТЕМ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ БЕЛЕЙ – аспирант кафедры судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия, Москва, Россия, a.beley@facct.ru

ARTEM V. BELEI – Postgraduate Student at the Department of Forensic Examinations and Criminalistics of the Russian State University of Justice, Moscow, Russia, a.beley@facct.ru

Статья поступила 01.09.2022

Научная статья

УДК 343.37

doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.013

Модернизация уголовного законодательства в сфере экономической деятельности: реальное состояние, перспективы применения

АРТЕМ ИВАНОВИЧ БЕРЕСТНЕВ

Камчатский филиал Российского университета кооперации, Петропавловск-Камчатский, Россия, Berestnev_artiom@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются нормативные правовые акты, направленные на реализацию задач по совершенствованию уголовного законодательства в части экономических преступлений в направлении их декриминализации. Актуальность указанной проблемы объясняется высокой репрессивностью уголовного законодательства в сфере экономической деятельности, что требует принятия выверенных решений по декриминализации преступных деяний. Кроме того, их применение будет способствовать повышению эффективности междисциплинарных научных исследований в сфере уголовного права и криминологии, в области декриминализации и депенализации. Автором обращается внимание на возможность использования института административной преюдиции в уголовном законодательстве, включая гл. 22 УК РФ. Применение уголовного проступка позволит более четко провести дифференциацию и индивидуализацию ответственности путем расширения практики применения более мягких мер воздействия на правонарушителей, нежели уголовные наказания.

Ключевые слова: Уголовный кодекс Российской Федерации; экономическая деятельность; экономические преступления; декриминализация; депенализация; административная преюдиция; уголовный проступок.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Берестнев А. И. Модернизация уголовного законодательства в сфере экономической деятельности: реальное состояние, перспективы применения // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 4 (24). С. 122–130. doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.013.

Original article

Modernization of Criminal Legislation in the Field of Economic Activity: the State, Prospects for Application

ARTEM I. BERESTNEV

Kamchatka Branch of the Russian University of Cooperation, Petropavlovsk-Kamchatsky, Russia, Berestnev_artiom@mail.ru

© Берестнев А. И., 2023

Abstract. The article analyses normative legal acts aimed at the implementation of tasks to improve criminal law in terms of economic crimes in the direction of their de-criminalization. The relevance of this problem is explained by high repressiveness of criminal legislation in the field of economic activity, which requires the adoption of verified decisions on the decriminalization of criminal acts. In addition, their application will boost effectiveness of interdisciplinary scientific research in the field of criminal law and criminology, in the field of decriminalization and depenalization. The author draws attention to the possibility of using the institution of administrative prejudice in criminal law, including Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation. The use of criminal infractions will make it possible to more clearly differentiate and individualize liability by expanding the practice of applying more lenient measures of influence on offenders than criminal penalties.

Keywords: Criminal Code of the Russian Federation; economic activity; economic crimes; decriminalization; depenalization; administrative prejudice; criminal infractions.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Berestnev A.I. Modernization of criminal legislation in the field of economic activity: the state, prospects for application. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 4 (24), pp. 122–130. doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.013.

Президент Российской Федерации в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации 21 февраля 2023 г. обратил внимание на то, что свобода предпринимательства является важнейшим элементом экономического суверенитета: частный бизнес на фоне внешних попыток сдержать Россию доказал, что умеет адаптироваться к быстро меняющейся конъюнктуре, в непростых условиях обеспечивать рост экономики; проявляемая деловая инициатива, направленная на пользу стране, должна получить поддержку [1].

В послании Президент Российской Федерации поставил задачу продолжить модернизацию уголовного закона в части так называемых экономических преступлений, в том числе по их декриминализации.

Необходимость проведения таких реформ обусловлена проблемой высокой репрессивности действующего законодательства, возникшей вследствие бессистемного и порой необоснованного введения уголовных запретов в сфере экономической деятельности, что привело к избыточной криминализации отклоняющегося поведения участников указанной сферы. Сложившееся положение, вне всякого сомнения, негативно воздействует на состояние отечественной экономики.

По мнению П. В. Жестерова, проводимые в рамках криминальной политики мероприятия характеризуются необоснованно высоким уровнем уголовной репрессии в сфере экономической деятельности, являются одним из факторов, обуславливающих бегство капитала из страны, что приводит к снижению мотивации к осуществлению предпринимательской деятельности [2, с. 71]. Существующая система регулирования экономической сферы уголовно-правовыми средствами создает значительные риски привлечения к уголовной ответственности предпринимателей, стремящихся к ведению бизнеса в соответствии с установленными правовыми регламентами. Например, получение кредита, необходимого для расширения бизнеса, связано с потенциальным риском привлечения к уголовной ответственности за

совершение преступлений, предусмотренных ст. 176 (незаконное получение кредита), 177 (злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности) из-за несовершенства уголовно-правовых предписаний, включенных в УК РФ. Сложности подобного рода провоцируют предпринимателей к переходу в теневой сектор экономики, что снижает пополняемость бюджета за счет налоговых поступлений.

Обращает на себя внимание еще один негативный аспект избыточной криминализации деяний в сфере экономики, заключающийся в том, что уголовные запреты могут использоваться в качестве инструмента недобросовестной конкурентной борьбы. Сам факт возбуждения уголовного дела и проведения следственных действий по любой из содержащихся в гл. 22 УК РФ статей может разрушить бизнес, более того, будет способствовать необоснованному обвинению предпринимателя в противоправной деятельности, опорочить его имя и подорвать деловую репутацию [2, с. 72].

Продолжая исследование гл. 22 УК РФ, отметим, что законодатель не дает легального определения экономических преступлений, более того, в многочисленных подзаконных нормативных правовых актах дефиниция «экономические преступления» также отсутствует. В настоящее время законодателем используются понятия «преступления в сфере экономики» (разд. VII УК РФ) и «преступления в сфере экономической деятельности» (гл. 22 УК РФ). Отсутствие законодательного определения экономического преступления обусловило вынесение соответствующего вопроса на обсуждение членов научного сообщества. Отметим, что по этому вопросу среди правоприменителей и ученых отсутствует единство мнений. Используемые подходы к пониманию экономических преступлений различаются по объему, совокупности признаков и целей, для решения которых формулируются соответствующие понятия.

Не расширяя дискуссию о понятии, сущности и признаках экономических преступлений, обращая внимание только на общий контекст выступления Президента Российской Федерации, можно сделать вывод о том, что преступления в сфере экономической деятельности, предусмотренные гл. 22 УК РФ, можно определить как совершаемые умышленно общественно опасные виновно совершенные деяния, посягающие на нормальный, установленный нормативно-правовыми актами уклад отношений в сфере экономической деятельности по поводу производства, обмена, распределения и потребления материальных благ и услуг.

Рассматривая проблемы декриминализации деяний указанной главы, отметим, что в правовой науке под декриминализацией обычно понимается законодательная процедура, позволяющая исключить запрещенное уголовным законом деяние из числа преступлений [3, с. 16].

Исследуя данную проблему, полагаем возможным сделать вывод о том, что под декриминализацией здесь понимается не только сокращение числа уголовно-правовых запретов в сфере экономической деятельности, но также принятие иных мер, направленных на снижение репрессивности уголовного законодательства в указанной сфере. К числу таких мер может относиться смягчение уголовно-правовых санкций, увеличение количественных параметров составообразующих признаков преступлений, сужение сферы применения уголовных наказаний, влекущих судимость с одновременным расширением сферы применения иных мер уголовно-правового

воздействия, различных механизмов освобождения лиц, совершивших экономические преступления, от уголовной ответственности.

Рассмотрим возможные способы реализации задач, обозначенных главой государства.

Здесь прежде всего уместно напомнить, что задача ослабления уголовно-правовой репрессивности в сфере экономической деятельности не нова, меры, направленные на ее реализацию, принимаются в течение последних двадцати лет. Для этих целей законодателем широко применялась частичная декриминализация через повышение размера ущерба, дохода как порога наступления уголовной ответственности, а также депенализация посредством расширения пределов наказаний в санкциях, увеличение их альтернативности. Значительно реже, но все же применялась полная декриминализация преступных деяний. Заметим, что проводимые реформы в этой части носили весьма противоречивый характер.

Например, из числа преступных деяний были исключены статьи, предусматривающие ответственность за обман потребителя (ст. 200 УК РФ), заведомо ложную рекламу (ст. 182 УК РФ), которые были отнесены к числу административных правонарушений. В частности, по этому поводу высказывались суждения о том, что заведомо ложная реклама из числа преступлений исключена необоснованно, поскольку ее вредоносность бывает очень высока, а существующие административные запреты нарушения законодательства о рекламе не способны обеспечить эффективную профилактику указанных противоправных действий, учитывая их высокую общественную опасность.

Вместе с тем в 2003 г. из гл. 22 УК РФ обоснованно исключена ст. 200 УК РФ (обман потребителей), поскольку установление уголовной ответственности за такие действия, не представляющие значительной общественной опасности, было явно необоснованным. Здесь стоит отметить, что основным социальным основанием введения уголовно-правового запрета является общественная опасность деяния. Понятие общественной опасности более четко раскрывается через такие признаки, как характер, социальная значимость и уязвимость блага, охраняемого законом. Уголовно-правовой запрет, предусмотренный ст. 200 УК РФ, критериям обоснованности не отвечал.

В настоящее же время обман потребителей влечет применение мер административной ответственности, что с учетом цели экономии уголовно-правовой репрессии является адекватной реакцией со стороны государства на указанный вариант отклоняющегося поведения.

В 2010 г. декриминализировано лжепредпринимательство (ст. 173 УК РФ) в связи с тем, что при введении данного уголовно-правового запрета не было обеспечено соблюдение требований оптимальности и полноты состава преступления. Действовавшая редакция ст. 173 УК РФ практически исключала возможность установления причинной связи между деянием (фактом создания (официальной регистрацией) коммерческой организации) и последствием в виде крупного ущерба [4, с. 24]. В результате возникла необходимость установления нового уголовно-правового запрета с целью пресечения возможности использования лжеорганизаций для обналичивания денежных средств, легализации имущества, добытого преступным путем, и других преступных действий.

В результате в 2011 г. в гл. 22 УК РФ введены две новые статьи – 173.1 (незаконное образование юридического лица) и 173.2 (незаконное использование документов для образования юридического лица). Обращает на себя внимание факт того, что состав преступления, предусмотренный ст. 173.2 УК РФ, является усеченным. Представляется, что криминализация противоправной деятельности в сфере экономики безотносительно к оценке наступивших последствий в виде ущерба противоречит цели экономии уголовной репрессии [4, с. 24].

В 2011 г. такое преступление, как экономическая контрабанда (ст. 188 УК РФ), переведено в число административных правонарушений (ст. 16.1 КоАП РФ), с введением спустя два года уголовно-правового запрета контрабанды наличных денежных средств или денежных инструментов (ст. 200.1 УК РФ). В 2014 г. гл. 22 УК РФ дополнена еще одной статьей – ст. 200.2 УК РФ (контрабанда алкогольной продукции и (или) табачных изделий).

При одобрительной оценке введения ст. 200.1 УК РФ представители научного сообщества и практикующие юристы подвергли критике запрет, установленный ст. 200.2 УК РФ, указывая, в частности, на то, что в случае контрабандного перемещения табачных изделий или алкогольной продукции через таможенную границу с целью уклонения от уплаты таможенных платежей возникает конкуренция между ст. 200.2 (контрабанда алкогольной продукции и табачных изделий) и ст. 194 УК РФ (уклонение от уплаты таможенных платежей). Вопрос о разрешении проблемы конкуренции указанных норм уголовного закона сохраняет свою актуальность и сейчас.

Указанные примеры свидетельствуют о том, что цель сокращения уровня уголовной репрессии в сфере экономических отношений посредством декриминализации деяний реализовывалась законодателем не всегда продуманно и последовательно. Декриминализовано всего четыре состава преступления (ст. 173, 182, 188, 200), тогда как общее число статей гл. 22 УК РФ с 32 возросло до 60, то есть почти в два раза.

Однако сделать категоричный, научно-аргументированный, обоснованный вывод о том, что в части преступлений в изучаемой сфере доминируют процессы криминализации, нельзя. Это связано с тем, что декриминализация возможна не только посредством исключения из УК РФ соответствующих составов преступлений, но и путем увеличения порога, при наличии которого деяние переходит в разряд преступных [5, с. 66]. Речь идет об упоминавшихся ранее суммах ущерба, дохода, выступающих в качестве криминообразующих признаков. Например, в 2016 г. введено примечание к ст. 170.2 УК РФ, распространяющее свое действие на значительную часть преступлений гл. 22 УК РФ, увеличившее крупный размер, ущерб, доход до 2,25 млн руб., вследствие чего большое количество экономических преступлений оказалось частично декриминализовано.

Кроме того, в качестве инструмента снижения репрессивности уголовного законодательства используется институт административной преюдиции, выступающий неким «мостиком» между административным и уголовным правом, поскольку повторное (неоднократное) совершение проступка отождествляется в последующем с преступлением, в результате чего возникают уголовно-правовые отношения [6, с. 118].

Действующий уголовный закон изначально не использовал административную преюдицию. Однако по инициативе Президента Российской Федерации, озвученной в Послании Федеральному собранию 12 ноября 2009 г. [7], в уголовный закон введен ряд составов с административной преюдицией, в том числе в главу о преступлениях в сфере экономической деятельности. Речь идет о ст. 171.4, 191, 193 УК РФ. Потребность в использовании данного инструмента юридической техники получает все большее научно-теоретическое и практическое обоснование [8]. Не расширяя обсуждение вопросов об эффективности использования составов с административной преюдицией для целей охраны нормального уклада отношений в сфере экономической деятельности, отметим, что сам факт применения административной преюдиции в уголовном законодательстве по-прежнему получает самые противоречивые оценки со стороны ученых и правоприменителей. В этой связи бесспорным выступает тезис о том, что совершенствование отдельных инструментов юридической техники будет способствовать повышению качества уголовного законодательства и в конечном счете надлежащей охране наиболее значимых общественных отношений [9, с. 83]. С учетом позиции Президента Российской Федерации, сформулированной в послании, инициировавшего применение административной преюдиции в уголовном законодательстве, имеются все основания полагать, что данный инструмент также будет использоваться в дальнейшем в целях снижения репрессивности уголовного закона в сфере экономической деятельности.

Рассматривая вопрос о способах реализации поручения Президента Российской Федерации в части декриминализации преступлений в сфере экономической деятельности, вне всякого сомнения, следует указать институт уголовного проступка, о правовой природе и целесообразности введения которого в течение длительного времени ведутся широкие дискуссии. Не вступая в полемику о правовой природе уголовного проступка, акцентируем свое внимание на концепции, согласно которой уголовный проступок, относясь к отдельной категории деликтов, должен занять место между преступлениями и административными правонарушениями. В этой связи в число уголовных проступков следует перевести большую часть преступлений гл. 22 УК РФ, относящихся к категории небольшой тяжести, включая составы с административной преюдицией.

Следует особо подчеркнуть, что систему уголовных проступков целесообразно закрепить в отдельном кодексе, что подчеркнет их самостоятельную правовую природу.

Введение уголовного проступка позволит более точно оценивать противоправные деяния с правовой точки зрения с учетом характера и степени их общественной опасности, включая те, которые формально подпадают под понятие малозначительности, что в свою очередь позволит более эффективно реализовывать механизм индивидуализации ответственности, снизить уровень репрессивности уголовного законодательства и более четко разграничить преступления и административные правонарушения.

Таким образом, необходимость дальнейшей модернизации уголовного законодательства в сфере экономической деятельности сомнения не вызывает. Ее основной целью является снижение уровня уголовно-правовой репрессии. Еще раз подчеркнем, что одним из главных инициаторов реформирования уголовного закона в

этой части является Президент Российской Федерации. Согласимся с мнением о недопустимости уголовно-правового давления на бизнес, а также о необходимости создания в нашей стране условий, благоприятных для ведения предпринимательской деятельности, предполагающих использование минимально возможных средств государственно-правового регулирования через применение норм уголовного законодательства. В настоящее же время мы по-прежнему вынуждены констатировать факт перенасыщенности закона уголовно-правовыми запретами, регулирующими отношения в сфере экономической деятельности.

Высказанные в настоящей статье соображения указывают на различные пути решения проблемы избыточной уголовной репрессии в сфере экономической деятельности. Сделаем особый акцент на том, что Президент Российской Федерации в Послании Федеральному Собранию 21 февраля 2023 г. указал на необходимость последовательного и основательного проведения работы парламентом, правоохранительными органами и деловыми объединениями по декриминализации преступных деяний в указанной сфере [1]. Мы можем с этим вполне согласиться, поскольку бессистемность и отсутствие взвешенного подхода в решении указанной задачи значительно снижают эффективность такой работы, что вполне доказано сложившейся практикой. Иными словами, чтобы не допускать повторения ошибок, принятию решений о декриминализации преступных деяний должно предшествовать проведение междисциплинарных научных исследований в сфере криминологии и уголовного права, позволяющих оценить противоправные преступные деяния по совокупности различных параметров, включая их распространенность, восприятие в обществе, уровень вредоносности с учетом ситуации, складывающейся в сфере экономической деятельности и иных сферах жизни общества и государства.

Нивелировать возможные неблагоприятные последствия невыверенных решений о полной декриминализации деяний путем их исключения из числа преступных позволит масштабирование практики применения частичной декриминализации, направленной на снижение уголовной репрессии посредством увеличения размера ущерба, дохода, задолженности, являющихся составообразующими признаками преступлений, смягчения уголовно-правовых санкций, депенализации путем увеличения альтернативности наказаний, их пределов, а также путем расширения возможностей для освобождения от уголовной ответственности и наказания за преступления в сфере экономической деятельности, применения иных мер уголовно-правового воздействия, не влекущих судимость. Целесообразно унифицировать подход к определению крупного и особо крупного размера, ущерба, дохода, выступающего обязательным признаком большинства преступлений в сфере экономической деятельности.

Еще раз отметим возможность использования одобряемого Президентом Российской Федерации института административной преюдиции.

При этом, на наш взгляд, наибольшим потенциалом для реформирования уголовного закона, в том числе гл. 22 УК РФ, обладает институт уголовного проступка, применение которого позволит добиться более четкой дифференциации и индивидуализации ответственности лиц, совершивших общественно опасные деяния, путем расширения практики применения более мягких мер воздействия на правонарушителей, нежели уголовные наказания, влекущие судимость.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 21.02.2023 // Рос. газ. 2023. № 39.
2. Жестеров П. В. Уголовная репрессия в сфере экономической деятельности в России // Евразийская адвокатура. 2015. № 6. С. 69–75.
3. Кузнецов А. П. Криминализация – декриминализация, пенализация – депенализация как содержание уголовной политики // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 1. С. 16–18.
4. Витвицкая С. С., Соколов В. А. Проблемы декриминализации деяний в сфере экономической деятельности // Юрист-Правовед. 2015. № 6. С. 22–27.
5. Подройкина И. А. Преступления в сфере экономической деятельности: обзор изменений главы 22 УК РФ // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 10. С. 63–67.
6. Хилюта В. В. Феномен административной преюдиции в контексте понимания сущности преступления // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5, № 17. С. 118–132.
7. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 12.11.2009 // Рос. газ. 2009. № 214.
8. Абдулханьянов И. А. Приемы юридической техники в уголовном праве // Актуальные проблемы уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии : сб. материалов всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2022. С. 7–10.
9. Абдулханьянов И. А. Правила юридической техники в уголовном праве // Вестник Белгородского юридического института МВД России им. И. Д. Путилина. 2021. № 4. С. 79–84.

REFERENCES

1. Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of February 21, 2023. *Rossiiskaya gazeta = Russian Newspaper*, 2023, no. 39. (In Russ.).
2. Zhesterov P.V. Criminal repression in the field of economic activity in Russia. *Evraziiskaya advokatura = Eurasian Advocacy*, 2015, no. 6, pp. 69–75. (In Russ.).
3. Kuznetsov A.P. Criminalization – decriminalization, penalization – depenalization as content of criminal policy. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of Krasnodar University of Russian MIA*, 2017, no. 1, pp. 16–18. (In Russ.).
4. Vitvitskaya S.S., Sokolov V.A. Problems of decriminalization of acts in the sphere of economic activity. *Yurist-Pravoved = Lawyer-Legal Expert*, 2015, no. 6, pp. 22–27. (In Russ.).
5. Podroikina I.A. Economic crimes: review of changes in Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Obshchestvo: politika, ehkonomika, parvo = Society: Politics, Economics, Law*, 2020, 10, pp. 63–67. (In Russ.).
6. Khilyuta V.V. Phenomenon of administrative prejudice in the context of understanding the essence of a crime. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, 2021, vol. 5, no. 17, pp. 118–132. (In Russ.).
7. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of November 12, 2009. *Ros. gaz. = Russian Newspaper*, 2009, no. 214. (In Russ.).
8. Abdulkhannyanov I.A. Techniques of legal technique in criminal law. In: *Aktual'nye problemy ugolovnogo, ugolovno-ispolnitel'nogo prava i kriminologii: sb. materialov Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Critical problems of criminal, penal law and criminology: proceedings of the All-Russian scientific and practical conference]. Cheboksary, 2022. Pp. 7–10. (In Russ.).
9. Abdulkhannyanov I.A. Rules of legal technique in criminal law. *Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii im. I. D. Putilina = Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia*, 2021, no. 4, pp. 79–84. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АРТЕМ ИВАНОВИЧ БЕРЕСТНЕВ – старший преподаватель кафедры экономики, технологии и таможенного дела Камчатского филиала Российского университета кооперации, Петропавловск-Камчатский, Россия, Berestnev_artyom@mail.ru

ARTEM I. BERESTNEV – Senior Lecturer at the Department of Economics, Technology and Customs Affairs of the Kamchatka Branch of the Russian University of Cooperation, Petropavlovsk-Kamchatsky, Russia, Berest-nev_artyom@mail.ru

Статья поступила 05.10.2023

Научная статья

УДК 343.1

doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.014

К вопросу о регистрации сообщений о преступлениях и формировании уголовно-правовой статистики

БОРИС ЯКОВЛЕВИЧ ГАВРИЛОВ

Академия управления МВД России, Москва, Россия

Академия ФСИН России, Рязань, Россия

profgavrilov@yandex.ru

ЮЛИЯ НИКОЛАЕВНА СПИРИДОНОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, upkiord@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4466-125X>

МАТВЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ПЬЯНКОВ

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия

Московский финансово-юридический университет МФЮА, Москва, Россия

matwcha@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4087-6050>

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы совершенствования регламентации порядка приема и регистрации сообщений о преступлениях в условиях развития цифровых технологий и влияние данных процессов на формирование данных уголовно-правовой статистики. Показаны возможность подачи электронного заявления о преступлении и пути оптимизации первоначального этапа уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовно-правовая статистика; досудебное производство, прием и регистрация сообщений о преступлениях, органы дознания, заявление о преступлении в электронном виде.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Гаврилов Б. Я., Спиридонова Ю. Н., Пьянков М. Н. К вопросу о регистрации сообщений о преступлениях и формировании уголовно-правовой статистики // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 4 (24). С. 131–138. doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.014.

Original article

On the Issue of Registering Reports of Crimes and Forming Criminal Law Statistics

BORIS Ya. GAVRILOV

Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Moscow, Russia

The Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia

profgavrilov@yandex.ru

YULIYA N. SPIRIDONOVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, upkiord@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4466-125X>

MATVEI N. P'YANKOV

Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia

Moscow University of Finance and Law MFUA, Moscow, Russia

matwcha@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4087-6050>

Abstract. The article discusses issues of improving regulation of the procedure for receiving and registering reports of crimes in the context of the development of digital technologies and the impact of these processes on the formation of criminal law statistics. It demonstrates the possibility of filing an electronic statement about a crime and ways to optimize the initial stage of criminal proceedings.

Key words: criminal law statistics, pre-trial proceedings, reception and registration of reports of crimes, bodies of inquiry, statement of a crime in electronic form.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Gavrilo B.Ya., Spiridonova Yu.N., P'yankov M.N. On the issue of registering reports of crimes and forming criminal law statistics. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 4 (24), pp. 131–138. doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.014.

Успешность борьбы с преступностью, а также эффективность принимаемых мер по профилактике преступлений во многом зависят от реальности цифр уголовно-правовой статистики, поскольку именно на ее основе принимаются управленческие решения по организации деятельности правоохранительных органов и их финансированию. На формирование уголовно-правовой статистики влияют различные факторы.

Объем зарегистрированных преступлений во многом зависит от нормативно закрепленных правил приема и регистрации сообщений о преступлениях и порядка

их учета, а также от процессуальных решений, принимаемых должностными лицами органов предварительного следствия и органов дознания по итогам их рассмотрения на стадии возбуждения уголовного дела и отражения данных решений в статистических карточках.

Правила приема и регистрации сообщений о преступлениях регламентируются совместным приказом Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353 и ФСКН России № 399 от 29.12.2005 «О едином учете преступлений», а также приказами правоохранительных органов, отнесенных уголовно-процессуальным законодательством к органам дознания и, соответственно, обладающих правом приема и регистрации сообщений о преступлениях и принятия по итогам их рассмотрения соответствующих процессуальных или иных решений. Данные правила примерно во всех правоохранительных органах одинаковы за исключением органов и учреждений ФСИН России, в которых регистрация информации о происшествиях осуществляется не в одном журнале, а в двух, как это предусматривалось еще Примерной инструкцией о порядке приема, регистрации, учета и разрешения в органах и учреждениях внутренних дел заявлений, сообщений и другой информации о преступлениях и происшествиях, утвержденной приказом МВД СССР от 11.11.1990 № 450. На основании приказа Минюста России от 11.07.2006 № 250 «Об утверждении инструкции о приеме, регистрации и проверке в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы сообщений о преступлениях и происшествиях» в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы информация о происшествиях регистрируется в Журнале регистрации информации, а сообщения о преступлениях – в Книге регистрации сообщений о преступлениях.

Предусмотрены следующие способы подачи сообщений о преступлениях: письменные заявления, устные заявления, оформляемые протоколами; сообщения, поступающие по телефону, в том числе по «телефону доверия», а также электронные заявления.

Как указывает Л. А. Воскобитова, «решающую роль в регистрации или нерегистрации сообщений играет субъективная воля конкретного лица, поэтому социально значимым становится снижение субъективизма при принятии такого решения» [1, с. 11]. На современном этапе развития общества вопрос с сокрытием преступлений на первоначальном этапе уголовного судопроизводства можно решить путем дистанционной подачи заявлений.

Приказом МВД России предусмотрена подача заявления в электронном виде. На основании п. 11 Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях, утвержденной Приказом МВД России от 29.09.2014 № 736, электронные заявления распечатываются на бумажном носителе и дальнейшая работа с ними ведется как с обычными письменными заявлениями. Однако на сайтах территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации указано, что обращения в форме электронного документа рассматриваются в соответствии с Федеральным законом от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», на основании п. 1 ст. 12 которого за-

явления подлежат рассмотрению в течение 30 суток. Рассмотрение сообщения о преступлении в указанный срок является, по сути, нарушением, так как заявления о преступлении в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ подлежат рассмотрению в течение трех суток.

Кроме того, на практике зачастую, как указывает Л. А. Воскобитова, вырабатывается «социальная» технология, «которая оказывается субъективно более предпочтительной для участников процессуального взаимодействия и эффективной для достижения их субъективных целей. Например, в случае невозможности раскрыть преступление по объективным причинам дознаватель или следователь “уговаривает потерпевшего не подавать заявление”» [1, с. 14].

Для решения данной проблемы учеными предлагается внести ряд изменений в нормативно-правовое регулирование порядка приема и регистрации сообщений о преступлениях. Так, А. А. Усачев предлагает внести соответствующие изменения в УПК РФ, предусмотрев возможность подачи заявления в форме электронного документа [2, с. 441]. При этом ч. 3 ст. 141 УПК РФ предусматривает, что, если заявитель не может лично присутствовать при подаче заявления, составляется рапорт сотрудника об обнаружении признаков преступления. В этом случае опять приходим к субъективному восприятию конкретного должностного лица, которое в зависимости от различных причин может принять решение не составлять такой рапорт. Поэтому действительно наиболее оптимальным представляется внесение в ст. 141 УПК РФ дополнений, предусматривающих возможность подачи заявления о преступлении в электронном виде. Но внести такие дополнения недостаточно, необходимо обеспечить их техническую реализацию.

В Германии, например, действует специальный онлайн-сервис, с помощью которого можно подать сообщение о преступлении [3, с. 217]. В этой связи Л. А. Воскобитова предлагает разработать и внедрить в процесс приема и регистрации сообщения о преступлениях специальную цифровую программу. Решение о регистрации сообщения о преступлении может приниматься в том числе при помощи искусственного интеллекта [1, с. 11]. Возможность подачи заявления о преступлении при помощи такой программы позволит не только более действенно защищать права граждан, в отношении которых были совершены преступления, но формировать более реальные статистические данные о преступности.

Очевидно, что в основном такая процедура может применяться в органах внутренних дел, а для уголовно-исполнительной системы подобная форма оперативно-служебной деятельности сотрудников на этапе приема и регистрации сообщений о преступлениях не может быть реализована в силу того, что пользование электронными средствами связи лицами, находящимся в местах лишения свободы, ограничено. К тому же отсутствует и принцип территориальной удаленности потенциального заявителя от места приема и регистрации заявления. Вместе с тем ввиду закрытости учреждений уголовно-исполнительной системы права осужденных требуют не меньшей защиты, чем лиц, находящихся на свободе.

Пока деятельность по приему и регистрации сообщений о преступлениях отнесена к компетенции конкретных ведомств, не избежать административного фактора регулирования статистики о преступлениях [4, с. 6].

Вместе с тем всегда есть опасность, что правоохранительные органы будут перегружены многочисленными сообщениями о происшествиях, не содержащих признаки состава преступления, либо о несуществующих или малозначительных фактах. Полагаем, что можно уменьшить их количество следующими способами.

Для разграничения информации о происшествиях, не являющихся преступлениями, при нормативно-правовой разработке соответствующей программы информация, занесенная в специальную форму, будет анализироваться на предмет содержания признаков определенной категории преступлений и, соответственно, регистрироваться будут только обращения, которые соответствуют заданным критериям. Во-вторых, во избежание ложных сообщений о преступлениях в программе следует предусмотреть предупреждение об ответственности за заведомо ложный донос, а для идентификации личности заявителя возможно будет предусмотреть подачу заявления через сайт госуслуг.

В Германии, к примеру, для идентификации заявителя используется его IP-адрес или личный кабинет. Кроме того, всю поступающую информацию можно делить, как это делалось ранее и как это сейчас определено в приказе Минюста России от 11.07.2006 № 206, на две группы: информация о преступлениях и информация об иных происшествиях, и, соответственно, регистрировать их в разных журналах и вводить информацию в разные базы данных. Это предотвратит необходимость выносить постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по каждому поступающему обращению. Для сокращения объема работы по составлению многочисленных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела предлагается кардинальный способ – упразднение стадии возбуждения уголовного дела [5, с. 77; 6, с. 9; 7, с. 50–51; 8, с. 316]. Наличие данного процессуального института ограничивает право граждан на доступ к правосудию.

Востребованность такого решения подтверждается показателями значительного роста за последние 30 лет количества процессуальных решений следователей, дознавателей, органов дознания об отказе в возбуждении уголовного дела по заявлениям, сообщениям о преступлениях, о чем свидетельствуют приведенные в табл. 1 статистические данные, в том числе о соотношении количества возбужденных уголовных дел и отказных материалов.

Таблица 1

Статистические данные о принятых решениях (без повторных) по сообщениям о преступлениях за 1992–2022 гг.

Период, год	Возбуждено уголовных дел (млн)	Количество «отказных» материалов (млн)	Удельный вес «отказных» материалов к возбужденным уголовным делам (в %)
1992	2,8	1,3	47,7
2002	2,5	3,8	148,4
2012	1,9	6,4	336,8
2016	1,85	6,8	367,0
2022	1,6	6,0	355,0

Тенденция к снижению уровня уголовно-процессуального реагирования на заявления и сообщения о преступлениях нашла свое отражение и в приведенных в табл. 2 статистических данных о соотношении количества зарегистрированных за-

явлений, сообщений о преступлениях, уровень которых на протяжении последних более пятнадцати лет сохраняется примерно на одном уровне, а количество возбужденных уголовных дел по ним сократилось в два раза при одновременном увеличении принимаемых органами предварительного расследования и дознания решений об отказе в возбуждении уголовного дела.

Таблица 2

Статистические данные о соотношении количества возбужденных уголовных дел и отказных материалов

	2006 г.	2013 г.	2014 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Всего зарегистрировано сообщений о преступлениях (млн)	10,7	11,7	11,8	10,3	9,8	9,9	9,25	9,3	11,9
Возбуждено уголовных дел (млн)	3,3	1,78	1,73	1,78	1,65	1,69	1,71	1,67	1,60
В том числе удельный вес к числу сообщений о преступлениях (в %)	30,8	15,2	14,6	16,8	16,8	17,1	18,5	17,9	16,2
Количество (без повторных) «отказных» материалов (млн)	4,5	6,7	6,7	6,3	6,0	6,0	5,54	5,7	6,0

Среди 6 млн процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела в 2022 г. должностными лицами органов внутренних дел насчитывается 1,2 млн таких решений о кражах, порядка 1,3 млн решений о причинении телесных повреждений и порядка 500 тыс. о хищениях с банковских карт, что является одной из причин сокращения в целом показателя регистрируемой преступности (см. таблицу 3).

Таблица 3

Количество зарегистрированных преступлений за 1980–2022 гг. (в млн)

Период, год	1980	1991	1999	2006	2010	2017	2019	2021	2022
Количество зарегистрированных преступлений (млн)	1,028	2,168	3,002	3,853	4,4	2,058	2,024	2,004	1,966

В Казахстане, государствах Балтии, Грузии, Республике Молдова и ряде других государств бывшего СССР преобразования, касающиеся изменения системы приема и регистрации сообщений о преступлениях и упразднения стадии возбуждения уголовного дела, сегодня успешно реализованы, что позволяет при разработке изменений порядка российского досудебного уголовного производства обращаться к зарубежному опыту.

Полагаем, что дальнейшее решение данных вопросов и выработка новых подходов к регламентации порядка приема, регистрации сообщений о преступлениях и организации начального этапа досудебного производства в целом позволят показатели уголовно-правовой статистики приблизить к реальной действительности, что будет способствовать выработке действенных стратегий борьбы с преступностью.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Воскобитова Л. А. Уголовное судопроизводство как социальная технология // Уголовное судопроизводство. 2021. № 2. С. 6–17.
2. Усачев А. А. Прием сообщений о преступлениях в условиях развития цифровых технологий // Тамбовские правовые чтения имени Ф. Н. Плевако : материалы III Международ. науч.-практ. конф. (Тамбов, 24–25 мая 2019 г.) : в 2 т. / отв. ред. В. Ю. Стромов. Тамбов, 2019. Т. 1. С. 438–442.
3. Масленникова Л. Н., Сушина Т. Е. Опыт цифровизации уголовного судопроизводства Федеративной Республики Германия... и возможности его использования при цифровизации уголовного судопроизводства России // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 6 (115). С. 214–224.
4. Гаврилов Б. Я. Латентная преступность и «административный» фактор ее регулирования: современное состояние и пути преодоления // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2015. № 3. С. 2–7.
5. Божьев В. П., Гаврилов Б. Я. Соответствует ли отказ в возбуждении уголовного дела идеологии современной уголовно-правовой политике России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 2 (78). С. 74–78.
6. Гаврилов Б. Я. О реальности уголовно-правовой статистики о преступности // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2009. № 6. С. 4–10.
7. Гаврилов Б. Я. Современное досудебное производство по уголовным делам требует реформирования // Вестник экономической безопасности. 2022. № 2. С. 47–56.
8. Гаврилов Б. Я. Значение уголовно-процессуального законодательства в повышении эффективности борьбы с преступностью // Борьба с преступностью: теория и практика : тез. докл. XI Междунар. науч.-практ. конф. (Могилев, 7 апреля 2023 г.). Могилев, 2023. С. 312–318.

REFERENCES

1. Voskobitova L.A. Criminal procedure as a social technology. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo = Criminal Judicial Proceedings*, 2021, no. 2, pp. 6–17. (In Russ.).
2. Usachev A. A. Receiving reports on crimes in the context of the development of digital technologies. In: Stromov V.Yu. (Ed.). *Tambovskie pravovye chteniya imeni F.N. Plevako: materialy III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Tambov, 24–25 maya 2019 g.): v 2 t. T. 1* [Tambov legal readings named after F.N. Plevako: proceedings of the III International Scientific and Practical Conference. (Tambov, May 24-25, 2019): in 2 volumes. Volume 1]. Tambov, 2019. Pp. 438–442. (In Russ.).
3. Maslennikova L.N., Sushina T.E. Experience of criminal proceedings digitalization of in the Federal Republic of Germany and possibilities of its use in the criminal proceedings digitalization in Russia. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2020, vol. 15, no. 6 (115), pp. 214–224. (In Russ.).
4. Gavrilov B.Ya. Latent crime and “administrative” factor of its regulation: current state and ways of overcoming. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, 2015, no. 3, pp. 2–7. (In Russ.).
5. Bozh'ev V.P., Gavrilov B.Ya. Whether the refusal to initiate a criminal case corresponds to the ideology of modern criminal law policy of Russia. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of Saint Petersburg University of the MIA of Russia*, 2018, no. 2 (78), pp. 74–78. (In Russ.).
6. Gavrilov B.Ya. Reality of criminal-legal statistics of crime. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie = Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*, 2009, no. 6, pp. 4–10. (In Russ.).

7. GavriloV B.Ya. Modern pre-trial criminal proceedings need reform. *Vestnik ehkonomicheskoi bezopasnosti = Bulletin of Economic Security*, 2022, no. 2, pp. 47–56. (In Russ.).

8. GavriloV B.Ya. The importance of criminal procedure legislation in improving the effectiveness of combating crime. In: *Bor'ba s prestupnost'yu: teoriya i praktika: tez. dokl. XI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Mogilev, 7 aprelya 2023 g.)* [Fighting crime: theory and practice: proceedings of the XIth International scientific and practical conference (Mogilev, April 7, 2023)]. Mogilev, 2023. Pp. 312–318. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

БОРИС ЯКОВЛЕВИЧ ГАВРИЛОВ – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, Москва, Россия, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России, Рязань, Россия, profgavriloV@yandex.ru

ЮЛИЯ НИКОЛАЕВНА СПИРИДОНОВА – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, upkiord@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4466-125X>

МАТВЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ПЬЯНКОВ – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Московского финансово-юридического университета МФЮА, Москва, Россия, matwcha@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4087-6050>

BORIS Ya. GAVRILOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, professor at the Department of Management of Crime Investigation Bodies of the Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Moscow, Russia, professor at the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, profgavriloV@ya.ru

YULIYA N. SPIRIDONOVA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, upkiord@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4466-125X>

MATVEI N. P'YANKOV – Candidate of Sciences (Law), Senior Researcher at the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, associate professor at the Department of Criminal Law Disciplines of the Moscow University of Finance and Law MFUA, Moscow, Russia, matwcha@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4087-6050>

Статья поступила 29.09.23

Научная статья

УДК 343

doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.015

Понятие религиозного экстремизма как юридическая категория

ЭЛЬЧИН ВАДИМОВИЧ ГАСАНОВ

Оперативное управление УФСИН России по г. Москве, Москва,
Россия, elgas96@bk.ru

Аннотация. В статье излагаются основные научные подходы к понятию «экстремизм», констатируется факт отсутствия его правовой закреплённости. Рассматриваются признаки экстремизма, исследуется понятие религиозности, выделяются черты религиозного человека, опосредованно влияющие на его участие в деятельности экстремистских организаций религиозного толка. Анализируется юридический смысл соотношения традиционных и нетрадиционных религий, характеризуются основные черты нетрадиционных религий, представляющие общественную опасность. Формулируется авторская редакция понятия «религиозный экстремизм».

Ключевые слова: экстремизм; религиозный экстремизм; религиозность; нетрадиционные религии; противоправность.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Гасанов Э. В. Понятие религиозного экстремизма как юридическая категория // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 4 (24). С. 139–144. doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.015.

Original article

Concept of Religious Extremism as a Legal Category

EL'CHIN V. GASANOV

Operational Department of the Directorate of the FPS of Russia in
Moscow, Moscow, Russia, elgas96@bk.ru

Abstract. The article outlines key scientific approaches to the concept “extremism” and concludes that it is not legally fixed. Extremism elements are considered, the religiosity concept is studied, and features of a religious person indirectly influencing his participation in the activities of extremist organizations are highlighted. The legal meaning of the correlation between traditional and non-traditional religions is analyzed and the main features of non-traditional religions that pose a public danger are characterized. The author’s version of the concept “religious extremism” is formulated.

Key words: extremism; religious extremism; religiosity; non-traditional religions; illegality.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Gasanov E.V. Concept of religious extremism as a legal category. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 4 (24), pp. 139–144. doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.015.

Сегодня во всем мире получили широкое распространение различные религиозные идеологии и движения. Некоторые вероубеждения опираются на достоверные с теологической и исторической точки зрения источники и развиваются в соответствии с разумом и логикой. Однако существуют и религиозные группы, относящиеся к системе совершенно противоположного характера, в основе идеологии которых могут содержаться умозаключения, отклоняющиеся от традиционного образа мыслей, развивающиеся под влиянием различных политических, общественных или личных интересов. В погоне за достижением своих корыстных целей руководители подобных движений нередко используют деструктивные меры, которые при самых отрицательных сценариях могут выражаться в совершении противоправных, преступных действий. Против таких действий используются меры государственного принуждения, в первую очередь возможности правоохранительных органов.

Подпитанная религиозным мышлением преступная деятельность порождает такое негативное явление, как религиозный экстремизм. Для того чтобы разобраться в указанной противоправной деятельности, необходимо обратиться к определению понятия «экстремизм».

Экстремизм (от лат. «*extremus*» – крайний) как явление сформировалось с древних времен и происходит из содержания латинских терминов «*extremitas*» и «*extremus*». Термин «*extremitas mundi*» понимали как «границу мира», определяя самый главный признак экстремизма – крайность. В научный оборот термин «экстремизм» в начале XX в. ввел политический деятель М. Лерой, исходя из складывающейся в тот период времени политической обстановки, и понимал под ним радикальные методы ведения политической борьбы [7].

В русском языке слово «экстремизм» впервые было закреплено в справочной литературе в XX в. Однако оно до сих пор не получило четкого юридического закрепления. В нормативных правовых актах, в частности в Федеральном законе от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», содержится лишь перечень действий, относящихся к экстремистской деятельности, но не раскрываются ни понятие, ни его классификации. В современной же науке данному явлению уделяется пристальное внимание, существуют различные подходы к изучаемому определению. Так, например, Д. Назиров отмечает следующее: «экстремизм означает негативную крайность, не созидательную, а социально деструктивную. В отличие от экстремальности, экстремизм всегда несет с собой личностное начало, которое характеризуется эгоцентризмом и своеволием. Поэтому экстремистскими являются только те действия, которые превышают необходимую степень воздействия, в независимости от применяемых средств: физического, морального или экономического принуждения, ибо при таком воздействии нельзя не осознавать последствий и не быть злоумышленником» [2, с. 113].

В. В. Ревина и А. С. Ржевский под экстремизмом понимают действия, которые совершаются различными организациями и объединениями общественного и религиозного толка, достижение целей которых неразрывно связано с совершением противоправных насильственных действий, не вписывающихся как в общечеловеческие ценности, так и правовое поле государства [3, с. 19].

Представляет интерес и мнение А. Г. Хлебушкина, который под изучаемым явлением предлагает понимать незаконную деятельность, направленную на совершение правонарушений, сопряженную с причинением или создающую угрозу причинения вреда в первую очередь конституционному строю государства [4, с. 27].

Представители иных наук также уделяют значительное внимание проблематике экстремизма, рассматривая изучаемое противоправное явление с несколько иного ракурса. Так, по мнению Х. Ш. Киясханова, экстремизм содержит в своей деятельности в первую очередь радикальность, которая направлена на изменение устоявшихся в обществе правил поведения и существующих правовых отношений [5, с. 14].

Очевидно, что каждый автор дает определение экстремизма через призму своих научных интересов, при этом затрагивая те или иные признаки изучаемого явления.

Таким образом, можно выделить следующие признаки экстремизма:

– во-первых, это политическое противостояние, формирующееся в определенный исторический период. Данный признак определяет мотивационную сторону явления, которую считаем основой следующего признака;

– во-вторых, он совершается по политическим, идеологическим, расовым, национальным и религиозным побуждениям;

– в-третьих, посягает на общественную безопасность, нормальное функционирование конституционного строя, а также мира и безопасности человечества, что делает его исключительно противоправным.

Одной из составляющих рассматриваемой противоправной деятельности, как ни парадоксально, является религия – один из источников общественного идеологического развития.

В своих трудах профессор И. Н. Яблоков отмечал, что «религиозность – качество индивида и группы, выражающееся в совокупности религиозных свойств сознания, поведения, отношений» [6, с. 460]. Данное высказывание указывает на то, что у религиозного человека имеется своеобразное восприятие действительности, продиктованное складом его сознания, которое формирует его поведенческие особенности в общественной жизни.

Представляется необходимым, на наш взгляд, уделить внимание мнению профессора Р. А. Лопаткина, который, рассматривая религиозность, подразумевал под ней «определенное состояние индивидов и человеческих общностей различного масштаба, отличительной чертой которого является вера в Бога (и сверхъестественное) и поклонение ему, их приверженность к религии и принятие ее вероучения и предписаний» [7, с. 194]. Схожей позиции придерживается и П. Л. Бергер, который указывал: «то, что обычно называется религией, включает в себя набор установок, верований и действий, связанных с двумя типами опыта – опытом сверхъестественного и опытом священного» [8, с. 346].

Можно сделать вывод, что религия в сознании человека создает особое мировосприятие, влияющее не его поведение и поступки.

С точки зрения психологии вера является состоянием психики, выражающимся в особом восприятии разумом человека его существования, которое оказывает влияние на его мышление и принятие решений.

Обобщая различные подходы к понятию религиозности, выделим основные черты религиозного человека, опосредованно влияющие на его участие в деятельности экстремистских организаций религиозного толка:

а) наличие религиозно-мистического опыта, где центральное ядро – любовь к Богу. Данный опыт и позволяет человеку открыть новое «чувственное» восприятие мира, согласно которому его поведение и поступки определяются нормами дозволенности и одобрения, определенными Всевышним;

б) человек лишен страха, любые трудности и испытания воспринимаются им как воля Всевышнего, которую нужно с покорностью принять;

в) стремление воссоединиться с общиной единоверцев, «братьями и сестрами».

Религиозность определяет степень влияния религии на сознание и поведение человека. В данном контексте важно обратить внимание на тот факт, что ранее в российской истории имели место лишь мировые религии. Однако в настоящее время широкое распространение получил такой социокультурный феномен, как глобальность религиозных движений. Особую опасность, на наш взгляд, представляет модернизация религиозных учений, когда маргинальные религиозные объединения, развивая вероучение, отступают от наиболее существенных догматов «исходной» религии. Последствием такого развития становится зарождение нетрадиционной религиозности. Следует подчеркнуть, что данное понятие указывает на несоответствие этого типа религиозности религиозной традиции.

В этой связи на сегодняшний день все чаще и в юриспруденции, и в иных научных отраслях встречается дефиниция «нетрадиционные религии», которая подразумевает существование религий, отнесенных к категории традиционных. Н. А. Трофимчук, изучая религии, отнесенные к группе традиционных, выделял их критерии. Первый критерий он связывал с временными рамками существования конфессии, значительную продолжительность. При этом немаловажное значение автор уделяет тому обстоятельству, чтобы опыт, накопленный за определенные промежутки, должен передаваться следующим поколениям последователей. В рамках второго критерия автором рассматриваются уже территориальные рамки, то есть границы государства, где эта религия и развивается. В качестве третьего критерия выделяется проникновение религиозных постулатов во все сферы жизнедеятельности общества: быт, праздники и обряды, сказания и мифы, культура и др. В свою очередь, у нетрадиционных религий данные критерии либо отсутствуют, либо значительно искажены. Из вышеизложенного можно сделать вывод, что критерии нетрадиционных отдельных религий не соответствуют общепринятым традиционным нормам и правилам поведения.

Для нашего государства традиционными являются такие религии, как христианство, ислам, иудаизм и буддизм. Данные религии получили историческое гармоничное развитие в рамках правового поля Российской Федерации, законодательство которой обеспечивает всем верующим право на свободу вероисповедания. Вместе с тем феномен нетрадиционных религий не обошел наше государство стороной, при этом главным негативным фактором является несоблюдение нетрадиционны-

ми религиями норм не только традиционного вероучения, но и российского права. Противопоставление вероучения законодательству выступает источником преступной деятельности и зарождения экстремизма.

Таким образом, под религиозным экстремизмом мы предлагаем понимать антиобщественную и/или общественно опасную деятельность нетрадиционных религиозных объединений, направленную на совершение преступлений и иных правонарушений, посягающих на общественную безопасность, нормальное функционирование конституционного строя, а также мира и безопасности человечества, предусмотренных национальным законодательством и/или международными правовыми актами, осуществляемую по религиозным убеждениям.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Писаренко О. Н. Экстремизм как социальное явление // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 9. С. 212–219.
2. Назиров Д. Проблемы терроризма, религиозного экстремизма и пути их преодоления : дис. ... д-ра филос. наук. Душанбе, 2009. 345 с.
3. Ревина В. В. Экстремизм в российском уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 188 с.
4. Хлебушкин А. Г. Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ : моногр. / отв. ред. Н. А. Лопашенко. Саратов, 2007. 159 с.
5. Килиясханов Х. Ш. Социально-философский анализ феномена политического экстремизма в условиях реформирования российского общества : дис. ... канд. филос. наук. М., 2007. 165 с.
6. Яблоков И. Н. Религиоведение : учеб. пособ. М., 1998.
7. Государственно-церковные отношения в России (опыт прошлого и современное состояние) / Л. А. Баширов, Ю. Е. Григорьева, Ю. М. Дегтярев [и др.]. М., 1996. 252 с.
8. Бергер П. Л. Религиозный опыт и традиция // Религия и общество: хрестоматия по социологии религии / сост. В. И. Гараджа, Е. Д. Руткевич. М., 1996. 775 с.

REFERENCES

1. Pisarenko O.N. Extremism as a social phenomenon. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy = Scientific Problems of Humanitarian Research*, 2010, no. 9, pp. 212–219. (In Russ.).
2. Nazirov D. *Problemy terrorizma, religioznogo ekstremizma i puti ikh preodoleniya: dis. ... d-ra filos. nauk* [Problems of terrorism, religious extremism and ways to overcome them: Doctor of Philosophy dissertation]. Dushanbe, 2009. 345 p.
3. Revina V.V. *Ekstremizm v rossiiskom ugovnom prave: dis. ... kand. yurid. nauk* [Extremism in Russian criminal law: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 188 p.
4. Khlebushkin A.G. *Ekstremizm: ugovno-pravovoi i ugovno-politicheskii analiz: monogr.* [Extremism: criminal-legal and criminal-political analysis: monograph]. Ed. by Lopashenko N.A. Saratov, 2007. 159 p.
5. Kilyashkanov Kh.Sh. *Sotsial'no-filosofskii analiz fenomena politicheskogo ekstremizma v usloviyakh reformirovaniya rossiiskogo obshchestva: dis. ... kand. filos. nauk* [Sociophilosophical analysis of the phenomenon of political extremism in the context of reforming Russian society: Candidate of Sciences (Philology) dissertation]. Moscow, 2007. 165 p.
6. Yablokov I.N. *Religiovedenie: ucheb. posob.* [Religious studies: study guide]. Moscow, 1998. (In Russ.).

7. Bashirov L.A., Grigor'eva Yu.E., Degtyarev Yu.M. et al. *Gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniya v Rossii (opyt proshlogo i sovremennoe sostoyanie)* [State-church relations in Russia (past experience and current state)]. Moscow, 1996. 252 p.

8. Berger P.L. Religious experience and tradition. In: *Religiya i obshchestvo: khrestomatiya po sotsiologii religii* [Religion and society: anthology on the sociology of religion]. Moscow, 1996. 775 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЭЛЬЧИН ВАДИМОВИЧ ГАСАНОВ – старший оперуполномоченный по особо важным делам отдела по борьбе с организованной преступностью и терроризмом, экстремизмом оперативного управления УФСИН России по г. Москве, Москва, Россия, elgas96@bk.ru

EL'CHIN V. GASANOV – Senior Operative for the Most Important Cases of the Unit for Combating Organized Crime and Terrorism, Extremism of the Operational Department of the Directorate of the FPS of Russia in Moscow, Moscow, Russia, elgas96@bk.ru

Статья поступила 24.04.2023

Научная статья

УДК 343.1

doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.016

Некоторые проблемы правовой регламентации неотложных следственных действий в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации

ЮРИЙ ИВАНОВИЧ ДУТОВ

Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I, Воронеж, Россия, puschay@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5674-0639>

НИКОЛАЙ ЮРЬЕВИЧ ДУТОВ

Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия, dutov.nick@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7107-1074>

ИЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВИЧ ТИТОВ

Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия, titov.999@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-8543-3508>

Аннотация. В статье рассмотрены нормы уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующие институт неотложных следственных действий. Проанализировано понятие неотложных следственных действий, исследована классификация субъектов, наделенных правом их проведения, а также выделены проблемы правовой регламентации данного института. Сформулированы предложения по законодательной корректировке института неотложных следственных действий.

Ключевые слова: неотложные следственные действия; участники уголовного судопроизводства; органы дознания; дознаватель; следователь.

5.1.4 Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Дутов Ю. И., Дутов Н. Ю., Титов И. А. Некоторые проблемы правовой регламентации неотложных следственных действий в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации // *Ius publicum et privatum*: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2023. № 4 (24). С. 145–153. doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.016.

Original article

Some Problems of Legal Regulation of Urgent Investigative Actions in the Criminal Procedural Code of Russian Federation

YURII I. DUTOV

Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter the Great, Voronezh, Russia, puschay@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5674-0639>

NIKOLAI Yu. DUTOV

Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russia, dutov.nick@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7107-1074>

IL'YA A. TITOV

Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russia, titov.999@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-8543-3508>

Abstract. This article considers norms of the criminal procedure legislation of the Russian Federation governing the institution of urgent investigative actions. The concept of urgent investigative actions is analyzed, the classification of subjects entitled to conduct them is studied, and the problems of legal regulation of this institution are highlighted. The article formulates proposals for legislative amendment of the institute of urgent investigative actions.

Key words: urgent investigative actions; participants in criminal proceedings; inquiry bodies; inquirer; investigator.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Dutov Yu.I., Dutov N.Yu., Titov I.A. Some problems of legal regulation of urgent investigative actions in the Criminal Procedural Code of Russian Federation. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 4 (24), pp. 145–153. doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.016.

Уголовное судопроизводство в России предполагает две основные формы расследования уголовного дела – предварительное следствие и дознание. При этом для производства указанных форм расследования законом предусмотрены базовые специальные субъекты – следователь и дознаватель. Данные субъекты расследуют преступления исходя из правил подследственности, согласно которым каждое преступление обладает определенными признаками и отнесено к конкретному органу или должностному лицу, уполномоченному проводить расследование. Однако на практике нередко возникают ситуации, когда следователь не может прибыть на место преступления по объективным причинам. Для таких ситуаций УПК РФ предусматривает возможность производства неотложных следственных действий органом дознания в порядке ст. 157 УПК РФ, при этом производство данных действий не отнесено к отдельной форме предварительного расследования.

Согласно п. 19 ст. 5 УПК РФ под неотложными следственными действиями понимаются действия, осуществляемые органом дознания после возбуждения уго-

ловного дела, по которому производство предварительного следствия обязательно, в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования. Из данного определения следует, что неотложные следственные действия могут провести исключительно органы дознания, что, на наш взгляд, не учитывает другие нормы уголовно-процессуального кодекса и вызывает дискуссии в научной среде.

Сам термин «неотложные следственные действия» в современном понимании появился в ст. 119 УПК РСФСР 1960 г. и регламентировал деятельность органов дознания по делам, по которым обязательно проведение предварительного следствия. Однако в отличие от УПК РФ законодательного определения этому понятию в УПК РСФСР дано не было. Отдельно стоит отметить, что и в ряде стран СНГ уголовно-процессуальный закон не содержит определения неотложных следственных действий. Например, Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан использует категорию «неотложные следственные действия» (ч. 6 ст. 60, ч. 3 ст. 62, ч. 4 ст. 63), но в ст. 7 «Разъяснение некоторых понятий, содержащихся в настоящем Кодексе» он не содержит определения данных действий. Указанное обстоятельство, на наш взгляд, является упущением законодателя.

В период действия УПК РСФСР емкое определение неотложных следственных действий сформулировал Л. Е. Сигалов, который рассматривал неотложные следственные действия как систему незаменимых и неповторимых процессуальных действий, осуществляемых в установленном уголовно-процессуальным законом порядке на первоначальном этапе предварительного расследования, производство которых невозможно отложить без ущерба для предотвращения, пресечения и раскрытия преступления, обнаружения и закрепления следов содеянного, а равно установления лиц, его совершивших [1, с. 6]. Таким образом, автор исходил из того, что данные действия не только следственные, но и процессуальные, но при этом само определение не учитывает уполномоченных на их проведение субъектов.

УПК РФ определяет, что правом проведения следственного действия наделены органы дознания. Перечень органов дознания, уполномоченных проводить неотложные следственные действия, содержится в ст. 157 УПК РФ с четкой регламентацией компетенций. Сам перечень носит ограничительный характер с конкретным указанием на возможность производства неотложных следственных действий в контексте деятельности данного органа дознания (например, ФСБ производит неотложные следственные действия только при обнаружении признаков преступления, подследственных следователям этого же ведомства). При этом отдельно определен дознаватель органов внутренних дел как универсальный субъект производства неотложных следственных действий, но по делам, не подпадающим в компетенцию вышеперечисленных в статье органов дознания.

Помимо указанных органов ст. 157 УПК РФ также выделяет и иных должностных лиц, уполномоченных проводить неотложные следственные действия. В частности, их могут осуществлять: капитаны морских и речных судов, находящиеся в дальнем плавании, руководители геологоразведочных партий и зимовок, а также дипломатических представительств и консульских учреждений Российской Федерации. В данном случае ответственные за руководство морскими и речными судами, геолого-разведочными группами, зимовками, а также дипломатическими представи-

тельствами и консульскими учреждениями Российской Федерации, находящимися в отдаленных регионах, обязаны инициировать уголовные дела, связанные с преступлениями, вызванными деятельностью их подчиненных (ч. 3 ст. 40 УК РФ), а также проводить следственные действия, учитывая их удаленность от органов, обычно занимающихся расследованием.

Само перечисление этих должностных лиц напрямую включает в себя признак территориальности или какой-то обособленности в определенных границах объекта. Следовательно, данные должностные лица могут инициировать производство неотложных следственных действий только в случае отсутствия возможности прибытия сотрудников следственных подразделений из-за удаленности от ближайшего органа расследования. Расстояние такой удаленности законодателем не указано, но мы считаем, что оно должно коррелироваться с возможностью утраты доказательств, и если, например, речное судно может в течение дня прибыть в порт, где есть органы расследования и это не повлечет утрату доказательств, то необходимости возбуждения уголовного дела в рамках, не терпящих отлагательства, нет. Стоит также отметить, что в данном случае законодатель не указывает какой-либо ведомственной принадлежности данных должностных лиц, и, следовательно, не совсем ясно, как этих лиц с точки зрения закона можно соотносить с правом занимать обозначенные должности, но, исходя из логики построения ст. 157 УПК РФ, данные лица не должны относиться к органам дознания, указанным в статье.

Отметим, что УПК РСФСР 1960 г. выделял только две категории должностных лиц, отнесенных к органам дознания и уполномоченных осуществлять неотложные следственные действия, – капитанов морских судов, находящихся в дальнем плавании, и начальников зимовок в период отсутствия транспортных связей с зимовкой (ст. 117). Следовательно, УПК РФ существенно расширил как перечень должностных лиц, уполномоченных осуществлять неотложные следственные действия, так и определение территориальной удаленности (в частности, добавив категорию речных судов и т. д.).

Таким образом, исходя из норм УПК РФ можно сделать вывод, что исключительно данные органы и должностные лица органов дознания могут осуществлять неотложные следственные действия. Однако этот вывод не соотносится с другими положениями УПК РФ. Так, согласно ч. 5 ст. 152 УПК РФ правом проведения неотложных следственных действий наделен также следователь и дознаватель. В частности, указанные лица обязаны провести неотложные следственные действия, если уголовное дело им не подследственно, а затем передать его руководителю следственного органа или прокурору. Данное положение закона выглядит логичным и позволяет указанным субъектам, оказавшемся на месте происшествия, среагировать должным образом и провести неотложные следственные действия [2]. Но при этом не совсем ясно, что именно подразумевал законодатель, включая категорию «неотложные следственные действия» в данную статью, так как следователь не включен в перечень лиц, уполномоченных осуществлять данные действия. В настоящее время УПК РФ предусматривает широкие возможности для следователя и дознавателя по производству следственных действий до возбуждения уголовного дела, которые позволяют закрепить все возможные следы преступления, не прибегая к возбуждению уголовного дела.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что сформулированное законодателем определение неотложных следственных действий представляется неполным и требует корректировки. В данном вопросе нам близка позиция Л. П. Плесневой и С. В. Унжаковой, которые предлагают добавить в определение неотложных следственных действий следователя и дознавателя как субъектов, уполномоченных на их проведение. В частности, указанные авторы рекомендуют под неотложными следственными действиями понимать действия, осуществляемые органом дознания, дознавателем, следователем в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования [3]. Однако мы считаем, что необходимо вообще исключить конкретизацию субъектов, уполномоченных осуществлять данные действия, и изложить п. 19 ст. 5 УПК РФ в следующей редакции: «Неотложные следственные действия – это следственные действия, направленные на обнаружение и фиксацию следов преступления и доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования». А саму конкретизацию субъектов, уполномоченных их осуществлять, дополнить следователем и дознавателем уже в рамках ч. 1 ст. 157 УПК РФ. Данное определение исключает и такой аспект, как наличие возбужденного уголовного дела, что, на наш взгляд, не отражает текущую редакцию уголовно-процессуального кодекса. Первоначальная редакция УПК РФ 2001 г. разрешала до возбуждения уголовного дела проводить только следственные действия, направленные на закрепление следов преступления (осмотр места происшествия, освидетельствование, назначение судебной экспертизы), при этом текущая редакция ст. 144 УПК РФ предполагает при проверке сообщения о преступлении применение намного более широкого круга следственных действий. Учитывая логику действующего определения неотложных следственных действий, любые следственные действия должны проводиться после возбуждения уголовного дела. Мы считаем, что возбуждение уголовного дела в рамках неотложных следственных действий необходимо в первую очередь именно в контексте принятия дела к производству органом дознания (дознавателем, следователем), а не как обоснование для начала осуществления каких-либо следственных действий. Именно вероятность осуществления процессуальных действий, которые возможны после возбуждения уголовного дела, вызывает необходимость производства неотложных следственных действий, в частности задержание лица, совершившего преступление.

Часть 3 ст. 157 УПК РФ указывает, что после производства неотложных следственных действий и не позднее 10 суток со дня возбуждения уголовного дела орган дознания направляет уголовное дело руководителю следственного органа в соответствии с п. 3 ст. 149 УПК РФ. На наш взгляд, исключение законодателем прокурора как посредника при передаче дела от органа дознания в орган предварительного следствия выглядит неверным. Первоначальная редакция УПК РФ 2001 г. предполагала направление органом дознания дела прокурору, но в связи с изменениями 2007 г. и формированием фигуры руководителя следственного органа передача дела была передана новому должностному лицу. Из-за этого аспекта следователь обязан провести неотложные следственные действия, если уголовное дело ему не подследственно, а затем передать его руководителю своего же следственного органа, тем самым контроль на данном этапе будет формализованным. При

этом согласно ч. 5 ст. 152 УПК РФ в случае производства неотложных следственных действий дознавателем дело передается прокурору для направления по подследственности. Мы считаем, что в данном случае должный контроль может быть осуществлен, если такое дело было бы передано прокурору, а не руководителю следственного органа, как было ранее в УПК РФ до 2007 г. [4]. Исходя из этого, при формировании регламентации проведения неотложных следственных действий законодатель не включил в него ситуацию, описываемую в ч. 5 ст. 152 УПК РФ. Несмотря на то что в ч. 5 ст. 152 УПК РФ вносились изменения в 2007 г., они не затронули саму ситуацию, а просто добавили руководителя следственного органа, тем самым законодатель не отразил роль прокурора в уголовном процессе, который, согласно ч. 8 ст. 151 УПК РФ, разрешает споры о подследственности уголовного дела.

В этом контексте важно отразить, что, согласно ч. 4 ст. 146 УПК РФ, при возбуждении уголовного дела капитанами морских или речных судов, находящимися в дальнем плавании, руководителями геолого-разведочных партий или зимовок, начальниками российских антарктических станций или сезонных полевых баз, удаленных от мест расположения органов дознания, главами дипломатических представительств или консульских учреждений Российской Федерации прокурор незамедлительно уведомляется указанными лицами о начале расследования. Именно прокурор, а не руководитель следственного органа. Однако сама форма такого уведомления не ясна, как и какой именно прокурор должен быть уведомлен, если судно, к примеру, находится за пределами Российской Федерации. При этом само постановление о возбуждении уголовного дела передается прокурору незамедлительно при появлении для этого реальной возможности.

Для указанных должностных лиц законодатель не определяет, какое расстояние от органов расследования должно быть, чтобы данные лица могли возбудить уголовное дело. Таким образом, сама норма носит отсылочную конструкцию. Например, ст. 69 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации гласит, что при обнаружении на судне, находящемся в прибрежном или заграничном плавании, признаков преступления его капитан выступает в качестве органа дознания, руководствуясь при этом УПК РФ. Сам же термин «дальнее плавание» в действующем уголовно-процессуальном кодексе не раскрывается. В частности, в приказе Минморфлота СССР от 20.02.1991 № 17 «Об утверждении Инструкции о порядке выдачи дипломов и квалификационных свидетельств на звания лиц командного состава морских судов специалистам, окончившим военно-морские учебные заведения» перечисляются места, относящиеся к ближнему плаванию, а в конце указано, что под дальним плаванием понимается всякое морское плавание за пределы ближнего плавания, а именно более 250 морских миль от пункта отхода с удалением от берега более 50 морских миль. Таким образом, законодатель в УПК РФ допускает использование терминологии, не имеющей четкого нормативного закрепления, что вызывает субъективизм в принятии решения о начале производства неотложных следственных действий. Наиболее подробно данный вопрос был изучен В. Ю. Стельмахом, который на основе анализа различных нормативных актов, регулирующих служебную деятельность данных должностных лиц, указывает на противоречивость норм УПК РФ с иными законодательными и подзаконными актами, регламентирующими деятельность при обнаружении преступления на судне, находящемся в даль-

нем плавании [5]. Помимо этого, автор указывает на различие формулировок, устанавливающих полномочия капитана в Кодексе торгового мореплавания Российской Федерации и Кодексе внутреннего водного транспорта Российской Федерации.

Необходимо подчеркнуть, что капитаны морских или речных судов, руководители геолого-разведочных партий или зимовок, начальники российских антарктических станций или сезонных полевых баз, главы дипломатических представительств или консульских учреждений Российской Федерации не специализируются на расследовании преступлений, а следовательно, вероятность совершения ошибок при производстве неотложных следственных действий возрастает, и как факт – возникает возможность утраты доказательств, что уже противоречит самим целям производства неотложных следственных действий. Сама специфика производства неотложных следственных действий связана с неожиданным возникновением необходимости их производства, отсутствием должной подготовки к их проведению, необычностью условий и места их производства. В этой связи Н. Г. Шурухнов справедливо отмечает тот факт, что налицо сложности их производства даже для профессионалов, которые имеют опыт и готовы к их осуществлению в разное время суток и в любой обстановке [6]. Поэтому качество полученных доказательств будет вызывать сомнения при их исследовании в суде. В этой ситуации мы считаем необходимым рассмотреть возможность привлечения следователя-криминалиста посредством видео-конференц-связи для оказания помощи должностным лицам, которые могут не обладать навыками производства конкретных следственных действий. Но в то же время все упирается в техническую возможность использования средств связи и возможности передачи большего объема данных из удаленных мест. Не редки случаи отсутствия вообще какой-либо связи на удаленном месте происшествия (даже телефонной), что не позволяет даже уведомить прокурора о возбуждении уголовного дела. Конечно, данный вопрос требует детального изучения и обоснования технической возможности, но он позволит избежать процессуальных ошибок.

Как мы указали выше, неотложные следственные действия предполагают и принятие соответствующих процессуальных решений, в частности задержание подозреваемого. Однако УПК РФ не содержит каких-либо пояснений по особенностям соблюдения сроков и места задержания подозреваемого при производстве неотложных следственных действий в удаленной от органов дознания местности. Также закон не перечисляет, какие именно следственные действия можно проводить в рамках неотложных следственных действий, тем самым не ограничивая лицо, производящее расследование, в их выборе. Однако в законе не сформулированы принципы получения судебного разрешения на производство следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан при производстве неотложных следственных действий. В какой суд может обратиться тот же дознаватель, если даже следователь не может прибыть на удаленную территорию? Кто должен согласовывать такое постановление? При этом производство следственного действия в рамках неотложных следственных действий, согласно ч. 5 ст. 165 УПК РФ, предполагает уведомление судьи и прокурора о нем в течение трех суток. В этой связи мы поддерживаем позицию В. Ю. Стельмаха, который предлагает провести

проверку судом законности действий органа дознания в рамках неотложных следственных действий после передачи материалов в следственный орган.

Таким образом, неотложные следственные действия являются важным элементом уголовного судопроизводства, позволяющим оперативно реагировать на совершение преступления и закреплять необходимые доказательства. Однако правовая регламентация неотложных следственных действий в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации требует корректировки и уточнения. Предложенные нами изменения в законодательную регламентацию производства неотложных следственных действий позволят устранить их неправильное толкование и избежать ошибок при их производстве.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сигалов Л. Е. Взаимодействие следователя прокуратуры и органов милиции при расследовании и предупреждении преступлений. М., 1964. 137 с.
2. Дутов Ю. И., Дутов Н. Ю. Особенности производства органами дознания неотложных следственных действий по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно // Теория и практика инновационных технологий в АПК : материалы науч. и учеб.-метод. конф. науч.-пед. работников и аспирантов ВГАУ / под общ. ред. В. Н. Плаксина. Воронеж, 2018. С. 315–317.
3. Плесева Л. П., Унжакова С. В. Понятие неотложных следственных действий // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2015. № 3 (74). С. 18–21.
4. Дутов Ю. И., Дутов Н. Ю. Понятие и роль прокурора в досудебном производстве по уголовным делам // *Ius Publicum et Privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2022. № 4 (19). С. 142–151.
5. Стельмах В. Ю. Особенности уголовно-процессуальной деятельности в дальнем плавании, на территории экспедиций и зимовок, в Антарктике, на территории дипломатических и консульских представительств Российской Федерации // Журнал российского права. 2017. № 6 (246). С. 125–133.
6. Шурухнов Н. Г. Качество неотложных следственных действий как необходимое условие эффективности расследования: к проблеме использования информационных технологий // Российский следователь. 2020. № 8. С. 18–22.

REFERENCES

1. Sigalov L.E. *Vzaimodeistvie sledovatelya prokuratury i organov militsii pri rassledovanii i preduprezhdenii prestuplenii* [Interaction of the investigator of the prosecutor's office and police authorities in the investigation and prevention of crimes]. Moscow, 1964. 137 p.
2. Dutov Yu.I., Dutov N.Yu. Features of the production by the bodies of inquiry of urgent investigative actions in criminal cases, in which the production of a preliminary investigation is mandatory. In: Plaksin V.N. (Ed.). *Teoriya i praktika innovatsionnykh tekhnologii v APK: materialy nauch. i ucheb.-metod. konf. nauch.-ped. rabotnikov i aspirantov VGAU* [Theory and practice of innovative technologies in agriculture: materials of research and educational conference of teachers graduate students of the VGAU]. Voronezh, 2018. Pp. 315–317.
3. Plesneva L.P., Unzhakova S.V. The concept of urgent investigative actions. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2015, no. 3 (74), pp. 18–21.
4. Dutov Yu.I., Dutov N.Yu. Concept and role of the prosecutor in pre-trial proceedings in criminal cases. *Ius Publicum et Privatum: setevoi nauchno-prakticheskii zhurnal chastnogo i publichnogo prava = ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2022, no. 4 (19), pp. 142–151. (In Russ.).

5. Stel'makh V.Yu. Features of criminal procedural activities at the sea, on the territory of the expeditions and wintering in Antarctica, on the territory of diplomatic and consular missions of the Russian Federation. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2017, no. 6 (246), pp. 125–133. (In Russ.).

6. Shurukhnov N.G. The quality of urgent investigative actions as a precondition of the efficiency of investigation: on the issue of the information technology use. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2020, no. 8, pp. 18–22. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЮРИЙ ИВАНОВИЧ ДУТОВ – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры юридических дисциплин Воронежского государственного аграрного университета имени императора Петра I, Воронеж, Россия, puschay@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5674-0639>

НИКОЛАЙ ЮРЬЕВИЧ ДУТОВ – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Воронежского института МВД России, Воронеж, Россия, dutov.nick@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7107-1074>

ИЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВИЧ ТИТОВ – инспектор отделения воспитательной работы отдела морально-психологического обеспечения Воронежского института МВД России, Воронеж, Россия, titov.999@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-8543-3508>

YURII I. DUTOV – Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, associate professor at the Department of Legal Disciplines of the Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter the Great, Voronezh, Russia, puschay@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5674-0639>

NIKOLAI Yu. DUTOV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor of the Department of Criminal Procedure of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russia, dutov.nick@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7107-1074>

IL'YA A. TITOV – Inspector at the Department of Educational Work of the Department of Moral and Psychological Support of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russia, titov.999@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-8543-3508>

Статья поступила 04.10.2023

Научная статья

УДК 343.1

doi 0.46741/2713-2811.2023.24.4.017

Трансформация уголовного судопроизводства в эпоху цифровой революции

ИГОРЬ ИГОРЕВИЧ КАРТАШОВ

Воронежский филиал Государственного университета морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова, Воронеж, Россия, iik_vrn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0772-803X>

ИННА ИГОРЕВНА КАРТАШОВА

Филиал Воронежской областной коллегии адвокатов «Адвокатская контора Казакова Л. С.», Воронеж, Россия, iik.vrn@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-7761-3720>

Аннотация. Цифровые технологии, постепенно проникающие во все сферы жизни человека, не обошли стороной и отечественное судопроизводство. Исследовано развитие применения цифровых технологий на различных стадиях отечественного судопроизводства. Обозначены результаты, достигнутые в процессе цифровизации уголовно-процессуальной деятельности. Рассмотрены предложения о внесении в действующее законодательство изменений, расширяющих использование цифровых технологий в уголовном процессе, дана их оценка. Сделан вывод о том, что цифровизация уголовного судопроизводства в целом имеет положительное значение как для осуществления правосудия по уголовным делам, так и для всех участников уголовного судопроизводства, позволяя экономить время, ресурсы. Несмотря на положительные аспекты цифровая трансформация уголовного процесса порождает проблемы, требующие не только теоретического осмысления, но и совершенствования законодательства. Грамотные взвешенные решения в рассматриваемой сфере позволят быстрее и качественнее расследовать и рассматривать уголовные дела, гарантируя строгое соблюдение прав всех участников уголовного судопроизводства и защиту их законных интересов.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; цифровые технологии; цифровой документооборот; видео-конференц-связь; электронный документ.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Карташов И. И., Карташова И. И. Трансформация уголовного судопроизводства в эпоху цифровой революции // *Ius publicum et privatum*: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2023. № 4 (24). С. 154–161. doi 0.46741/2713-2811.2023.24.4.017.

Original article

Transformation of Criminal Justice in the Era of Digital Revolution

IGOR' I. KARTASHOV

Voronezh Branch of Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping, Voronezh, Russia, iik_vrn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0772-803X>

INNA I. KARTASHOVA

Branch of the Voronezh Regional Bar Association "Kazakov L.S. Law Office", Voronezh, Russia, iik.vrn@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-7761-3720>

Abstract. Digital technologies, widespread in all spheres of human life, are gradually penetrating in the domestic legal proceedings. The application of digital technologies at various stages of domestic legal proceedings is studied. The results achieved in the process of digitalization of criminal procedural activities are outlined. Proposals on amending current legislation by expanding the use of digital technologies in criminal proceedings are considered and assessed. It is concluded that digitalization of criminal proceedings as a whole has a positive value both for the administration of justice in criminal cases and for all participants in criminal proceedings, saving time and resources. Despite positive aspects, digital transformation of the criminal process creates problems that require not only theoretical understanding, but also improvement of legislation. Competent, balanced decisions in this area will allow for faster and better investigation and consideration of criminal cases, ensuring strict observance of the rights of all participants in criminal proceedings and protection of their legitimate interests.

Keywords: criminal proceedings; digital technologies; digital document management; video conferencing; electronic document.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Kartashov I.I., Kartashova I.I. Transformation of criminal justice in the era of digital revolution. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 4 (24), pp. 154–161. doi 0.46741/2713-2811.2023.24.4.017.

Внедрение новых цифровых технологий в уголовное судопроизводство осуществляется значительно медленнее, чем в любом другом виде государственной деятельности [1, с. 210]. В числе основных причин низких темпов цифровизации рассматриваемой сферы можно назвать как теоретические споры о необходимости такого рода изменений, так и проблемы, возникающие в части правовой регламентации [2; 3].

Использование цифровых технологий в судопроизводстве, по нашему мнению, можно условно разделить на два основных направления. Первое – цифровой документооборот, то есть все то, что связано с обращением в суд: представление документов, судебное делопроизводство и т. п. Второе направление, которое уже до-

статочно давно было апробировано и широко используется в производстве, – это применение средств видео-конференц-связи (ВКС).

Начало широкого применения цифрового документооборота в российском судопроизводстве было положено с принятием Федерального закона от 23.06.2016 № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти», который внес изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации.

Так, в УПК РФ после внесения изменений появилась возможность подачи в суд ходатайств, заявлений, жалоб или представлений, не содержащих сведений, составляющих охраняемую федеральным законом тайну, в форме электронного документа (ч. 1 ст. 474.1) посредством федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг» либо ведомственных и межведомственных информационных систем (ч. 2 ст. 474.1 УПК РФ). Обязательным условием в этом случае является наличие у лица, направившего такой документ, усиленной квалифицированной электронной подписи.

Отметим, что в настоящий момент среди подавляющего числа населения страны усиленная квалифицированная цифровая подпись не нашла широкого распространения по ряду причин [4, с. 124]. Это обстоятельство, по нашему мнению, не приведет к резкому увеличению количества документов, подаваемых в суд в цифровом виде. Многие участники уголовного судопроизводства будут действовать по-прежнему, подавая ходатайства и жалобы в бумажном виде [5, с. 70].

Кроме того, у суда появилась возможность изготовления решения также в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью. Исключениями являются решения, содержащие сведения, составляющие охраняемую федеральным законом тайну, затрагивающие безопасность государства, права и законные интересы несовершеннолетних, решения по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности (ч. 4 ст. 474.1 УПК РФ), что представляется нам верным и логичным.

Несмотря на существенный прогресс в части использования цифровых документов на судебных стадиях уголовного судопроизводства, отметим, что уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает аналогичного порядка осуществления делопроизводства на досудебных стадиях процесса. Полагаем, что назрела необходимость внесения соответствующих поправок в УПК РФ, которые предусматривали бы возможность обращения к дознавателю, начальнику подразделения дознания, начальнику органа дознания, следователю, руководителю следственного органа, прокурору с заявлением, ходатайством или жалобой в форме электронного документа.

В этой связи представляет интерес законопроект, внесенный в Государственную Думу Российской Федерации, предполагающий появление такой возможности [6]. Кроме того, проект предполагает возможность вручения обвиняемому, защитнику и потерпевшему копии обвинительного заключения в форме электронного документа, заверенного усиленной квалифицированной электронной подписью, путем вне-

сения соответствующих изменений в ст. 222 УПК РФ. В целом положительно оценивая данную законодательную инициативу, выскажем ряд замечаний.

Во-первых, авторы законопроекта предполагают, что обвинительное заключение в форме электронного документа может вручаться обвиняемому и другим участникам уголовного процесса наравне с бумажной. Вероятно, решение о том, в какой форме будет вручаться обвинительное заключение, должен принимать прокурор. Однако они не учли тот факт, что не все обвиняемые или потерпевшие могут располагать технической возможностью ознакомления с обвинительным заключением, представленным в электронном виде. По нашему мнению, это обстоятельство влечет за собой нарушение прав указанных участников процесса. Предлагаем дополнить законопроект положением, предусматривающим возможность выбора обвиняемым, защитником и потерпевшим, в какой форме они хотят получить обвинительное заключение: в форме электронного документа или в традиционном бумажном варианте.

Во-вторых, возникают сомнения в возможности реализации предложения о вручении обвиняемому, содержащемуся под стражей, копии обвинительного заключения, изготовленной в форме электронного документа «на представляемом органом предварительного расследования техническом средстве». Какие технические средства имеют в виду авторы законопроекта? Если, например, планшетные компьютеры, то каков будет порядок их выдачи, хранения в условиях следственного изолятора? Каким образом и где будет пользоваться им обвиняемый, знакомясь с обвинительным заключением? Таким образом, принятие изменений в предлагаемой авторами редакции повлечет за собой необходимость принятия нормативных актов, регламентирующих указанные аспекты. Кроме того, возникнет потребность в приобретении соответствующих технических средств, которая ляжет дополнительной существенной нагрузкой на государственный бюджет. В результате вместо упрощения процедуры судопроизводства и снижения процессуальных издержек мы получим обратный эффект.

Как нам представляется, основной проблемой внедрения цифрового документооборота в процессуальную деятельность прокурора, органов следствия и дознания, является необходимость их оснащения техническими средствами, дающими возможность работы с квалифицированной цифровой подписью, а также нежелание сотрудников отказываться от устоявшейся формы работы с документами [7].

Другим направлением цифровизации судопроизводства, как мы отметили ранее, является использование средств ВКС. В уголовном процессе использование видео-конференц-связи регламентируется рядом норм уголовно-процессуального закона: участие обвиняемого в судебном заседании при рассмотрении вопроса об изменении подсудности (ч. 6 ст. 35 УПК РФ); участие свидетеля и потерпевшего (ч. 4 ст. 240, ст. 278.1, ч. 2.1 ст. 399 УПК РФ); участие осужденного в судебном заседании суда апелляционной (ч. 2 ст. 389.12 УПК РФ), кассационной (ч. 2 ст. 401.13 УПК РФ) инстанций и при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора (ч. 2 ст. 399 УПК РФ) и некоторыми другими. Суд разрешает вопросы об использовании видео-конференц-связи в указанных случаях по собственной инициативе либо по ходатайству сторон.

В соответствии с п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.02.2009 № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» видео-конференц-связь может применяться и при рассмотрении судом жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ.

Принятие Федерального закона от 29.12.2022 № 610-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» существенно детализировало правовую регламентацию использования ВКС в уголовном судопроизводстве.

В частности, в УПК РФ была включена ст. 241.1 «Участие в судебном заседании путем использования систем видео-конференц-связи». Положения указанной статьи предусматривают, что участие подсудимого в судебном заседании непосредственно в зале суда становится необязательным. Исключение составляет рассмотрение дела судом с участием присяжных заседателей (ч. 4 ст. 241.1 УПК РФ). В иных случаях по ходатайству подсудимого, стороны или по инициативе суда участие подсудимого может осуществляться посредством видео-конференц-связи. Суд может принять соответствующее решение, «если имеются обстоятельства, исключающие возможность его участия в судебном заседании непосредственно» (ч. 1 ст. 241.1 УПК РФ). Такими обстоятельствами может быть все, что угодно: болезнь подсудимого, отсутствие достаточного количества конвоя или транспорта для доставки подсудимого в суд из следственного изолятора и т. д. Полагаем, что указанная норма, предполагающая столь широкую трактовку, может негативно повлиять на соблюдение прав подсудимого.

При рассмотрении дел о тяжких и особо тяжких преступлениях в целях обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства при наличии технической возможности суд вправе по ходатайству любой из сторон принять решение об участии в судебном заседании подсудимого, содержащегося под стражей, путем использования систем видео-конференц-связи (ч. 2 ст. 241.1 УПК РФ).

Обязательным условием рассмотрения дела при участии подсудимого в судебном заседании посредством видео-конференц-связи является участие защитника (ч. 3 ст. 241.1 УПК РФ). Однако из положений статьи непонятно: участие защитника должно быть в этом случае непосредственным или тоже может осуществляться посредством видео-конференц-связи; может ли защитник находиться рядом со своим доверителем, например в следственном изоляторе, или он обязан присутствовать в зале судебного заседания?

Вызывает вопросы и порядок реализации нормы ч. 9 ст. 241.1 УПК РФ о предоставлении возможности беспрепятственного конфиденциального общения защитника с подсудимым, содержащимся под стражей и участвующим в заседании путем использования видео-конференц-связи. Если это будет реализовано так же, как делается сейчас – путем покидания всеми участниками процесса зала судебного заседания на время общения защитника со своим доверителем, то процесс может затянуться на продолжительное время.

Длительность заседания будет также увеличиваться при участии в нем нескольких участников посредством ВКС, поскольку определенное время будет занимать решение технических вопросов при нынешнем качестве используемой связи.

Наконец, при использовании в ходе судебного заседания видео-конференц-связи будет затруднено установление психологического контакта между судьей и лицом, участвующим в процессе дистанционно [8, с. 779].

Недавно Минюст России опубликовал для общественного обсуждения проект поправок, согласно которым предлагается предусмотреть возможность проведения посредством ВКС свидания защитника с обвиняемым и подозреваемым, находящимися в СИЗО (ИВС) [9]. Появление подобной инициативы было предсказуемо, особенно в условиях пандемии коронавируса, когда очные свидания защитников со своими доверителями, помещенными в следственные изоляторы, были либо затруднены, либо в некоторых случаях невозможны. Даже в условиях отсутствия пандемийных ограничений рассматриваемая инициатива не потеряла своей актуальности, поскольку направлена в том числе на разгрузку кабинетов следственного изолятора, в которых проводятся встречи, и уменьшение очереди защитников. В этой связи логично предположить, что помещение, которое используется защитником при осуществлении свидания со своим доверителем по видео-конференц-связи, должно находиться за пределами изолятора. Если же это будут выделенные помещения самого изолятора, то очередь из защитников не уменьшится, а, наоборот, только увеличится.

Немало вопросов оставляет реализация технической части организации такого рода свиданий. Чьи помещения будут использоваться для осуществления видео-конференц-связи? Кто будет контролировать доступ к средствам видео-конференц-связи? Посредством каких каналов связи ВКС будет реализована? За счет каких средств все это будет оплачиваться? Кто и как будет обеспечивать и гарантировать конфиденциальность видеосвязи защитника со своим доверителем? Как видим, вопросов больше, чем ответов. К сожалению, представленная на обсуждение законодательная инициатива не содержит предполагаемые пути их разрешения.

В этой связи будут интересны результаты пилотного проекта, реализованного в период пандемии Адвокатской палатой Воронежской области и Управлением ФСИН России по Воронежской области при участии областных Управления Министерства юстиции и Уполномоченного по правам человека. В рамках его реализации был утвержден порядок предоставления адвокатам свиданий с подзащитными, содержащимися в условиях следственных изоляторов г. Воронежа, продолжительностью 30 минут посредством видео-конференц-связи из специально оборудованного помещения Адвокатской палаты Воронежской области. Так, адвокат должен был не менее чем за сутки подать заявку через сайт адвокатской палаты. После чего адвокатская палата передавала в СИЗО реестр требований на вызов по видео-конференц-связи, содержащий фамилию, имя, отчество адвоката и его доверителя, время свидания и номер ордера [10]. Таким образом, была показана работоспособность подобной схемы. Однако осталось нерешенным подавляющее большинство вопросов, поставленных нами ранее.

Законопроект предполагает, что свидание с использованием видео-конференц-связи будет осуществляться по заявлению доверителя. Однако он не содержит положения о способе извещения защитника о подаче соответствующего заявления, а также порядке и способе выражения защитником своего согласия на такое свидание.

Отметим также, что реализация данной законодательной инициативы осложняется при нахождении подозреваемого в условиях изолятора временного содержания. Это связано, во-первых, с краткосрочностью такого пребывания по сравнению со сроком пребывания в следственном изоляторе, а во-вторых, с отсутствием в ИВС помещений, оборудованных для проведения видео-конференц-связи, в отличие от тех же СИЗО.

С учетом сказанного выражаем надежду, что использование видео-конференц-связи для свидания защитника со своим доверителем, а также для участия в судебном заседании подсудимого и иных участников уголовного судопроизводства будет носить исключительный характер и использоваться лишь в тех случаях, когда это действительно необходимо.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Чурикова А. Ю. Проблемы цифровизации российского уголовного процесса // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 6 (143). С. 209–216.
2. Александров А. С. Проблемы теории уголовно-процессуального доказывания, которые надо решать в связи с переходом в эпоху цифровых технологий // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 130–139.
3. Карташов И. И., Лесников О. А. Цифровая информация в уголовно-процессуальном доказывании: понятия и свойства // Наука. Общество. Государство. 2020. № 4 (32). С. 73–82.
4. Бодяков В. Н., Морозов Р. М. Актуальные вопросы внедрения института производства отдельных следственных действий, проводимых дистанционно с использованием видеоконференцсвязи в местах лишения свободы // Вестник Кузбасского института. 2021. № 2 (47). С. 115–131.
5. Ищенко П. П. Современные подходы к цифровизации досудебного производства по уголовным делам // Lex Russica. 2019. № 12 (157). С. 68–79.
6. Законопроект № 312970-8 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности : сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/312970-8?ysclid=ifsahsmga4167172299> (дата обращения: 18.09.2023).
7. Долгов А. М. О необходимости правовой регламентации электронного документооборота при расследовании уголовного дела // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2018. № 3. С. 32–35.
8. Серова Е. Н. Достоинства и недостатки видеоконференц-связи и веб-видеоконференц-связи в судебном заседании: анализ судебной практики // Вопросы российской юстиции. 2021. № 15. С. 773–782.
9. Законопроект ID: 01/05/09-23/00141813 // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов : сайт. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/49738/> (дата обращения: 19.09.2023).
10. Панин Е. Законопроект нуждается в корректировке. URL: <https://fparf.ru/polemic/opinions/zakonproekt-nuzhdaetsya-v-korrektirovke/> (дата обращения: 21.09.2023).

REFERENCES

1. Churikova A.Yu. Problems digitalization of the Russian criminal procedure. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2021, no. 6 (143), pp. 209–216. (In Russ.).

2. Aleksandrov A.S. The problems of the theory of criminal procedural proof, which must be solved in connection with the transition to the digital age. *Sudebnaya vlast' i ugovolnyi protsess = Judicial Authority and Criminal Process*, 2018, no. 2, pp. 130–139. (In Russ.).
3. Kartashov I.I., Lesnikov O.A. Digital information in criminal procedure evidence: concept and properties. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo = Electronic Scientific Journal "Science. Society. State"*, 2020, no. 4 (32), pp. 73–82. (In Russ.).
4. Bodyakov V.N., Morozov R.M. Topical issues of the introduction of the institute of production of individual investigative actions conducted remotely using videoconferencing in places of deprivation of liberty. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2021, no. 2 (47), pp. 115–131. (In Russ.).
5. Ishchenko P.P. Modern approaches to digitalization of pre-trial proceedings in criminal cases. *Lex Russica = Russian Law*, 2019, no. 12 (157), pp. 68–79. (In Russ.).
6. Draft Law No. 312970-8 "On Amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation". *Sistema obespecheniya zakonodatel'noi deyatel'nosti: sait* [System for ensuring legislative activity: website]. Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/312970-8?ysclid=ifsahsmga4167172299> (In Russ.). (Accessed September 18, 2023).
7. Dolgov A.M. The necessity of legal regulation of electronic documents in the investigation of the criminal case. *Yuridicheskii vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta = Legal Bulletin of the Kuban State University*, 2018, no. 3, pp. 32–35. (In Russ.).
8. Serova E.N. Advantages and disadvantages of videoconferencing and web video conferencing in court session: analysis of judicial practice. *Voprosy rossiiskoi yustitsii = Issues and Russian Justice*, 2021, no. 15, pp. 773–782. (In Russ.).
9. Bill ID: 01/05/09-23/00141813. *Federal'nyi portal proektov normativnykh pravovykh aktov: sait* [Federal portal of draft normative legal acts: website]. Available at: <https://minjust.gov.ru/ru/events/49738/> (In Russ.). (Accessed September 19, 2023).
10. Panin E. *Zakonoproekt nuzhdaetsya v korrektyrovke*. <https://fparf.ru/polemic/opinions/zakonoproekt-nuzhdaetsya-v-korrektyrovke/> (accessed September 21, 2023).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ИГОРЬ ИГОРЕВИЧ КАРТАШОВ – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правовых и гуманитарных наук Воронежского филиала Государственного университета морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова, Воронеж, Россия, iik_vrn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0772-803X>

ИННА ИГОРЕВНА КАРТАШОВА – адвокат филиала Воронежской областной коллегии адвокатов «Адвокатская контора Казакова Л. С.», Воронеж, Россия, iik.vrn@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-7761-3720>

IGOR' I. KARTASHOV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of Law and Humanities of the Voronezh Branch of Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping, Voronezh, Russia, iik_vrn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0772-803X>

INNA I. KARTASHOVA – Lawyer at the Branch of the Voronezh Regional Bar Association "Kazakov L.S. Law Office", Voronezh, Russia, iik.vrn@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-7761-3720>

Статья поступила 26.09.2023

Научная статья

УДК 343.3

doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.018

Противодействие реабилитации нацизма и формированию фашистской идеологии: «уроки истории» и современные реалии

НОДАР ШОТАЕВИЧ КОЗАЕВ

Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, Ставрополь, Россия, nkosaev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5575-2750>

ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ РЯСОВ

Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, Ставрополь, Россия, ryasov_dmitriy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0893-0299>

Аннотация. В статье исследуются ключевые аспекты Стратегии национальной безопасности России в контексте противодействия реабилитации нацизма и формирования фашистской идеологии. Проанализированы исторические факторы, обусловившие возникновение фашистской идеологии, а также основные меры по противодействию современным формам неонацизма. Сформулированы основные направления криминологического противодействия реабилитации нацизма и формированию нацистской идеологии.

Ключевые слова: реабилитация нацизма; фашистская идеология; неонацизм; преступность; экстремизм; криминологическое противодействие; безопасность государства.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Козаев Н. Ш., Рясков Д. А. Противодействие реабилитации нацизма и формированию фашистской идеологии: «уроки истории» и современные реалии // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 4 (24). С. 162–170. doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.018.

Original article

Countering Nazism Rehabilitation and Fascist Ideology Formation: “Lessons of History” and Modern Realities

NODAR SH. KOZAEV

Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, Stavropol, Russia, nkosaev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5575-2750>

© Козаев Н. Ш., Рясков Д. А., 2023

DMITRII A. RYASOV

Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, Stavropol, Russia, ryasov_dmitriy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0893-0299>

Abstract. The article considers key aspects of Russia's National Security Strategy in the context of countering rehabilitation of Nazism and formation of fascist ideology. The historical factors that led to the emergence of fascist ideology, as well as the main measures to counteract modern forms of neo-fascism, are analyzed. Key directions of criminological counteraction to Nazism rehabilitation of and Nazi ideology formation are formulated.

Key words: rehabilitation of Nazism; fascist ideology; neo-Nazism; crime; extremism; criminological counteraction; state security.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Kozaev N.S., Ryasov D.A. Countering Nazism rehabilitation and fascist ideology formation: "lessons of history" and modern realities. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 4 (24), pp. 162–170. doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.018.

Прошлый век в истории России был омрачен двумя мировыми войнами, геноцидом и военными конфликтами, а XXI в. несет в себе потенциал для развязывания третьей мировой войны. Это создает серьезную опасность для будущего человечества. Преступления такого рода не только лишают человека его прав и свобод, но также негативно сказываются на развитии отдельных стран и всего мирового сообщества в целом. Они нарушают гармонию в мире, которая является необходимой для выживания человечества, и представляют угрозу для его безопасности.

На протяжении многих лет мы видим, как меняются исторические концепции. Раньше сравнивали нацистский режим с «тоталитарным» советским, а сейчас пытаются возложить всю ответственность за войну на Советский Союз и объявить его «преступником хуже Третьего рейха». Из-за этого стараются замалчивать значение и суть приговора Нюрнбергского трибунала – международного военного трибунала, который наказал главных военных преступников европейских стран оси. Этот приговор расставил все по местам, осудив главарей нацистского режима и признав военные преступления и преступления против человечности, совершенные нацистами и их приспешниками. Благодаря Нюрнбергскому процессу мир узнал об ужасах национал-социализма и зверских преступлениях, совершенных последователями этой идеологии. Но сегодня приговор Нюрнбергского трибунала является помехой для приверженцев «миропорядка, основанного на правилах». Многие наблюдатели говорят, что история повторяется и шаблоны, разработанные нацистской Германией, сегодня реализуются на практике.

Во время специальной военной операции России на Украине стало очевидным, насколько широко распространены нацистские идеи в украинском обществе. Особую обеспокоенность вызывают угрозы трансформации сознания молодой части общества. Распространение экстремистских организаций, особенно среди молодежи, вызывает серьезные опасения. Дело в том, что молодые люди особенно уязвимы перед радикальными и разрушительными взглядами. Число преступле-

ний экстремистской направленности и преступлений, связанных с пропагандой и реабилитацией нацизма, постоянно растет, что тревожит [1, с. 24]. Еще до начала спецоперации МВД России отмечало рост преступлений экстремистской направленности. Например, в 2020 г. количество зарегистрированных преступлений экстремистской направленности выросло на 42,4 % по сравнению с 2019 г. и достигло отметки в 833 случая. В январе 2022 г. зарегистрировано 52 таких преступления (на 15,6 %, больше, чем в 2021 году), в январе 2021 г. – 45 (на 27,4 % меньше, чем в 2020 г.), в январе 2020 г. – 62 (на 77 % больше, чем в 2019 г.) и в 2019 г. – 35 (на 60,2 % меньше, чем в 2018 г.) [2]. Таким образом, преступления экстремистской направленности продолжают увеличиваться, несмотря на сокращение числа приговоров. В 2022 г. за девять месяцев количество анализируемых преступлений выросло на 31 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Генеральный прокурор Российской Федерации И. Краснов в докладе Совету Федерации в 2021 г. отметил увеличение числа преступлений, связанных с реабилитацией нацизма (ст. 354.1 УК РФ), в 2,5 раза за три года [3].

Проблема героизации нацизма стала одной из наиболее актуальных для современного общества. Ее глобальный характер и значимость требуют незамедлительного и окончательного решения, поскольку события, связанные с нацизмом, оставили неизгладимый след в истории человечества. К ним относится Холокост – систематическое преследование и уничтожение европейских евреев нацистским режимом Германии и их соучастниками с 1933 по 1945 г. Также стоит упомянуть о медицинских экспериментах, проводимых на заключенных в концентрационных лагерях нацистской Германии во время Второй мировой войны. Расистские выступления и нацизм в отношении африканского населения в США, массовые нацистские убийства в Японии и колонизация африканских стран, где местные жители становились рабами для белых колонизаторов, – все эти события привели к миллионам невинных жертв, которые просто желали свободы. К сожалению, существует множество людей с убеждениями, основанными на негативном отношении к другим расам, которые не готовы изменить свои взгляды на мир и принимать существующие моральные нормы и законы. Очень обидно, что такие люди есть среди русского народа, который в свое время смог победить главных хищников человеческой цивилизации – нацистов – во главе с фашистской Германией.

Проблема возрождения идей нацизма и фашизма активно обсуждается в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г., утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 29.05.2020 № 344. Сегодня, когда противостояние идей превратилось в повсеместный феномен, история стала своеобразной ареной взаимной борьбы, не оставляющей равнодушным никого. На международном уровне были приняты законы, запрещающие публичное одобрение преступлений, совершенных нацистами, во многих странах, включая Австрию, Венгрию, Германию, Литву, Польшу, Словению, Чехию, Швейцарию, Канаду и Израиль. Некоторые государства даже поставили знак равенства между коммунизмом и нацизмом, учредив уголовную ответственность за отрицание «преступлений коммунизма» или «коммунистического геноцида» [4, с. 160]. Тем не менее наша позиция заключается в том, что такой подход не обоснован и свидетельствует о попытках законодателей навязать свою версию истории и угрожать наказанием за высказы-

вание новых идеологических убеждений. Введение нормы, относящейся к уголовной ответственности за реабилитацию нацизма в УК РФ, имеет свою обоснованную предысторию.

Нацизм, известный также как национал-социализм, представляет собой идеологию, которая ставит определенную нацию (расу или народ) в центр мирового порядка и пропагандирует применение репрессивных мер в отношении остальных людей. Осуждение нацизма основано на его репрессивных методах и невозможности выбраться из категории угнетаемых, принадлежность к которой определяется при рождении на основе расовых или национальных признаков. Этот термин стал широко известен с появлением Третьего рейха в фашистской Германии в 1933–1945 гг., но концепция нацизма вытекает из итальянского фашизма.

В Италии в марте 1919 г. появились «Фашидикомбаттименто» (боевые союзы) – организации бывших фронтовиков, которых объединяли крайне националистические и шовинистические взгляды, отрицание социалистических идей и желание укрепить власть. Бенито Муссолини, уже имевший политическую известность, возглавил это движение.

После Нюрнбергского процесса, казалось бы, что фашизм окончательно покинет мировую арену. Однако сегодня мы вынуждены признать, что идеи фашизма не только продолжают существовать, но и находят свое воплощение в реальности. Во многих странах рецидивы прошлого становятся все более заметными и громкими. В настоящее время преобразование истории Второй мировой войны и оправдание нацизма становятся практическими инструментами для перекладывания ответственности на современную Россию. Целью таких действий является не только обвинение в мнимых и реальных ошибках и просчетах советского руководства, но и создание ситуации, в которой страны, являющиеся наследниками антигитлеровской коалиции, оказываются в бессмысленном споре о национальном вкладе в общую победу.

На сегодняшний день нет единого определения фашизма. С самого возникновения этого явления оно исследуется представителями различных гуманитарных наук. Вне зависимости от философского, социологического, исторического, юридического или другого подхода к его толкованию определение фашизма всегда основывалось на идеологическом и политическом взгляде интерпретатора. Именно поэтому существует много концепций, которые определяют его сущность и содержание.

Определение понятий «фашизм» и «нацизм» является сложным в связи с их способностью к мимикрии и адаптации к изменяющейся обстановке. Фашизм имеет множество проявлений и разновидностей, которые можно сравнить с хамелеонами или вирусами. Он существует как идеология, общественно-политическое движение, политический режим вождистского типа и террористическая диктатура. При определении этих явлений необходимо обратить внимание не только на их сходства, но и на различия.

Однако изучение фашизма и формулирование его определения невозможно без учета исторического контекста его возникновения и развития.

Термин «фашизм» происходит от итальянского слова «fascio», что означает союз. Он связан с политической деятельностью Бенито Муссолини, который в 1919 г. при

создании Итальянского союза борьбы использовал римские «фасции» [5, с. 30] в качестве символа данной организации.

Фашизм и национал-социализм (нацизм) возникли в Италии и Германии после Первой мировой войны в период политических и социально-экономических кризисов.

Фашизм был предметом исследования с момента своего появления. В 1923 г. Н. Л. Мещеряков отметил, что фашизм был инструментом буржуазии, который помог ей сохранить власть и предотвратить мировую пролетарскую революцию. Одновременно с этим исследователь отмечал, что фашисты выращивают национализм и делают его центральной идеей своей идеологии» [6, с. 32].

Фашизм – это идеология, политический режим и движение, основанные на принципе национализма, особенно в его крайних формах, таких как шовинизм и расизм. Фашисты пропагандируют радикальные и насильственные методы захвата и удержания власти, которые часто сопровождаются нарушением прав человека и преступной деятельностью [7, с. 92–93].

Проявления фашизма обладают несколькими ключевыми характеристиками, такими как антикоммунизм, антилиберализм, антидемократизм и тоталитаризм; милитаризация в социально-политической и экономической сферах; стимулирование ненависти к внутреннему и внешнему противнику для консолидации нации и подготовки к войне, применяя любые захватывающие методы, включая преступные; популизм и почитание высшего руководства [8, с. 158].

Однако самой опасной формой фашизма считается нацизм, который сформировался в национал-социалистической идеологии и практиках Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП).

Основными характеристиками нацизма являются: использование тоталитарных, экстремистских и террористических методов при захвате и удержании власти; пропаганда превосходства определенной расы (в данном случае «чистой германской расы»), шовинизм и расизм; принятие официального законодательства, основанного на национализме, расизме и антисемитизме; совершение преступлений, угрожающих существованию государств и народов, в том числе военных преступлений и преступлений против человечности.

Из вышеизложенного можно заключить, что фашизм и нацизм имеют общие черты, такие как национальное превосходство, но есть и различия. Фашизм сконцентрирован на укреплении государства и возрождении империи, тогда как нацизм сосредоточен на доминировании определенной расы и проявляется в агрессии к неприемлемым идеологии людям.

Таким образом, понятия «нацизм» и «фашизм» имеют схожие черты, но их следует различать для правильного применения закона и противостояния этим опасным идеологиям.

В период Второй мировой войны нацисты совершили множество злодеяний, которые оставили кровавую полосу на пути человечества. Используя оружие, виселицы, огонь и воду, а также голод и холод, они стремились уничтожить людей и очистить оккупированные ими территории от местного населения. Однако благодаря усилиям и жертвам стран, объединившихся в антигитлеровскую коалицию, фа-

шистское варварство не смогло овладеть миром. Битва была выиграна не только за жизнь и свободу людей, но и за международное правосудие [9, с. 196].

Россия – одна из стран, которая больше остальных пострадала от «нацистской доктрины» во время Великой Отечественной войны. В настоящее время все чаще проявляются антисоветские и русофобские настроения, которые можно наблюдать не только в Российской Федерации, но и в других странах. Это дает основание утверждать, что нацизм представляет угрозу для современного общества, его порядка существования, государственного устройства и всего мирового порядка. В связи с этим установление уголовной ответственности за совершение действий, описанных в ст. 354.1 УК РФ, является прямым выражением негативной реакции государства на проявление нацизма во всех его формах. Особые опасения вызывают попытки пересмотра истории, отдельных событий и ключевых военных операций. Пересмотр взглядов на нацизм и его влияние на безопасность государств связан с ростом фальсификации исторических фактов.

Эта ситуация представляет опасность, так как распространение нацизма продолжается по всему миру. События на Украине, включая антиконституционный государственный переворот, и тенденции, наблюдаемые в некоторых политических выступлениях лидеров государств, требуют принятия мер. В 2014 г. была введена ст. 354.1 УК РФ для борьбы с этой проблемой.

Неонацизм, который сейчас тесно связан с украинскими ультраправыми организациями, также соответствует признакам экстремистской деятельности. Хотя он основан на идеях превосходства украинского этноса над другими, особенно русскоговорящими, он все же опирается на идеи, символы и лозунги немецкого нацизма времен Третьего рейха.

Бандеровский неонацизм не отличается высоким интеллектуальным уровнем. Эта идеология основана на грубых физических действиях и полном игнорировании мировых процессов, которые не соответствуют ее узкому мировоззрению. Несмотря на попытки Научно-интеллектуального центра им. Дмитро Донцова представить лидеров этого движения как интеллектуалов и мыслителей, бандеровщина не породила ни одного значимого мыслителя или философа. В результате распространения идеологии по всей Украине киевский режим привел только к отравлению всей страны этой токсичной идеологией [10, с. 132].

Бандеровский неонацизм XXI в. обречен на поражение не только из-за экономических и политических причин и военных поражений, но, прежде всего, из-за его более глубокой антропологической природы. Украинский неонацизм базируется на самых низменных человеческих чертах – ненависти, хамстве, лжи и подлости – и поэтому изначально привлекает только моральных и интеллектуальных дегенератов. Бандеровский неонацизм способен только на саморазрушение и разрушение своей страны.

Неофашизм – это термин, используемый для описания некоторых праворадикальных организаций и движений в разных странах, которые являются преемниками фашистских организаций, распущенных после Второй мировой войны. Неофашисты представляют собой небольшие маргинальные группировки без широкой поддержки со стороны избирателей. Появление неофашизма связано с экономическими трудностями и межэтническими противоречиями. Неофашистские группировки

пытаются получить поддержку у социально ущемленных слоев населения. Они используют тактику напряженности, чтобы вызвать впечатление о неспособности законно избранных правительств обеспечить общественный порядок. Рост угрозы со стороны неофашистов стимулируется опасениями европейцев о потере своей национальной и культурной идентичности из-за увеличивающейся иммиграции, в основном из афро-азиатских стран. Антииммигрантские настроения подпитывают праворадикальные партии, которые придерживаются крайне националистических и шовинистических идей, близких к фашизму.

Проявления фашизма, неонацизма, расизма и нацизма в современной истории становятся все более распространенными явлениями в культурной, социальной и политической сферах некоторых стран Европы, США и Канады. Даже официальные власти в некоторых случаях поощряют подобные проявления, что требует установления нормативно-правовых мер на не только национальном, но и международном уровне.

В заключение необходимо отметить, что угрозы возникновения нацизма в России обусловлены несколькими причинами, связанными с социально-экономическими и политико-юридическими факторами. Среди них: 1) фактор идеологической вседозволенности: некоторые группы общества воспринимают разнообразие идей и взглядов в России как отсутствие ограничений и наказания; 2) фактор экономической катастрофы 1990-х г.: при поиске виновных за экономический кризис, представители разных демографических групп начали связывать его с определенными национальностями; 3) фактор политической децентрализации: усиление неонацистской активности было ответной реакцией на процесс политической децентрализации; 4) фактор ослабления исторической памяти: отсутствие государственной поддержки патриотического воспитания молодежи в 1990-х и начале 2000-х гг. привело к ослаблению исторической памяти; 5) фактор иностранного влияния: националистические настроения были усилены последствиями экономического кризиса 2014–2022 гг., введением экономических санкций против России западными государствами, а также активностью националистических движений в некоторых соседних странах (Украина, прибалтийские государства).

Основное решение в области уголовно-правовой политики государства в области противодействия нацизму представляется в легальном определении понятий «нацизм» и «фашизм». Для этого следует принять специальный закон, который устанавливает точное содержание этих понятий и связанных с ними категорий. Также можно внести изменения в статью УК РФ о реабилитации нацизма, чтобы устранить пробелы в определении объективной стороны этого преступления.

Кроме того, реабилитация нацизма не только оправдывает преступную деятельность нацистов, но и является своего рода призывом к подобным преступлениям. Поэтому в федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» следует внести изменения, чтобы включить реабилитацию, оправдание и пропаганду нацизма и фашизма в перечень деяний, которые следует признавать экстремистскими.

Таким образом, в целях совершенствования системы правового регулирования в области противодействия проявлениям фашизма и нацизма необходимо законодательно определить эти понятия, внести изменения в УК РФ и федеральный закон

«О противодействии экстремистской деятельности». Это позволит более эффективно бороться с распространением идеологий нацизма и фашизма и обеспечить национальную безопасность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вердикханова А. Н., Голубкова Н. И. Реабилитация нацизма и распространение неонацистских взглядов как формы экстремистской деятельности в современных условиях // Наука. Общество. Государство. 2022. № 4 (40). С. 21–32.
2. В РФ в январе почти на 160 % выросло количество преступлений экстремистской направленности. URL: https://tass.ru/proisshestviya/17194839?ysclid=lp8atgi2dz976530475&utm_source=ya.ru&utm_medium=referral&utm_campaign=ya.ru&utm_referrer=ya.ru (дата обращения: 21.10.2023).
3. Генпрокурор РФ представил доклад о состоянии законности и правопорядка в 2021 году. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/genprokuror-rf-predstavil-doklad-o-sostoyanii-zakonnosti-i-pravoporyadka-v-2021-godu/?ysclid=llkjmyn65r654636206> (дата обращения: 20.10.2023).
4. Левандовская М. Г. Реабилитация нацизма как преступление // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 12. С. 155–162.
5. Вердикханова А. Н., Голубкова Н. И. Реабилитация нацизма и распространение неонацистских взглядов как формы экстремистской деятельности в современных условиях // Наука. Общество. Государство. 2022. № 4 (40) С. 21–32.
6. Мировой фашизм / под ред. Н. Мещерякова. М. ; Петроград, 1923. 294 с.
7. Меркурьев В. В., Рубцов Д. И. Совершенствование уголовно-правовых средств. Противодействие фашизму и нацизму при нарастании угроз национальной безопасности России // Обозреватель. 2022. № 5–6 (388–389). С. 89–103.
8. Левандовская М. Г. Реабилитация нацизма как преступление // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 12 (52). С. 155–162.
9. Василенко В. А. Ответственность государств за международные правонарушения. Киев, 2017. 267 с.
10. Неменский О. Б. Неонацизм на современной Украине // Вопросы национализма. 2019. № 1 (32). С. 125–142.

REFERENCES

1. Verdikhanova A.N., Golubkova N.I. Rehabilitation of nazism and distribution of neo-nazi views as forms of extremist activity in the modern context. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo = Electronic Scientific Journal "Science. Society. State"*, 2022, no. 4 (40), pp. 21–32. (In Russ.).
2. *V RF v yanvare pochni na 160% vyroslo kolichestvo prestuplenii ekstremistskoi napravlennosti* [In January, the number of extremist crimes in the Russian Federation increased by almost 160%]. Available at: https://tass.ru/proisshestviya/17194839?ysclid=lp8atgi2dz976530475&utm_source=ya.ru&utm_medium=referral&utm_campaign=ya.ru&utm_referrer=ya.ru (accessed October 21, 2023).
3. *Genprokuror RF predstavil doklad o sostoyanii zakonnosti i pravoporyadka v 2021 godu* [The Prosecutor General of the Russian Federation presented a report on the state of law and order in 2021]. Available at: <https://www.advgazeta.ru/novosti/genprokuror-rf-predstavil-doklad-o-sostoyanii-zakonnosti-i-pravoporyadka-v-2021-godu/?ysclid=llkjmyn65r654636206> (accessed October 20, 2023).
4. Levandovskaya M.G. The rehabilitation of Nazism as a crime. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2018, no. 12, pp. 155–162. (In Russ.).

5. Verdikhanova A.N., Golubkova N.I. Rehabilitation of Nazism and distribution of Neo-Nazi views as forms of extremist activity in the modern context. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo = Electronic Scientific Journal "Science. Society. State"*, 2022, no. 4 (40), pp. 21–32. (In Russ.).
6. *Mirovoi fashizm* [World fascism]. Ed. by Meshcheryakov N. Moscow; Petrograd, 1923. 294 p.
7. Merkur'ev V.V., Rubtsov D.I. Improvement of criminal legal means. Countering fascism and Nazism with increasing threats to Russia's national security. *Obozrevatel' = Reviewer*, 2022, no. 5–6 (388–389), pp. 89–103. (In Russ.).
8. Levandovskaya M.G. The rehabilitation of Nazism as a crime. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2018, no. 12 (52), pp. 155–162. (In Russ.).
9. Vasilenko V.A. *Otvetstvennost' gosudarstv za mezhdunarodnye pravonarusheniya* [Responsibility of states for international offenses]. Kiev, 2017. 267 p.
10. Nemenskii O.B. Neo-Nazism in modern Ukraine. *Voprosy natsionalizma = Issues of Nationalism*, 2019, no. 1 (32), pp. 125–142. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

НОДАР ШОТАЕВИЧ КОЗАЕВ – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России по учебной и научной работе, nkosaev@mail.ru <https://orcid.org/0000-0001-5575-2750>

ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ РЯСОВ – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России, ryasov_dmitriy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0893-0299>

NODAR Sh. KOZAEV – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Deputy Head for Academic and Scientific Work of the Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, nkosaev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5575-2750>

DMITRII A. RYASOV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, ryasov_dmitriy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0893-0299>

Статья поступила: 20.10.2023

Научная статья

УДК 343.28.29

doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.019

О некоторых организационно-правовых вопросах деятельности уголовно-исполнительных инспекций

ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ КРАСОТКИН

Кузбасский институт ФСИН России, Новокузнецк, Россия,
krasootkin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0588-3140>

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ЛАСТОЧКИН

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда,
Россия, ono-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5124-078X>

Аннотация. В статье проанализированы некоторые проблемы практики исполнения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на примере отдельных территориальных органов ФСИН России; исследованы нормы уголовно-исполнительного законодательства, регламентирующие данный вид наказания, и проблемы, возникающие у уголовно-исполнительных инспекций при их реализации. В работе дана оценка уровню готовности уголовно-исполнительных инспекций в связи с реализацией положений Федерального закона от 06.02.2023 № 10 «О пробации в Российской Федерации».

Ключевые слова: инспектор; лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; осужденный; трудоустройство осужденных; уголовное наказание; уголовно-исполнительная инспекция; пробация.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Красоткин П. Н., Ласточкин А. Н. О некоторых организационно-правовых вопросах деятельности уголовно-исполнительных инспекций // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 4 (24). С. 171–178. doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.019.

Original article

On Some Organizational and Legal Issues of the Activities of Criminal Enforcement Inspections

PAVEL N. KRASOTKIN

KI of the FPS of Russia, Novokuznetsk, Russia, krasootkin@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-0588-3140>

ALEKSANDR N. LASTOCHKIN

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, ono-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5124-078X>

Abstract. The article analyzes some problems of the practice to execute punishment in the form of deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities on the example of individual territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia; considers norms of the penal legislation regulating this type of punishment and the problems that arise in penal institutions during their implementation. The paper assesses the level of readiness of criminal enforcement inspections in connection with the implementation of the provisions of the Federal Law No. 10 of February 6, 2023 “On Probation in the Russian Federation”.

Key words: inspector; deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities; convict; employment of convicts; criminal punishment; criminal enforcement inspection; probation.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Krasotkin P.N., Lastochkin A.N. On some organizational and legal issues of the activities of criminal enforcement inspections. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 4 (24), pp. 171–178. doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.019.

С учетом тенденций уголовно-исполнительной политики России деятельность уголовно-исполнительных инспекций постоянно совершенствуется, при этом круг решаемых задач расширяется и усложняется.

В соответствии с п. 4 разд. I Постановления Правительства Российской Федерации от 16.06.1997 № 729 «Об утверждении Положения об уголовно-исполнительных инспекциях» (далее – Постановление Правительства № 729-1997) к основным задачам следует отнести: исполнение наказаний и иных мер уголовно-правового характера; осуществление контроля за лицами, в отношении которых избрана мера пресечения в виде домашнего ареста; предупреждение правонарушений лиц, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях и иные.

Изменения в указанный документ последний раз были внесены 23 апреля 2012 г., однако за десять последующих лет на уголовно-исполнительные инспекции были возложены новые, достаточно сложные задачи:

– осуществление контроля за лицами, в отношении которых избрана мера пресечения в виде запрета определенных действий (с апреля 2018 г.) и залога (с апреля 2018 г.) [1];

– осуществление контроля за условно-досрочно освобожденными из мест лишения свободы (до 02.03.2021 [2] эту обязанность исполняли сотрудники полиции).

С 1 января 2024 г. вступает в силу часть положений Федерального закона от 06.02.2023 № 10 «О пробации в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 10-2023), согласно которым на уголовно-исполнительные инспекции возлагается ряд обязанностей по участию в процедурах пробации. С 1 января 2025 г. ФЗ № 10-2023 вступает в силу в полном объеме с возложением дополнительных обязанностей на сотрудников инспекций.

Очевидно, что задачи уголовно-исполнительных инспекций должны быть в полном объеме указаны в Положении о них, поэтому Постановление Правительства № 729-1997 требуется актуализировать, дополнив соответствующими задачами.

К числу имеющихся трудностей за последние годы добавилось немало проблем в правоприменительной деятельности уголовно-исполнительных инспекций, и их количество продолжает расти в связи с расширением служебных задач.

В рамках статьи мы хотим более подробно остановиться на двух актуальных проблемах в деятельности уголовно-исполнительных инспекций, связанных, во-первых, с исполнением наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и, во-вторых, с введением института пробации.

1. Особенности исполнения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в случаях неофициального трудоустройства осужденного.

В одну из уголовно-исполнительных инспекций территориального органа ФСИН России был направлен приговор суда, согласно которому осужденному было назначено наказание в виде лишения права заниматься определенной деятельностью. При постановке на учет осужденный сказал, что в связи с аннулированием его права на занятие охранной деятельностью вынужден работать в том же месте охранником, но неофициально.

Раздел IV приложения к приказу Минюста России от 20.05.2009 № 142 (ред. от 22.08.2014) «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества» (далее – приложение к приказу Минюста России № 142-2009) регламентирует вопросы осуществления контроля за осужденными к лишению права заниматься определенной деятельностью лишь в случае его официального трудоустройства, тогда как порядок контроля за осужденными, осуществляющих трудовые обязанности неофициально, в уголовно-исполнительном законодательстве отсутствует.

В связи с тем, что нет законодательной процедуры решения вопроса неофициального трудоустройства осужденных, сотрудники уголовно-исполнительных инспекций в некоторых территориальных органах ФСИН России стараются обойти эту проблему различными способами.

В случаях, если осужденный к лишению права заниматься определенной деятельностью заявляет, что он безработный и при этом не говорит инспектору о своем возможном или дальнейшем трудоустройстве, то сотруднику остается лишь внести в документы (анкету, справку о воспитательно-профилактической беседе, ПК АКУС) соответствующий термин «безработный»¹ и отслеживать его возможное трудоустройство (п. 31 приложения к приказу Минюста России № 142-2009). Однако закон не уточняет, каким образом следует отслеживать возможное официальное трудоустройство осужденного. Если осужденный проживает в городе с населением, например, 500 тыс. чел., направить запросы всем работодателям физически

¹ Поскольку в уголовно-исполнительном законодательстве отсутствуют правила заполнения строки «Работает» при отсутствии трудоустройства, практикой выработаны следующие варианты: «безработный», «случайные заработки», «стажировка», «учится», «на иждивении родителей».

невозможно, в результате полноценный контроль за возможным трудоустройством осужденного не осуществляется.

В некоторых территориальных органах ФСИН России инспекторам запрещают писать в документах «безработный» или «случайный заработок», требуют выяснять, как он зарабатывает, обосновывая это тем, например, что осужденный может распространять наркотики, заниматься разбоями и др. Поэтому сотрудники выходят из положения фразой «на иждивении родителей».

В случае, если имеется информация от осужденного либо от иных лиц, что он трудится неофициально (как было указано в примере выше), сотрудники проводят воспитательно-профилактические беседы как с осужденным, так и с работодателем. Некоторые сотрудники отмечают, что для получения нужной информации следует расположить осужденного к себе, дружески общаться при проведении первоначальной и последующих бесед.

Конечно, не всегда вопросы неофициального трудоустройства возможно решить, зачастую работодатели не идут на уступки, например по переводу на другую должность, которую не запрещено занимать, однако у них всегда есть возможность уволить такого осужденного, чтобы в дальнейшем предупредить внеплановые проверки их предприятия/организации со стороны органов прокуратуры, государственной инспекции труда, налогового органа и др.

Следует признать, что подобные беседы с работодателем, у которого осужденный трудится неофициально, имеют, как правило, отрицательный, негативный для осужденного результат, а в перспективе – и для целей наказания. Сотрудники инспекций признаются, что в подобных беседах у них почти всегда присутствует опасение непреднамеренно склонить работодателя к увольнению осужденного, которому из-за наличия судимости очень трудно найти подходящую работу.

Проблема неофициального трудоустройства усугубляется также тем, что осужденный может сменить одну неофициальную работу на другую, и сотрудник заново начинает мероприятия по отслеживанию его возможного трудоустройства.

Затруднения в деятельности инспекций заключаются также и в том, что при постановке осужденного на учет невозможно проверить информацию, которая вносится в служебные документы со слов осужденного, поэтому фиксирование слова «безработный» вовсе не означает, что у него отсутствует работа. Видимо, поэтому беседа при постановке осужденного на учет и называется первоначальной (разд. III приложения к приказу Минюста России № 142-2009).

Сотрудники инспекций из разных регионов России признают, что приложение к приказу Минюста России № 142-2009, в который в последний раз вносились изменения в 2014 г., устарел и требует существенных изменений, дополнений или разработки нового правового акта, более подробно регламентирующего процедурные вопросы порядка исполнения не только лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, но и других видов уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера без изоляции от общества. Также инспекторы отмечают, что из-за пробельности норм они становятся более уязвимыми для ревизоров из их же территориальных органов, центрального аппарата ФСИН России (Управление организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества), работников прокуратуры и иногда

судов. Не всегда представители УИИ могут задать четкий алгоритм действий инспекторов, пригодный в каждой ситуации и на любое стечение обстоятельств, поэтому сотрудники выходят из трудных положений самостоятельно, руководствуясь своим опытом. Однако принятые ими решения иногда в ходе проверок деятельности признаются неправильными и получают отрицательную оценку.

Полагаем, что назрела необходимость подготовки нового приказа Минюста России, который бы регламентировал исполнение всех видов уголовных наказаний (в том числе ограничения свободы) и иных мер уголовно-правового характера, ведь ранее действовавший приказ Минюста России [3] применялся всего около пяти лет, тогда как действующий более 14 лет и уже морально устаревает, не в полной мере отвечая реалиям сегодняшнего дня. Осужденные же пользуются несовершенством законодательства в своих интересах, поскольку эффективные средства воздействия практически отсутствуют [4] (их набор ограничивается проведением воспитательно-профилактической работы).

В некоторых территориальных органах по предложениям прокуратуры уголовно-исполнительные инспекции направляют в суды сообщения о том, что осужденный к лишению права заниматься определенной деятельностью неофициально трудится на том или ином предприятии, но это не дает значимых результатов, ведь к осужденному не могут применить меры ответственности (взыскания), которых нет (не прописаны в законодательстве), а также заменить этот вид наказания на иной вид. Также добавим, что в случае если осужденный будет уклоняться от контроля инспекции, то в отношении него нельзя провести первоначальные розыскные мероприятия, так как они законодателем не предусмотрены (ст. 18.1. УИК РФ). С другой стороны, проведение уголовно-исполнительными инспекциями этих мероприятий (не установленных законодателем) расцениваются прокуратурой некоторых регионов как реагирование на противоправное поведение осужденного.

Заметим, что в настоящее время разд. IV приложения к приказу Минюста России № 142-2009 не содержит требование о направлении сообщений в суды в случае нарушения порядка отбывания наказания, в вышеприведенном примере это было сделано по требованию местной прокуратуры, которое законодателем напрямую не предусмотрено.

Совсем иная ситуация складывается в случае, если лишение права заниматься определенной деятельностью назначено в качестве дополнительного наказания к условному осуждению. Такое уклонение от отбывания наказания имеет негативные последствия для осужденного (собирается отрицательная характеристика) вплоть до замены условного осуждения на лишение свободы.

Деятельность уголовно-исполнительных инспекций показывает, что устные/письменные указания, распоряжения ФСИН России, территориальных органов ФСИН России, разъяснения Генпрокуратуры Российской Федерации, прокурорских работников, профессионализм инспекторов и положительно сложившаяся практика позволяют восполнять некоторые пробелы приложения к Приказу Минюста России № 142-2009, однако отсутствие четких правовых предписаний относительно тех или иных процедур обуславливает противоречивость указаний вышестоящих должностных лиц. Так, если отдел организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, при уголовно-исполнительной инспекции

территориального органа ФСИН России (ранее назывался отделом по контролю за исполнением наказаний (ОКИН)) указывает, как следует работать по вопросам, не регламентированным в законе, то в ходе инспектирования деятельности подразделения этот порядок работы проверяющие могут посчитать неверным и внести соответствующее замечание в заключение о проверке, указав иную процедуру решения проблемы. Либо императивно предлагают придерживаться определенного подхода, но при следующей проверке в ином составе комиссии критикуют ранее предложенный порядок действий и предлагают новый вариант решения вопроса.

С похожей ситуацией сталкиваются не только в уголовно-исполнительных инспекциях, но и в исправительных учреждениях, следственных изоляторах, исправительных центрах и образовательных организациях.

Одно из последних нововведений, которое внедряется в уголовно-исполнительных инспекциях некоторых территориальных органов ФСИН России по указанию Генпрокуратуры Российской Федерации, состоит в необходимости направлять запрос в информационный аналитический центр МВД России либо МЧС России о возможной выдаче осужденному удостоверения на водный транспорт. Мы полагаем, что это наиболее актуально только для тех регионов, где имеется географический выход судов к крупным судоходным рекам (например, р. Волга), озерам (например, оз. Байкал), морям и океанам.

2. Пробация как новое направление в деятельности уголовно-исполнительных инспекций.

В связи с принятием федерального закона № 10-2023 ФСИН России подготовила указание от 21 февраля 2023 г. для территориальных органов, в соответствии с которым требуется организовать изучение данного документа личным составом и последующим принятием зачетов, при изучении обеспечить 100-процентный охват личного состава. Тем не менее изучение этого закона вовсе не гарантирует его дальнейшее результативное исполнение.

По нашему мнению, этот закон задает ориентир для всех территориальных органов ФСИН России, однако его реализация зависит от возможностей каждого населенного пункта, пакета помощи органов местного самоуправления, уровня подготовки сотрудников и многих других факторов.

И наоборот, если, к примеру, от недавнего выпускника образовательной организации ФСИН России будут требовать немедленно и эффективно исполнить положения федерального закона № 10-2023, то такая практика не даст желаемого результата, поскольку у молодых сотрудников отсутствуют наработанные годами связи с социальными службами, общественными организациями, жизненный опыт и др.

Опрос сотрудников уголовно-исполнительных инспекций некоторых регионов России показал, что они пока не представляют, как будут работать на практике отдельные положения закона, например исполнительная пробация, ресоциализация, социальная адаптация, социальная реабилитация, как будет функционировать центр probation и многое другое. Новизна и неизвестность вызывают определенную напряженность и обеспокоенность сотрудников уголовно-исполнительных инспекций.

Проблема probation для сотрудников инспекций усугубляется также тем, что, исходя из положений федерального закона № 10-2023, на них будет возложена до-

полнительная функция по применению процедур probation в отношении граждан, освободившихся из исправительных центров и мест лишения свободы, для.

Тем не менее ряд подготовительных мероприятий уже планировался и реализовывался в связи с возможным принятием закона о probation (фактически принятым только в 2023 г.). Например, в некоторых образовательных организациях ФСИН России учебным планом (2018 г. набора) предусматривалась дисциплина (модуль) «Деятельность уголовно-исполнительных инспекций по оказанию содействия осужденным в получении социальной помощи» (отведено на изучение 108 часов); в 2021 и 2022 гг. увеличили штатную численность сотрудников инспекций. Часть мероприятий, которые можно подвести под процедуры probation, в уголовно-исполнительных инспекциях осуществлялись и ранее. Например, право на получение консультации психолога, право на обращение в отделы по вопросам миграции для получения удостоверяющих личность документов; право на обращение в органы социальной защиты населения (п. 22 приложения к приказу Минюста России № 142-2009).

Анализ некоторых положений федерального закона № 10-2023, сложившаяся практика, мнения сотрудников показали необходимость проводить как на федеральном, так и региональном уровнях (например, дистанционно) дополнительную работу по информированию и обучению персонала уголовно-исполнительных инспекций для реализации положений, прежде всего, первого этапа (срок вступления в силу с 1 января 2024 г.).

Обобщая изложенное, необходимо сделать следующие выводы.

Эффективность исполнения лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью определяется полнотой его правового регулирования и единообразием исполнения.

Назрела необходимость внесения ряда изменений, дополнений в разд. IV приложения к Приказу Минюста России № 142-2009 с учетом потребностей практики.

Требуется проведение ряда организационных мероприятий в преддверии реализации процедур probation первого этапа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста : федер. закон от 18.04.2018 № 72-ФЗ // Рос. газ. 2018. 20 апр.
2. О внесении изменений в Положение о ФСИН России : указ Президента Российской Федерации от 02.03.2021 № 119 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 10. Ст. 1568.
3. Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества : приказ Минюста России от 12.04.2005 № 38 (в ред. от 13.01.2006) // Рос. газ. 2005. 11 мая.
4. Красоткин П. Н., Красильникова М. С., Ласточкин А. Н. О некоторых особенностях исполнения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью по законодательству Российской Федерации // *Ius Publicum et Privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2022. № 5 (20). С. 108–117.

REFERENCES

1. On Amendments to the Criminal Procedural Code of the Russian Federation regarding the election and application of preventive measures in the form of the prohibition of certain actions, bail and house arrest: Federal Law No. 72-FZ of April 18, 2018. *Ros. gaz. = Russian Newspaper*, 2018, April 20 (In Russ.).
2. On Amendments to the Regulations on the Federal Penitentiary Service of Russia: Decree of the President of the Russian Federation No. 119 of March 2, 2021. In: *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2021. No.10. Art. 1,568. (In Russ.).
3. On Approval of the Instructions on the Organization of the Execution of Punishments and Measures of a Criminal Nature without isolation from society: Decree of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 38 of April 12, 2005 (as amended of January 13, 2006). *Ros. gaz. = Russian Newspaper*, 2005, May 11. (In Russ.).
4. Krasotkin P.N., Krasil'nikova M.S., Lastochkin A.N. On some features of executing punishment in the form of deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities according to Russian legislation. *Ius publicum et privatum: setevoi nauchno-prakticheskii zhurnal chastnogo i publicnogo prava = ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2022, no. 5 (20), pp. 108–117. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ КРАСОТКИН – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Кузбасского института ФСИИ России, Новокузнецк, Россия, krasootkin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0588-3140>

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ЛАСТОЧКИН – кандидат педагогических наук, доцент, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории организационно-научного отдела Вологодского института права и экономики ФСИИ России, Вологда, Россия, ono-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5124-078X>

PAVEL N. KRASOTKIN – Candidate of Sciences (Law), Senior Lecturer at the Department of Penal Law and Criminology of the KI of the FPS of Russia, Novokuznetsk, Russia, krasootkin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0588-3140>

ALEKSANDR N. LASTOCHKIN – Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, Senior Researcher at the Research Laboratory of the Organizational and Research Department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, ono-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5124-078X>

Статья поступила 28.07.2023

Научная статья

УДК 343.2/.7

doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.020

Особенности уголовной ответственности женщин в отечественном законодательстве XVI–XVIII веков

ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА ЛАТЫШЕВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, mila.latysheva.1988@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6035-2559>

Аннотация. В статье проанализированы отличительные черты уголовной ответственности женщин в отечественном законодательстве XVI–XVIII вв. Источники уголовного права данного периода свидетельствуют об отсутствии четкой регламентации в законе уголовной ответственности женщин-преступниц, а также жестокости, суровости, изощренности применяемых к ним наказаний, сопряженных с психическим и физическим воздействием. Отмечается, что равнозначные наказания применялись к преступницам, происходившим как из простого рода, так и из привилегированных слоев населения. Анализ положений Соборного уложения 1649 г. свидетельствует о том, что в XVII в. уголовная политика в отношении женщин продолжает ужесточаться, вводятся квалифицированные виды смертной казни, в частности за мужеубийство, продолжают применяться публичные телесные наказания. Традиционно женскими преступлениями вплоть до правления Петра I продолжают оставаться половые преступления и преступления в сфере колдовства и магии. В статье акцентируется внимание на том, что кардинальные изменения в сфере уголовных наказаний женщин стали проследиваться лишь в период правления Екатерины II.

Ключевые слова: женщина-преступница; осужденная женщина; уголовная ответственность; уголовное наказание; дифференциация уголовной ответственности.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Латышева Л. А. Особенности уголовной ответственности женщин в отечественном законодательстве XVI–XVIII веков // *Ius publicum et privatum*: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2023. № 4 (24). С. 179–185. doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.020.

Original article

Features of Criminal Liability of Women in the Domestic Legislation of the XVI–XVIII Centuries

LYUDMILA A. LATYSHEVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, mila.latysheva.1988@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6035-2559>

© Латышева Л. А., 2023

Abstract. The article analyzes and identifies distinctive features of women's criminal liability in the domestic legislation of the XVI–XVIII centuries. The sources of criminal law of this period indicate a lack of clear regulation in the law of the criminal liability of female criminals, as well as cruelty, severity, sophistication of punishments applied to them, associated with mental and physical effects. It is noted that equivalent punishments were applied both to criminals who came from a simple family, and to representatives of privileged segments of the population. The analysis of the Cathedral Code provisions indicates that in the XVII century criminal policy towards women was tightened, qualified types of death penalty were introduced, in particular for manslaughter, and public corporal punishment was still applied. Traditionally, sexual crimes and crimes in the field of witchcraft and magic continued to be women's crimes until the reign of Peter the Great. The article focuses on the fact that only the reign of Catherine II witnessed cardinal changes in criminal punishment of women.

Keywords: female criminal; convicted woman; criminal liability; criminal punishment; differentiation of criminal liability.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Latysheva L.A. Features of criminal liability of women in the domestic legislation of the XVI–XVIII centuries. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 4 (24), pp. 179–185. doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.020.

Уголовная ответственность женщин имеет многовековую историю и специфические для каждого периода черты. Так, в древнерусском уголовном законодательстве преступницы находились в наиболее дискриминируемом положении, нежели мужчины, что доказывает суровость, беспощадность, строгость назначаемых наказаний. Подобное положение обуславливалось гендерным неравенством и социальным статусом женщины в обществе.

В исследуемой проблематике интерес представляет выявление особенностей назначения наказания женщинам в более поздние исторические периоды. Для анализа был выбран временной промежуток с XVI по XVIII в., отличающийся неоднородностью подходов к реализации уголовной ответственности.

Итак, анализ норм судебныхников 1497, 1550 гг. и Стоглава 1551 г. свидетельствует о том, что в них конкретно не устанавливается ответственность женщин, совершивших преступления. При этом среди женщин наиболее распространенными остаются преступления против веры, например чародейство, знахарство и пр. Так, Иван III, узнав, что к его жене Софье приходили женщины с зельем, приказал подвергнуть их обыску и казнить, утопив в реке [1, с. 64]. К числу женских преступлений продолжали относиться преступления против нравственности (прелюбодеяние, блуд), за совершение которых налагалась церковная епитимья.

Согласно Судебнику 1550 г. к преступницам стало применяться тюремное заключение, причем совместно с мужчинами.

Отличительной особенностью уголовной политики в отношении женщин во время правления Ивана Грозного являлось применение жестоких наказаний к именитым особам, в частности к женам бояр, за неугодные царю высказывания от насильного пострига в монахини до применения смертной казни путем колесования, четвертования [2, с. 15].

Таким образом, в XVI в. уголовная ответственность лиц женского пола отдельно не регламентировалась. Женщин весьма сурово и изощренно наказывали за преступления в половой сфере и области магии.

В XVII в. появляется новый вид наказания, которому подвергались и женщины, – ссылка в отдаленные местности (например, ссылка в монастырь с насильным постригом). Как отмечает Н. А. Белова, женщину могли направить на различные монастырские работы, обязать регулярно посещать церковные службы и совершать покаянные дела [3, с. 67].

В XVII в. отношение к женщине как к субъекту преступления продолжает ужесточаться. Особый интерес представляют положения Соборного уложения 1649 г. Так, в соответствии со ст. 14 за мужеубийство женщин казнили путем закапывания в землю по плечи. Данный вид казни Н. В. Сарычева именует как «пример правовой дискриминации женщин» [4, с. 15]. Убийство женой мужа расценивалось как квалифицированное [5, с. 434], при этом в Соборном уложении отсутствовала статья, регламентирующая ответственность мужа за убийство жены.

К смертной казни приговаривались женщины, жившие «блудно и скверно» [6, с. 62]. Согласно ст. 26 Соборного уложения квалифицирующим признаком, обуславливающим высокую меру наказания, являлось безнравственное поведение матери, родившей ребенка в блуде. Статья предусматривала наказание в совокупности [5, с. 251, 436].

Следует отметить, что именно в Соборном уложении 1649 г. впервые были регламентированы квалифицированные виды смертной казни, такие как сожжение на костре, колесование и др. Женщины также приговаривались к телесным наказаниям (торговая казнь, предусматривающая битье кнутом на торговой площади).

Соборным уложением предусматривалась отсрочка казни беременным женщинам до рождения ребенка. Так, согласно ст. 15 приговор исполнялся через шесть недель после рождения ребенка, которого передавали ближайшему родственнику или наемной кормилице [5, с. 434–435].

В XVII в. широкое распространение получило колдовство (привороты и др.), в этой связи усилились меры уголовно-правовой борьбы с ним. Так, применялись ссылка в отдаленную местность (монастырь), сожжение. Перед наказанием осужденная подвергалась пыткам [3, с. 76]. Уголовному преследованию подвергались женщины – приверженицы старой веры. Они отвечали за свои поступки в той же степени, что и мужчины. Примером является известная история боярыни Ф. П. Морозовой.

Итак, в XVII в. уголовная политика в отношении женщин продолжает ужесточаться, появляются новые квалифицированные составы, например мужеубийство. В Соборном уложении было установлено свыше 60 видов квалифицированной смертной казни, закреплены публичные телесные наказания, ссылка в отдаленные местности (монастыри).

В XVIII в. отечественные правовые акты по-прежнему не регламентировали уголовную ответственность по гендерному признаку.

Сохраняется тенденция совершения женщинами преступлений против веры. Например, Артикулом воинским 1715 г. за колдовство предусматривалась смертная казнь путем сожжения. Распространенным преступлением против церкви в период правления Петра I было кликушество, за которое предусматривались пытки и ссыл-

ка в монастыри [7]. Артикулом воинским также регламентировались телесные наказания, смертная казнь за чародейство, богохульство [8, с. 324].

Как отмечает И. А. Тарасова, в период правления Петра I широкое распространение получила проституция [9, с. 54]. Половые преступления перешли в подсудность государственного суда. Артикулом воинским устанавливалось наказание за кровосмешение: «Блуд, ежели двое из ближних свойственников ... телесно смешаются ... смертию казнен бывают» (арт. 173) [8, с. 360].

В эпоху Петра I было ужесточено наказание женщин, умертвивших незаконно-рожденных младенцев. Они приговаривались к смертной казни: «Ежели кто... дитя во младенчестве... наглым образом умертвит, оного колесовать, а тело его на колесо положить... » (арт. 163) [8, с. 358].

Таким образом, в эпоху правления Петра I женщины сурово наказывались за преступления против веры, в частности кликушество, половые преступления, прежде всего проституцию, а также за убийство новорожденного ребенка.

В период царствования Петра II продолжает сохраняться тенденция наказания мужьями жен за преступления против нравственности. Женщины продолжают нести наказания вместе с мужьями-преступниками. Например, князь А. Д. Меншиков, обвиненный в самоуправстве, был подвергнут ссылке вместе с женой и детьми (дочерьями Марией, Александрой и сыном Александром).

Дифференциацию уголовного преследования за колдовство закрепил указ Анны Иоанновны от 25 мая 1731 г., предусматривавший в отношении «истинных волшебников» казнь через сожжение и битье кнутом [3, с. 89].

В период правления Елизаветы Петровны распространенными преступлениями среди женщин были преступления против нравственности и половой морали, за которые предусматривались пытки и ссылка в монастыри [10, с. 286]. Например, белгородскому дворянину М. Пархомову и его второй супруге за незаконное вступление в брак и тайное сожителство после развода был объявлен Синодский приговор (Синодский указ от 5 мая 1729 г.): «обоих супругов в церкви не пущать, ни до каких таинств не допускать и в дом их с духовными требами не входить», затем – «во отвращение от их душепагубного сквернодействия, а на наставление их к покаянию... разослать их в монастыри под караулом скованными» [11].

Борьба с проституцией продолжалась и в период царствования Елизаветы Петровны. Так, в 1750 г. был издан указ «О поимке и приводе в главную полицию непотребных жен и девок».

В эпоху дворцовых переворотов ссылка в качестве меры наказания либо альтернативы смертной казни практиковалась в отношении сановных особ женского пола, впавших в царскую немилость и официально обвиненных в государственных преступлениях. В этой связи снова обращает на себя внимание «привилегированность» уголовных наказаний в отношении преступниц – представительниц высших сословий. Например, смягчили наказание приговоренной к отсечению головы баронессе Софии Лилиенфельд, бывшей фрейлине Анны Леопольдовны. В ее отношении вынесли следующее решение: «выждавъ, когда она разрешится отъ бремени, бить плетьюми, послать въ ссылку, имение конфисковать» [11].

Кардинально иная уголовная политика в отношении женщин-преступниц прослеживается в период правления Екатерины II. Она принимает противоположное

решение в сфере борьбы с проституцией. Указом 1763 г. данные женщины лечились, также им устанавливались периодические медицинские осмотры [12, с. 63]. Также предпринимались попытки дифференцировать осужденных по полу, в частности, для осужденных обоих полов создавались работные и смирительные дома.

В 1787 г. Екатериной II был подготовлен проект устава о тюрьмах с учетом опыта европейских государств. В данном документе предлагалось создание в России системы тюрем двух типов (уголовных и гражданских). Уголовные тюрьмы в губерниях подразделялись на три части (приговорная и осужденная), уездах – на две части (подстражная и приговорная). В каждой из частей предусматривались отделения для мужского и женского пола. Со всеми «тюремными» предписывалось «обходиться человеколюбиво, но при томъ иметь за ними крепкое и неослабное во всякое время смотрение», а также обеспечивать им «прокормление, покровъ и одежду по полу и состоянию каждаго» [3, с. 150].

Таким образом, в период правления Екатерины II начинают намечаться тенденции гуманного обращения с заключенными (дифференциация по половому признаку), приоритетное внимание уделяется их социально-бытовому обеспечению и воспитанию.

В правление Павла I было осуществлено распределение уголовных и иных преступников по местам отбытия наказания в зависимости от тяжести совершенного преступления. Как отмечается в монографическом исследовании Н. А. Беловой, по указу от 13 сентября 1797 г. убийц, «произносителей дерзких слов» против императора, возмутителей народа и пристанодержателей предписывалось «по наказанию отсылать въ Нерчинскъ въ работу»; преступников других родов, приговариваемых к поселению – на Иркутскую суконную фабрику; лиц, осуждаемых к телесным наказаниям и без них за долги и иные преступления, предлагалось отправлять в смирительные и рабочие дома либо на другие казенные работы, «къ крепостнымъ строениямъ, отколь куда способнее». Указом от 24 марта 1798 г. всех женщин, осужденных и впредь осуждаемых на поселение, повелевалось отправлять на Иркутскую суконную фабрику [3, с. 150].

При Павле I продолжилась борьба с проституцией уголовно-правовыми средствами. Так, женщин развратного поведения выслали из Москвы и Санкт-Петербурга на Нерчинские фабрики [13].

Таким образом, коренные изменения в уголовной политике в основном связаны с именами Петра I и Екатерины II. Следует отметить, что в Петровскую эпоху преобладала карательная составляющая наказания, продолжали применяться смертная казнь, членовредительские наказания, ссылка в монастырь, характеризующиеся суровыми условиями. Дифференциация уголовной ответственности по половому признаку практически отсутствовала, женскими преступлениями, за которые предусматривались суровые наказания, продолжают оставаться преступления против половой морали, веры (церкви). Первые попытки дифференциации ответственности женщин были предприняты Екатериной II путем создания смирительных и работных домов с обязательным условием раздельного содержания мужчин и женщин.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Скрынников Р. Г. Иван III. М., 2006. 288 с.
2. Хачак Б. Н. Гендерный подход в институте уголовного наказания: уголовно-правовые, пенитенциарные и криминологические проблемы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. 29 с.
3. Белова Н. А. Исполнение наказаний в России в отношении женщин: история и современность : моногр. Вологда, 2016. 340 с.
4. Сарычева Н. В. Женская преступность и ее предупреждение (на примере Ставропольского края) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 167 с.
5. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. М., 1985. Т. 3. Акты Земских соборов. 511 с.
6. Рябова О. С. Особенности уголовной политики в отношении женщин и несовершеннолетних по Соборному Уложению 1649 года // Государство и право: теория и практика : материалы I Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, апрель 2011 г.). Челябинск, 2011. С. 62–64.
7. Прыжов И. Г. Русские кликуши. 1868. URL: <https://rus.ruolden.ru/5717/russkie-klikushi-i-pryzhov-1868-god/> (дата обращения: 01.04.2023).
8. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. М., 1986. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. 512 с.
9. Тарасова И. А. Эволюция форм государственного контроля за проституцией в Российской империи (XVIII – начало XX в.) // Европейское научное объединение. 2016. № 4 (16). С. 58–62.
10. Павлушков А. Р. Пенитенциарная практика северных монастырей XVIII–XIX вв. (по материалам новгородских, архангельских и вологодских монастырей) : дис. ... канд. ист. наук. Вологда, 2000. 309 с.
11. Максимов С. В. Год на Севере. М., 1890. 698 с. URL: <https://www.booksite.ru/reise/maks/imov/6.htm> (дата обращения: 07.04.2023).
12. Тюнин В. И., Радошнова Н. В. Проституция в дореволюционной России и ее регламентация // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 1 (65). С. 60–67.
13. Семенова В. Ю. Преступления, связанные с проституцией, в России: исторический аспект // Молодой ученый. 2019. № 21 (259). С. 404–407.

REFERENCES

1. Skrynnikov R.G. *Ivan III* [Ivan III]. Moscow, 2006. 288 p.
2. Khachak B.N. *Gendernyi podkhod v institute ugolovnoy nakazaniya: ugolovno-pravovyye, penitentsiarnyye i kriminologicheskiye problemy: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Gender approach in the institution of criminal punishment: criminal law, penitentiary and criminological problems: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Krasnodar, 2014. 29 p.
3. Belova N.A. *Ispolnenie nakazanii v Rossii v otnoshenii zhenshchin: istoriya i sovremennost': monogr.* [Execution of punishments in Russia against women: history and modernity: monograph]. Vologda, 2016. 340 p.
4. Sarycheva N.V. *Zhenskaya prestupnost' i ee preduprezhdenie (na primere Stavropol'skogo kraja): dis. ... kand. yurid. nauk* [Women's crime and its prevention (on the example of the Stavropol Territory): Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2016. 167 p.
5. *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: v 9 t. T. 3. Akty Zemskikh soborov* [Russian legislation of the X–XX centuries: in 9 volumes. Volume 3. Acts of Zemstvo councils]. Moscow, 1985. 511 p.
6. Ryabova O.S. Features of criminal policy towards women and minors according to the Cathedral Code of 1649. In: *Gosudarstvo i pravo: teoriya i praktika: materialy I Mezhdunar.*

nauch. konf. (g. Chelyabinsk, april' 2011 g.) [State and law: theory and practice: materials of the I International Scientific Conference (Chelyabinsk, April 2011)]. Chelyabinsk, 2011. Pp. 62–64. (In Russ.).

7. Pryzhov I.G. *Russkie klikushi. 1868* [Russian klikushi. 1868]. Available at: <https://rus.ruolden.ru/5717/russkie-klikushi-i-pryzhov-1868-god/> (accessed April 1, 2023).

8. *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: v 9 t. T. 4. Zakonodatel'stvo perioda stanovleniya absolyutizma* [Russian legislation of the X–XX centuries: in 9 volumes. Volume 4. Legislation of the period of formation of absolutism]. Moscow, 1986. 512 p.

9. Tarasova I.A. Evolution of forms of state control over prostitution in the Russian Empire (XVIII – early XX century). *Evropeiskoe nauchnoe ob"edinenie = European Scientific Association*, 2016, no. 4 (16), pp. 58–62. (In Russ.).

10. Pavlushkov A.R. *Penitentsiarnaya praktika severnykh monastyrei XVIII XIX vv. (po materialam novgorodskikh, arkhangel'skikh i vologodskikh monastyrei): dis. ... kand. ist. nauk* [Penitentiary practice of the northern monasteries of the XVIII-XIX centuries (case study of the Novgorod, Arkhangelsk and Vologda monasteries): Candidate of Sciences (History) dissertation]. Vologda, 2000. 309 p.

11. Maksimov S.V. *God na Severe* [Year in the North]. Moscow, 1890. 698 p. Available at: <https://www.booksite.ru/reise/maks/imov/6.htm> (accessed April 7, 2023).

12. Tyunin V.I., Radoshnova N.V. Prostitution in pre-revolutionary Russia and its regulation. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Saint Petersburg University of the MIA of Russia*, 2015, no. 1 (65), pp. 60–67. (In Russ.).

13. Semenova V. Yu. Crimes related to prostitution in Russia: historical aspect. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, 2019, no. 21 (259). Pp. 404–407.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА ЛАТЫШЕВА – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, mila.latysheva.1988@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6035-2559>

LYUDMILA A. LATYSHEVA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, mila.latysheva.1988@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6035-2559>

Статья поступила 07.04.2023

Научная статья

УДК 343.822

doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.021

Экономические аспекты реализации права осужденных на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости

ОЛЕСЯ ВАЛЕРЬЕВНА МОШНЕНКО

Кузбасский институт ФСИН России, Новокузнецк, Россия, lapizkaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7441-4180>

Аннотация. В статье рассматриваются особенности реализации осужденными к лишению свободы возможности участвовать в гражданско-правовых отношениях по приобретению продуктов питания и предметов первой необходимости. На основе анализа законодательства, судебной практики и статистических данных выделяются экономические и правовые ограничения, влияющие на возможность реализации осужденными данного права. Раскрывается практика работы АО «Предприятие уголовно-исполнительной системы “Промсервис”», осуществляющего торговую деятельность в учреждениях уголовно-исполнительной системы. В целях обеспечения прав и законных интересов осужденных к лишению свободы автором обосновывается необходимость совершенствования рыночных механизмов торговой деятельности по продаже товаров, внесения изменений в уголовно-исполнительное законодательство.

Ключевые слова: права осужденных; приобретение товаров; ограничения.

Для цитирования: Мошненко О. В. Экономические аспекты реализации права осужденных на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 4 (24). С. 186–192. doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.021.

Original article

Economic Aspects of the Realization of Convicts' Right to Purchase Food and Basic Necessities

OLESYA V. MOSHNENKO

KI of the FPS of Russia, Novokuznetsk, Russia, lapizkaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7441-4180>

Abstract. The article discusses the specifics of the realization of convicts' right to participate in civil law relations for the purchase of food and basic necessities. Based on the analysis of legislation, judicial practice and statistical data, economic and legal restrictions affecting the possibility of convicts exercising this right are

highlighted. The author considers activities of JSC “Promservice penal system enterprise” carrying out trading activities in penitentiary institutions. In order to ensure the rights and legitimate interests of those sentenced to imprisonment, the author substantiates the need to improve market mechanisms of trading activities for the sale of goods to convicts, and amend penal legislation.

Key words: rights of convicts; purchase of goods; restrictions.

For citation: Moshnenko O.V. Economic aspects of the realization of convicts' right to purchase food and basic necessities. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 4 (24), pp. 186–192. doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.021.

На протяжении последних двадцати лет осуществляется серьезная работа по трансформации уголовно-исполнительной системы и соответствующего законодательства, направленной на гуманизацию, неукоснительное соблюдение прав осужденных [1; 2].

Устанавливая в качестве одного из видов наказания лишение свободы, государство действует как в своих интересах, так и в интересах общества и его членов. При этом комплекс ограничений, устанавливаемый законодателем для осужденных, затрагивает все сферы жизнедеятельности человека, в том числе и сферу правоспособности гражданина.

Обеспечивая право граждан, осужденных к лишению свободы, совершать любые не противоречащие закону сделки, направленные на реализацию имущественных потребностей (в ракурсе предмета настоящей статьи), уголовно-исполнительное законодательство содержит ограничения по номенклатуре разрешенных для приобретения товаров, контрагентам сделок, размеру денежных средств, возможных к использованию осужденными (здесь и далее имеем в виду осужденных к лишению свободы).

Признавая необходимость и правильность данных ограничений как составляющих режима отбывания уголовного наказания, нельзя не отметить проблему существенного различия цен на товары, доступные для приобретения осужденными, и цен на аналогичные товары, находящиеся в продаже вне учреждений уголовно-исполнительной системы. Подобная ситуация не отвечает цели уголовного наказания, не справедлива, не обеспечивает равенство граждан.

Вопросы ограничений, связанных с возможностью расходования осужденными средств на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости (далее – товары), а также ценовой политикой специализированных магазинов, не получили должного исследования со стороны научного сообщества.

Внимание современных исследователей в большей степени направлено на анализ режимных ограничений, исследование вопросов приобретения осужденными товаров через специализированные магазины в контексте вопросов безопасности [3; 4].

На наш взгляд, данная тема является актуальной. Об этом свидетельствуют, согласно архиву Кузбасской прокуратуры по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях за 2020–2022 гг., неоднократные обращения осужденных в органы прокуратуры по вопросу завышенных цен в специализированных

магазинах, фактически являющихся монополистами на территории исправительного учреждения, «голодные бунты», осуществляемые на территории ряда исправительных учреждений, связанные с ограничением возможности осужденных обеспечить свои имущественные потребности в условиях возросших цен.

Необходимость принятия дополнительных мер по регулированию цен на товары, доступные к приобретению в магазинах при учреждениях уголовно-исполнительной системы, предусмотрена и Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г. [2].

Запрещая осужденным осуществлять сделки (по купле-продаже, дарению, мене и т. д.) между собой, устанавливая ограничения по количеству и весу разрешенных для получения бандеролей, передач и посылок, законодатель одновременно предоставляет право осужденным приобретать товары для личного пользования. Реализация данного права осуществляется через магазин исправительного учреждения (интернет-магазин или магазин, непосредственно функционирующий на территории учреждения (специализированный магазин)) [5; 6].

Непосредственно поставку товаров в данные специализированные магазины на всей территории осуществляет АО «Предприятие уголовно-исполнительной системы “Промсервис”» (АО «Промсервис») через обособленные структурные подразделения (раннее – ФГУП «Промсервис»), имеющее в исправительных учреждениях (как правило, на режимной территории и вне ее) торговые точки.

Например, на территории Кемеровской области – Кузбасса действует обособленное подразделение «Кемеровское» (ОСП «Кемеровское»). Непосредственно розничная продажа товаров осуществляется через 23 магазина, 19 из которых находятся при исправительных учреждениях, 4 – при следственных изоляторах.

Следует отметить, что обособленные структурные подразделения АО «Промсервис» не осуществляют самостоятельно закупочную деятельность. Закупочная деятельность осуществляется АО «Промсервис» в соответствии с Федеральным законом от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц», а также локальными правовыми актами.

Контрагенты и закупочные цены на поставку определяются по итогу проведенных конкурентных процедур в соответствии с требованиями вышеуказанного закона, на электронной площадке «Сбербанк АСТ», с размещением информации в единой информационной системе.

По результатам заключаются договоры с победителями конкурентных процедур, которые могут гарантировать наличие достаточного товарного запаса в нужном ассортименте, своевременную и оперативную доставку товара до каждого магазина с учетом проезда через контрольно-пропускной пункт учреждения, наличие соответствующих транспортных средств для доставки товаров с учетом территориальных особенностей регионов, а также предложат наиболее низкую цену договора.

Контроль за ценообразованием осуществляется на регулярной основе путем проведения мониторинга цен в розничных торговых точках на одноименные товары региона. Мониторинг цен включает в себя сбор данных о сложившихся среднерыночных ценах у предприятий-конкурентов схожего формата организации торговой деятельности (ларьки, киоски, павильоны, нестационарные торговые точки, магазины формата «у дома», несетевые магазины площадью до 100 кв. м).

На основании полученных данных, а также для покрытия всех затрат, связанных с осуществлением уставных видов деятельности, АО «Промсервис» устанавливается розничная наценка на товары. Диапазон торговых наценок, согласно архиву Кузбасской прокуратуры по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях за 2020–2022 гг., утверждается приказом и колеблется от 1 до 35 %, в соответствии с затратами и уровнем рентабельности.

Предусматривается также возможность увеличения торговой наценки при достижении соглашения с поставщиками о снижении закупочной цены на товар, не отнесенный законодательством к социально значимым, на размер не более 50 %, а также возможность увеличения торговой наценки на размер ставки НДС в случае нахождения поставщика на упрощенной системе налогообложения.

Безусловными факторами, влияющими на цену товаров, являются ограниченные объемы продаж, ограниченный ассортимент, убыточность отдельных торговых точек и др. Ограничение объема продаж обусловлено наличием у осужденного лимита на пользование денежными средствами, а ограниченный ассортимент обусловлен наличием перечня товаров, запрещенных для приобретения осужденными.

Анализ российского законодательства показал, что в условиях рыночной экономики предусматривается возможность государства по ограничению цен хозяйственных обществ только в отношении социально значимых товаров.

АО «Промсервис» является коммерческой организацией, цель которого – получение прибыли. Общество самостоятельно осуществляет финансово-хозяйственную деятельность (определение размера оплаты труда работников, цен, порядка и формы расчетов по сделкам и т. д.).

В отличие от федеральных государственных унитарных предприятий ФСИН России предприятия, имеющие организационно-правовую форму хозяйственного общества, обладают большей хозяйственной самостоятельностью.

Несмотря на то что деятельность АО «Промсервис» осуществляется в соответствии с требованиями российского законодательства, анализ номенклатуры и стоимости товаров, реализуемых в магазинах ОСП «Кемеровское» на территории Кемеровской области – Кузбасса, показал, что по ряду позиций стоимость товаров в специализированных магазинах превышает их среднерыночную стоимость на аналогичном региональном рынке.

Это обусловлено спецификой рынка розничной торговли, осуществляемой через специализированные магазины в условиях отсутствия конкуренции по реализации товаров в конкретном учреждении уголовно-исполнительной системы со стороны иных коммерческих организаций, порядком формирования итоговой цены товара с учетом установленной торговой наценки.

Более того, результаты закупочной деятельности АО «Промсервис» по поставке товаров в ОСП «Кемеровское» за 2022 г. свидетельствуют об окончании большей части конкурентных закупок заключением договора поставки товаров с единственным участником.

Аналогичные результаты получены при анализе закупочной деятельности по поставке товаров для нужд иных обособленных структурных подразделений [7].

Вторым значимым элементом механизма ограничения права осужденных на приобретение товаров является установление законодателем предельного размера разрешенных денежных средств (в дополнение к поступающим в виде заработ-

ной платы, пенсий, социальных пособий), доступных к расходованию осужденными в специализированных магазинах. Размер разрешенных средств устанавливается ст. 121, 123, 125, 131, 133 УИК РФ и зависит от таких факторов, как условия содержания, место отбывания наказания, состояние здоровья осужденного и т.д.

Размер средств варьируется от 5000 руб. (для содержащихся в запираемых помещениях осужденных, подвергнутых взысканию) до 11 400 руб. (для отбывающих наказание в облегченных условиях несовершеннолетних). Лишь незначительной категории осужденных разрешено приобретение товаров без ограничений.

Предусмотренные фиксированные суммы разрешенных для расходования осужденными средств в специализированных магазинах не пересматривались более семи лет; в последний раз они были скорректированы в июле 2015 г. [8] и пришли на смену размерам, ранее установленным в 2009 г., что было обусловлено экономической ситуацией в стране и ростом потребительских цен, который за период с февраля 2009 г. по июль 2015 г. составил 69,5 % [9]. Согласно внесенным изменениям, коэффициент прироста размера разрешенных средств составил от 1,9 до 10.

Анализ статистических данных за период с июля 2015 г. по декабрь 2022 г. показывает, что уровень инфляции за это время составил 53,7 %. При этом значительный рост инфляции наблюдается именно в 2022 г. Уровень инфляции по итогам 2022 г. составил 11,9 % [9]. Данный уровень инфляции существенно выше уровня инфляции за последние семь лет.

Как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, степень соразмерности установленных законодателем пределов расходования осужденными средств на приобретение товаров должна зависеть от реальной возможности обеспечивать законные материальные потребности осужденных с учетом целей уголовного наказания и исходя из существующего уровня жизни населения [10].

Инфляция 2015–2022 гг. привела к снижению уровня жизни населения, изменению реальных возможностей приобретения товаров осужденными в условиях, когда размер разрешенных денежных средств установлен в твердой сумме.

Указанное свидетельствует о необходимости трансформации уголовно-исполнительного законодательства: изменения размера ограничений с учетом изменения ценности денег (происходящей под воздействием инфляции) при сохранении существующих пропорций в ограничениях сумм с учетом целей уголовно-исполнительного законодательства.

Таким образом, рассмотренные в настоящей статье вопросы позволяют констатировать наличие рыночного института лишь на стадии осуществления закупки товаров.

Деятельность АО «Промсервис» не решает проблему диспропорции цен, не обеспечивает осужденным равные с иными гражданами условия при реализации своих имущественных потребностей. Указанное требует поиска путей по повышению эффективности существующего механизма при осуществлении торговой деятельности.

Одновременно приведенные статистические сведения свидетельствуют о схожести экономической ситуации и наличии предпосылок для законодательной инициативы в целях изменения размера средств, разрешенных осужденным для приобретения товаров в специализированных магазинах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 14.10.2010 № 1772-р (ред. от 23.09.2015) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 43. Ст. 5544.
2. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 20. Ст. 3397.
3. Майстренко Г. А. Контроль посылок, передач и приобретение предметов первой необходимости заключенными: зарубежный опыт // Образование и право. 2022. № 4. С. 394–397.
4. Морозов А. С., Хильман Д. В. Правовой механизм замены имущественных прав осужденных // Вестник Кузбасского института. 2020. № 4 (45). С. 153–160.
5. Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы : приказ Минюста России от 04.07.2022 № 110 (Зарегистрировано в Минюсте России 05.07.2022 № 69157). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421232/ (дата обращения: 26.11.2022).
6. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 2. Ст. 198.
7. Единая информационная система в сфере закупок. URL: <https://zakupki.gov.ru/> (дата обращения: 29.12.2022).
8. О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации в части увеличения ежемесячных денежных сумм, предусмотренных для приобретения осужденными продуктов питания и предметов первой необходимости : федер. закон от 13.07.2015 № 260-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 29. Ч. I. Ст. 4386.
9. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13221> (дата обращения: 19.11.2022).
10. О прекращении производства по делу о проверке конституционности положений статьи 88, пункта «а» части второй статьи 118, пункта «а» части третьей статьи 123 и пункта «а» части пятой статьи 131 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 22.04.2009 № 362-О-О. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_62347/ (дата обращения: 06.12.2022).

REFERENCES

1. On the Concept for the Development of the Penal System of the Russian Federation up to 2020: Decree of the Government of the Russian Federation No. 1772-r of October 14, 2010 (as amended September 23, 2015). In: *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2010. No. 43. P. 5,544. (In Russ.).
2. On the Concept for the Development of the Penal System of the Russian Federation up to 2030: Decree of the Government of the Russian Federation No. 1138-r of April 29, 2021. In: *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2021. No. 20. P. 3,397. (In Russ.).
3. Maistrenko G.A. Control of packages, transfer and acquisition of essential items by prisoners: foreign experience. *Obrazovanie i pravo = Education and Law*, 2022, no. 4, pp. 394–397. (In Russ.).

4. Morozov A.S., Khil'man D.V. Legal mechanism for replacing property rights of convicted persons. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2020, no. 4 (45), pp. 153–160. (In Russ.).
5. *Ob utverzhdenii Pravil vnutrennego rasporyadka sledstvennykh izolyatorov ugolovno-ispolnitel'noi sistemy, Pravil vnutrennego rasporyadka ispravitel'nykh uchrezhdenii i Pravil vnutrennego rasporyadka ispravitel'nykh tsentrov ugolovno-ispolnitel'noi sistemy : prikaz Minyusta Rossii ot 04.07.2022 No. 110 (Zaregistrovano v Minyuste Rossii 05.07.2022 № 69157)* [On Approval of the Internal Regulations of Pre-trial Detention Facilities of the Penal system, the Internal Regulations of Correctional Institutions and the Internal Regulations of Correctional Centers of the Penal System: Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 110 of July 4, 2022 (Registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 69157 of July 5, 2022)]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421232/ (accessed November 26, 2022).
6. Penal Code of the Russian Federation No. 1-FZ of January 8, 1997 (as amended of December 29, 2022). In: *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 1997. No. 2. Art. 198. (In Russ.).
7. *Edinaya informatsionnaya sistema v sfere zakupok* [Unified information system in the field of procurement]. Available at: <https://zakupki.gov.ru/> (accessed December 29, 2022).
8. On Amendments to the Penal Code of the Russian Federation in terms of Increasing the Monthly Sums of Money Provided to Convicts for the Purchase of Food and Basic Necessities: Federal Law No. 260-FZ of July 13, 2015. In: *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii Ch. I.* [Collection of legislation of the Russian Federation. Part 1]. 2015. No. 29. Art. 4,386. (In Russ.).
9. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service of the Russian Federation]. Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13221> (accessed November 19, 2022).
10. *O prekrashchenii proizvodstva po delu o proverke konstitutsionnosti polozenii stat'i 88, punkta "a" chasti vtoroi stat'i 118, punkta "a" chasti tret'ei stat'i 123 i punkta "a" chasti pyatoi stat'i 131 Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: opredelenie Konstitutsionnogo Suda Ros. Federatsii ot 22.04.2009 № 362-O-O* [On the Termination of Proceedings in the Case of Checking the Constitutionality of Provisions of Article 88, Paragraph "a" of Part 2 of Article 118, Paragraph "a" of Part 3 of Article 123 and Paragraph "a" of Part 5 of Article 131 of the Penal Code of the Russian Federation: definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 22, 2009]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_62347/ (accessed December 6, 2022).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ОЛЕСЯ ВАЛЕРЬЕВНА МОШНЕНКО – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института ФСИН России, Новокузнецк, Россия, lapizkaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7441-4180>

OLESYA V. MOSHNENKO – Candidate of Sciences (Economics), associate professor at the Department of State and Legal Disciplines of the KI of the FPS of Russia, Novokuznetsk, Russia, lapizkaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7441-4180>

Статья поступила 12.12.2023

Научная статья

УДК 340

doi 10.46741/27132811.2023.24.4.022

Влияние преступности в сфере инновационной деятельности на подготовку юриста в образовательных организациях высшего образования

ВАСИЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ НЕКРАСОВ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда,
Россия, vnnekrasow@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2494-0449>

ЮЛИЯ ИГОРЕВНА КАРАВАЕВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда,
Россия, jy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5361-9881>

Аннотация. В статье заявленная тема рассматривается сквозь призму двух аспектов: во-первых, особенности подготовки юристов исходя из ожиданий и запросов субъектов, участвующих в данном процессе, во-вторых, влияние инновационной деятельности на формирование компетенций выпускника-юриста. На конкретных примерах уголовного законодательства показано наличие проблем, оказывающих влияние на сферу юридического образования. По мнению авторов, на сегодняшний день назрела необходимость подготовки и принятия документа, позволяющего объединить и скоординировать требования к подготовке юриста, – профессионального стандарта «Юрист». В связи с динамичным развитием преступности в сфере инновационной деятельности ключевыми компетенциями юриста должны стать, с одной стороны, способность обладать фундаментальными и прикладными знаниями и профессиональной мобильностью, с другой – способность работать с различными источниками юридической информации, а также владение навыками критического анализа.

Ключевые слова: юридическое образование; инновационная деятельность; преступления.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Некрасов В. Н., Караваева Ю. И. Влияние преступности в сфере инновационной деятельности на подготовку юриста в образовательных организациях высшего образования // *Ius publicum et privatum*: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2023. № 4 (24). С. 193–199. doi 10.46741/27132811.2023.24.4.022.

Original article

Impact of Crime in the Field of Innovative Activity on Training a Lawyer in Higher Education Institutions

VASILII N. NEKRASOV

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, vnnekrasow@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2494-0449>

YULIYA I. KARAVAEVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, jy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5361-9881>

Abstract. The article considers the stated topic through the prism of two aspects: first, the specifics of training lawyers based on the expectations and requests of the subjects involved in this process, and second, the impact of innovative activities on the formation of competencies of a graduate lawyer. Specific examples of criminal law demonstrate the existence of problems affecting the field of legal education. According to the authors, it is necessary to prepare and adopt a document that combines and coordinates the requirements for training a lawyer, the professional standard “Lawyer”. Due to dynamic development of crime in the field of innovation, one of the key competencies of a lawyer should be, on the one hand, the ability to possess fundamental and applied knowledge and professional mobility, on the other hand, the ability to work with various sources of legal information, as well as skills of critical analysis.

Key words: legal education; innovative activity; crimes.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Nekrasov V.N., Karavaeva Yu.I. Impact of crime in the field of innovative activity on training a lawyer in higher education institutions. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 4 (24), pp. 193–199. doi 10.46741/27132811.2023.24.4.022.

Последние несколько лет для современного общества продиктованы курсом на стремительное развитие и обновление практически всех сфер жизни. Развитие инновационной деятельности, с одной стороны, принесло обществу пользу в экономике, образовании, здравоохранении и других областях, а с другой – стимулировало появление новых и трансформацию традиционных форм преступности. Преступления в сфере инновационной деятельности причиняют вред социально-экономической сфере страны в целом, а также негативным образом затрагивают права и свободы участников инновационных отношений. Отмеченные процессы, несомненно, должны учитываться и в процессе подготовки юриста в образовательных организациях высшего образования ведь возможно именно выпускникам-юристам предстоит заниматься предупреждением и пресечением подобных преступлений.

Профессиональной юридической деятельностью занимаются тысячи людей: следователи, прокуроры, судьи, юрисконсульты, сотрудники правоохранительных органов, специалисты по кадрам, нотариусы, а также специалисты иных сфер юридического профиля. Следует отметить, что на сегодняшний день расширились возможности юриста в поиске интересной работы в различных сферах деятельности. Новые вакансии возникают в области интеллектуальной собственности, охраны прав потребителей, авторских прав, защиты от недобросовестной конкуренции, сфере риэлтерской деятельности и др. Юрист – это специалист практически во всех сферах жизнедеятельности. Кроме того, сегодня ни одна крупная сделка не обходится без юридического сопровождения, и поэтому юристы востребованы в разнообразных фирмах, крупных банках и иных организациях. Штатный юрист занят составлением и проверкой договоров, а также экспертизой предоставляемых партнерами документов. Перед молодыми людьми, избравшими профессию юриста, открываются широкие перспективы. Все это позволяет вести речь, с одной стороны, о востребованности профессии юриста, с другой – появлении новых сфер юридической профессии, в которых юристы находят призвание. В этой связи возникает вопрос: насколько готовы выпускники юридических вузов к практической деятельности, особенно в связи с развитием инновационных технологий и преступности в данной сфере?

В настоящее время в процессе подготовки юриста участвуют несколько основных субъектов, к которым относятся образовательная организация высшего образования, сам обучающийся и, конечно же, будущие работодатели. На сегодняшний день в России существует 505 вузов юридического профиля. И каждая образовательная организация заинтересована осуществить максимальный набор на открытые ею образовательные программы. Для обеспечения конкурентоспособности в вузах предпринимаются попытки разнообразить содержание образовательного процесса, сделать его интересным для обучающихся. Таким образом, образовательная организация для выполнения контрольных цифр приема должна учитывать запросы и ожидания обучающихся. По результатам проведенного опроса 1300 респондентов, обучающихся в юридических вузах 12 субъектов Российской Федерации, нами сформирован топ наиболее популярных ответов на вопрос: «Почему Вы выбрали для себя профессию юриста?». Лидерами по числу ответов стали:

1. Качество обучения (уровень подготовки, квалификация преподавателей).
2. Гарантия найти высокооплачиваемую работу после окончания образовательной организации.
3. Возможность занять высокий пост, иметь власть.
4. Приобретение практических навыков составления документов и реализации действий в различных ситуациях.
5. Престиж профессии (известность, традиции).

Следует отметить, что федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования не содержат основной категории компетенций (профессиональных компетенций), которыми должен овладеть обучающийся, данные компетенции образовательная организация формулирует самостоятельно на основе профессиональных стандартов или требований работодателей. В этой связи в

ходе проведенного опроса 600 работодателей сформулированы наиболее ожидаемые, по их мнению, компетенции, которыми должны обладать выпускники-юристы:

1. Знание нормативных правовых актов.

2. Умение готовить документы (например, исковое заявление, договор и пр.), использовать теоретические знания на практике.

3. Дисциплинированность, ответственность.

4. Для правоохранительной деятельности: физическая развитость, умение владеть табельным оружием.

5. Соблюдение этических норм.

Сопоставление ожиданий двух субъектов, участвующих в процессе подготовки будущих юристов, позволяет сделать вывод о разбалансировке интересов как со стороны обучающихся, так и со стороны работодателей.

К сожалению, сегодня профессиональный стандарт «Юрист» отсутствует, а федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования содержат широкую вариативность критериев формулировки профессиональных компетенций (требования к профессиональным компетенциям у разных работодателей разные, отечественный и зарубежный опыт в сфере юриспруденции разный). Так, например, согласно п. 3.5 ФГОС 40.05.02 Правоохранительная деятельность (уровень специалитета) предусмотрено, что при отсутствии профессиональных стандартов, соответствующих профессиональной деятельности выпускников, профессиональные компетенции определяются Организацией на основе анализа требований к профессиональным компетенциям, предъявляемых к выпускникам на рынке труда, обобщения отечественного и зарубежного опыта, проведения консультаций с ведущими работодателями, объединениями работодателей отрасли, в которой востребованы выпускники, иных источников [1].

В отсутствие профессионального стандарта «Юрист» профессиональные компетенции формулируются с учетом мнения отдельных работодателей, к которым обратилась образовательная организация, то есть с учетом их субъективной позиции. Более того, не всегда даже в нескольких вузах в рамках одной специальности запросы на компетенции у работодателей совпадают. В результате образовательная организация формирует соответствующий набор дисциплин для изучения в рамках образовательной программы. При этом у Минобрнауки России существует свое мнение по поводу перечня дисциплин, которые обязательно должны изучаться в рамках освоения образовательной программы. Например, по образовательной программе 40.05.02 Правоохранительная деятельность наряду с такими основными дисциплинами, как «Уголовное право», «Уголовный процесс», «Гражданское право», «Гражданский процесс», изучаются «Экологическое право», «Финансовое право», независимо от специализации, которую получает обучающийся (в том числе по специализации «воспитательно-правовая деятельность» эти дисциплины обязательны для изучения).

Вместе с тем дает право на реализацию образовательных программ и осуществляет проверку качества их реализации именно Минобрнауки России, а не работодатель. Таким образом, требования к специалисту в сфере юриспруденции формируются образовательными организациями исходя из запросов трех заинтересованных сторон, мнение которых зачастую разнится. Для обеспечения единообразия подхо-

дов к подготовке юристов и качества их подготовки Министерству труда и социальной защиты Российской Федерации необходимо завершить работу по разработке профстандарта «Юрист», начатую еще в 2020 г. (Проект Приказа Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации «Об утверждении профессионального стандарта “Юрист”» (подготовлен Минтрудом России 27.03.2020)) [2].

Представляется, что в связи с развитием инновационной деятельности и преступности в данной сфере профессиональный стандарт «Юрист» должен содержать соответствующие компетенции в данной области. Думается, что в процессе подготовки юриста следует учитывать следующие обстоятельства. Во-первых, с развитием инновационной деятельности растет и количество правовых актов, регламентирующих как существующие, так и новые виды общественных отношений. Так, например, в уголовном праве увеличивается число бланкетных норм. В качестве примера можно назвать конструкцию диспозиции ст. 234.1 УК РФ. Так, законодателем используется словосочетание «новых потенциально опасных психоактивных веществ». В данном случае применяется обобщающая формулировка, раскрывающая сущность общественно опасного деяния, без перечисления всех возможных видов новых потенциально опасных веществ. Вместе с тем перечень таких веществ дается в иных правовых актах.

Инновационной деятельности присущ широкий спектр охватываемых ею общественных отношений в различных сферах общества. В этой связи правовая охрана таких отношений обеспечивается различными отраслями права: гражданским, административным и др. Кроме того, для рассматриваемого вида деятельности характерен высокий динамизм, стимулирующий стремительное развитие и обновление практически всех сфер общественной жизни. Отмеченное влияет на то, что многие статьи УК РФ, предусматривающие ответственность за совершение преступлений в сфере инновационной деятельности, сконструированы при помощи бланкетного приема (например, ст. 146, 147, 187 и др.). Это следует признать обоснованным, поскольку бланкетные нормы в этом случае позволяют обеспечить эффективное межотраслевое взаимодействие, а также предотвратить возникновение правовых пробелов.

Второе обстоятельство, которое следует учитывать, это меняющееся мышление юриста, оно становится более инновационным и сложным, как и правовые нормы. Когда-то юридическое лицо было инновацией римского права, а сейчас всерьез обсуждается вопрос об уголовной ответственности юридических лиц, а они как раз и являются продуктом мышления человека.

Думается, что на определенном этапе человеческое мышление перешло из обыденного в инновационное. Так, например, от казуистики в праве мы перешли к сложным юридическим конструкциям. Взять хотя бы конструкцию ч. 1 ст. 159.6 УК РФ. Использованное законодателем словосочетание «вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей» является сложным для понимания ввиду его неточности и излишней абстрактности. Что следует считать средствами хранения, обработки или передачи компьютерной информации? Исходя из формального толкования отмеченной нормы сюда можно включить довольно широкий перечень средств от технически сложных устройств до кассовых аппаратов. И еще

больше сомнений вызывает такая формулировка, как «иное вмешательство» в функционирование вышеназванных средств.

Представляется, что использованное для конструирования ст. 159.6 УК РФ словосочетание «вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей» излишне казуистично, что не только не способствует единообразному применению отмеченной нормы, но и приводит к ослаблению уголовно-правовой охраны соответствующих общественных отношений. Представляется, что для решения обозначенной проблемы целесообразно использовать конструкцию «хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество с использование технических средств воздействия на компьютерную информацию», потому как она позволит отнести к средствам преступления появляющиеся в указанной сфере технические новшества, а также более точно отражает сущность анализируемых средств.

Сегодня нередко у юриста нет ответов и решений на все вопросы, так как законодательство не всегда поспевает за изменениями в общественных отношениях. В качестве примера можно привести случаи совершения преступлений с использованием или в отношении цифровых финансовых активов. Даже сегодня, спустя несколько лет после своего появления, криптовалюта и цифровые деньги понимаются крайне по-разному – от признания их синонимичными электронным деньгам до выделения в качестве товара, имущества, денежного средства [3–6].

С учетом динамично развивающегося общества и отражения данных изменений в законодательстве особую значимость приобретает роль юриста. А значит, знания, умения и навыки, которые будущий юрист приобретает в процессе получения высшего образования, должны быть понятны и сбалансированы с учетом мнения всех заинтересованных сторон (образовательная организация, обучающийся, работодатель). Представляется, что на сегодняшний день назрела необходимость подготовки и принятия документа, позволяющего объединить и систематизировать требования к подготовке юриста. И таким документом должен стать профессиональный стандарт «Юрист». В связи с динамичным развитием преступности в сфере инновационной деятельности ключевыми компетенциями юриста должны стать, с одной стороны, способность обладать фундаментальными и прикладными знаниями и профессиональной мобильностью, с другой – способность работать с различными источниками юридической информации, а также владение навыками критического анализа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – специалитет по специальности 40.05.02 Правоохранительная деятельность : приказ Минобрнауки России от 28.08.2020 № 1131. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Проект Приказа Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации «Об утверждении профессионального стандарта «Юрист». URL: [proekt_prikaza_ministerstva_truda_i_sotsialnoy_zashchiti_rf_ob_utvergdenii_professi.rtf](#) (дата обращения: 08.09.2023).

3. Определение Арбитражного суда Вологодской области по делу № А13-15648/2015 от 15.08.2016. URL: <https://sudact.ru/arbitral/case/6K8IBr5vRK1p/> (дата обращения: 08.09.2023).
4. Есаков Г. А. Денежные суррогаты и ответственность за хищение // Уголовное право. 2015. № 1. С. 48–53.
5. Бондаренко Д. Д. Виртуальные валюты: сущность и борьба с их использованием в преступных целях (на примере США). URL: <http://xn----7sbbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/18491> (дата обращения: 05.10.2019).
6. Землюков С. В., Коренная А. А. Правовой статус криптовалюты в уголовном праве // Известия АлтГУ. Юридические науки. 2018. № 3 (101). С. 47–53.

REFERENCES

1. On the approval of the Federal State Educational Standard of Higher Education – specialty 40.05.02 Law Enforcement: Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 1131 of August 28, 2020. *Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy "Konsul'tantPlyus"* [Access from the reference legal system "ConsultantPlus"]. (In Russ.).
2. *Proekt Prikaza Ministerstva truda i sotsial'noi zashchity Rossiiskoi Federatsii "Ob utverzhdenii professional'nogo standarta "Yurist"* [Draft Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation "On approval of the professional standard "Lawyer"]. Available at: proekt_prikaza_ministerstva_truda_i_sotsialnoy_zashchiti_rf_ob_utverghdenii_professi.rtf (accessed September 8, 2023).
3. *Opredelenie Arbitrazhnogo suda Vologodskoi oblasti po delu No. A13-15648/2015 ot 15.08.2016* [Ruling of the Vologda Region Arbitration Court in case no. A13-15648/2015 of August 15, 2016]. Available at: <https://sudact.ru/arbitral/case/6K8IBr5vRK1p/> (accessed September 8, 2023).
4. Esakov G.A. Cash equivalents and responsibility for theft. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2015, no. 1, pp. 48–53. (In Russ.).
5. Bondarenko D.D. *Virtual'nye valyuty: sushchnost' i bor'ba s ikh ispol'zovaniem v prestupnykh tselyakh (na primere SShA)* [Virtual currencies: the essence and the fight against their use for criminal purposes (case study of the USA)]. Available at: <http://xn----7sbbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/18491> (accessed October 5, 2019).
6. Zemlyukov S.V., Korennaya A.A. The legal status of crypto-currencies in criminal law. *Izvestiya AltGU. Yuridicheskie nauki = Izvestiya of Altai State University*, 2018, no. 3 (101), pp. 47–53. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ВАСИЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ НЕКРАСОВ – доктор юридических наук, заместитель начальника Вологодского института права и экономики ФСИН России по учебной работе, Вологда, Россия, vnnekrasow@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2494-0449>

ЮЛИЯ ИГОРЕВНА КАРАВАЕВА – кандидат социологических наук, ученый секретарь Ученого совета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, jy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5361-9881>

VASILII N. NEKRASOV – Doctor of Sciences (Law), Deputy Head for Academic Affairs of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, vnnekrasow@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2494-0449>

YULIYA I. KARAVAEVA – Candidate of Sciences (Sociology), Academic Secretary at the Academic Council of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, jy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5361-9881>

Статья поступила 20.10.2023

Научная статья

УДК 342

doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.023

Особенности нормативно-правового регулирования участия осужденных в специальной военной операции

НИКОЛАЙ ВИКТОРОВИЧ РУМЯНЦЕВ

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия

rumyantsevn.v@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0958-8539>

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы правового статуса осужденных, обоснования участия их в специальной военной операции. Анализируется нормативно-правовая база, определяющая права и обязанности, критерии отбора, оценки эффективности привлечения к специальной военной операции осужденных, вопросы их освобождения от уголовной ответственности и реабилитации. Обращено особое внимание на вопросы проблемного характера, возникающие при реализации механизма регулирования и правовых основ деятельности осужденных на период проведения военных действий.

Ключевые слова: специальная военная операция (СВО); правовой статус осужденных; правовое регулирование; уголовно-исполнительная система; нормативно-правовая база; доктрина.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Румянцев Н. В. Особенности нормативно-правового регулирования участия осужденных в специальной военной операции // *Ius publicum et privatum*: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2023. № 4. С. 200–205. doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.023.

Original article

Features of Legal Regulation of Convicts' Participation in the Special Military Operation

NIKOLAI V. RUMYANTSEV

Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia

Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

rumyantsevn.v@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0958-8539>

© Румянцев Н. В., 2023

Abstract. The article considers issues of the legal status of convicts and substantiates their participation in the special military operation. The article analyzes the regulatory framework defining the rights and obligations, selection criteria, evaluation of the effectiveness of bringing convicts to a special military operation, issues of their release from criminal liability and rehabilitation. Special attention is paid to the issues of a problematic nature that arise during the implementation of the mechanism for regulating and implementing the doctrine of the legal basis for the activities of convicts during the period of military operations.

Keywords: special military operation (SVO); legal status of convicts; legal regulation; penal system; regulatory framework; doctrine.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Rumyantsev N.V. Features of legal regulation of convicts' participation in the special military operation. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 4 (24), pp. 200–205. doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.023.

Современная правовая наука нуждается в разработке концептуальных основ для общественных явлений, имеющих место в реальности. Одним из таких проблемных вопросов являются правовые основания участия осужденных в исполнении задач государства по обеспечению его безопасности при военных конфликтах и специальных операциях.

Исторический опыт в период Великой Отечественной войны свидетельствует об участии осужденных в борьбе с фашизмом в составе так называемых штрафных батальонов, которые, несомненно, сыграли определенную положительную роль в выполнении стоящих перед ними задач.

С началом проведения в феврале 2022 г. специальной военной операции (СВО) по освобождению Донецкой и Луганской народных республик и оказанию помощи в защите их населения, подвергающегося издевательствам и геноциду на протяжении длительного времени, с целью демилитаризации и денацификации Украины, а также в связи с усилением эскалации конфликта Указом Президента России в сентябре 2022 г. в России была объявлена частичная мобилизация, в ходе которой была предоставлена возможность участия в боевых действиях осужденным, отбывающим наказание в местах лишения свободы. При этом следует отметить, что, находясь в статусе осужденного и обладая специфическими правами и обязанностями, вытекающими из ст. 10–12 УИК РФ, они подписывают контракт на участие в СВО в составе негосударственного образования – частной военной компании (ЧВК), при этом не являются военнослужащими Вооруженных сил России и их права и обязанности не регулируются Федеральным законом Российской Федерации «О статусе военнослужащего».

При возложении на осужденного дополнительных обязанностей, связанных с обязательным участием в специальной военной операции, и применении «условного помилования» возникает необходимость правового регулирования самого юридического факта обязательств и четкого определения правового статуса осужденного. С учетом законодательства Российской Федерации, предусматривающего основания и правовые решения по освобождению осужденных от уголовной ответственности (помилование, условно-досрочное освобождение, амнистия и др.), одним из

наиболее подходящих таких решений по освобождению от наказания осужденных, принимающих участие в СВО в составе ЧВК, была применена процедура помилования как юридического акта, предусмотренного ст. 89 Конституции Российской Федерации и входящего в исключительную компетенцию полномочий Президента Российской Федерации. Решение о наказании принимает только суд, но в то же время полномочия по освобождению от уголовного преследования предоставлены как Государственной Думе в виде амнистии, так и Президенту в виде помилования.

Следует отметить, что участие осужденных в составе негосударственной частной военной компании «Вагнер» в боевых действиях на протяжении определенного времени вызывает у научного сообщества вопросы правомерности их освобождения из мест лишения свободы, заключения с ними контрактов, нахождения в зоне боевых действий, принятия решений по их освобождению от уголовной ответственности и наказания и т. д. [1, с. 36]. Немало вопросов вызывает и отбор заключенных для участия в СВО, где предположительно, из имеющихся источников, предпочтение отдавалось осужденным по наиболее тяжким составам преступлений, склонным к дерзким, агрессивным действиям, но стремящимся к искуплению вины за совершенное преступление. Поэтому, как отметил пресс-секретарь Президента Российской Федерации Д. Песков, «осужденные искупают кровью свое преступление на поле боя. Искупают кровью в штурмовых бригадах, под пулями, под снарядами...» [2], и по истечении срока контракта получают право на помилование, предусмотренное ст. 50 Конституции Российской Федерации. Несмотря на различные сомнения по правовому регулированию (правовому статусу) привлечения и участия осужденных в составе ЧВК «Вагнер» в спецоперации, следует отметить, что в целом правовая основа данного процесса была соблюдена, а их деятельность сыграла определенную положительную роль в успехах специальной военной операции.

В связи с реорганизацией ЧВК «Вагнер» возник вопрос дальнейшего участия осужденных в боевых действиях. Отметим, что в ходе анкетирования осужденных выявлено, что основная их масса проявляет готовность к участию в мероприятиях по защите интересов Родины. Мотивом такого решения в том числе является желание освободиться от наказания [3, с. 273].

С учетом регулярных обращений заключенных с просьбой разрешить им отправиться в зону СВО с целью реабилитироваться в глазах общества, а также активного общественного резонанса по дальнейшему участию осужденных в специальной военной операции и необходимости обеспечения его правового регулирования председателем Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и госстроительству А. Клишасом, депутатами Госдумы П. Крашенинниковым и И. Панькиной при активном участии государственных, общественных и научных деятелей в Совет Федерации был внесен проект федерального закона «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции», который 23 июня 2023 г. в качестве закона за № 270-ФЗ был подписан Президентом Российской Федерации.

Данный закон закрепил правовые гарантии и основания освобождения от уголовной ответственности лиц, призванных на военную службу и заключивших контракт при мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации, определив категории осужденных лиц, совершивших преступления

небольшой или средней тяжести, за исключением преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 205², ч. 1, 2 ст. 220, ч. 1 ст. 221 и ст. 280 УК РФ, а также за совершение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних либо преступлений, предусмотренных ст. 205–205⁵, 206, 208, 211, 220, 221, 275, 275¹, 276–280, 281–281³, 282¹–282³, 360, 361 УК РФ, приговоры по делам которых вступили в законную силу до дня вступления в силу настоящего закона.

В соответствии с данным законом от уголовной ответственности освобождаются лица, совершившие преступления небольшой или средней тяжести, уголовное дело (уголовное преследование) в отношении которых приостановлено по ходатайству командования воинской части (учреждения), призванные на военную службу по мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации либо заключившие в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракт. Это относится и к тем, кто награжден государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы, или закончил прохождение военной службы. Кроме этого, определен порядок взаимодействия федеральных органов исполнительной власти и федеральных государственных органов по вопросам, связанным с призывом (поступлением) на военную службу и ее прохождением в период мобилизации, в период военного положения либо в военное время граждан, имеющих судимость.

В соответствии с реализацией требований вышеуказанного закона осужденным, находящимся в исправительных учреждениях, при мобилизации будет предоставлена возможность участия в специальной военной операции. Для этого, безусловно, потребуются нормативно-правовые акты, определяющие порядок привлечения осужденных при мобилизации, цели выполнения стоящих перед ними задач, наделение определенными правами и обязанностями, за нарушение которых должна наступать как дисциплинарная, так и уголовная ответственность.

Безусловно, при мобилизации и отправке осужденных на службу в вооруженные силы, важным будут являться критерии их отбора, при котором необходимо учитывать мнение и рекомендации администрации исправительных учреждений. Особое внимание должно быть уделено осужденным, подпадающим под критерии отбора, совершившим тяжкие преступления. Как отметил председатель комитета по обороне Государственной Думы А. Картаполов, «отбор лиц, которые совершили тяжкие и особо тяжкие преступления, но при этом желают заключить контракт с Минобороны РФ, будет вестись в особом порядке. При этом предполагается, что контролировать тех, кто отправится в зону боевых действий по новому закону, будет командование воинских частей» [4]. Перед отправкой на службу в вооруженные силы мобилизованные соответственно должны пройти специальную подготовку, включающую обучение военным навыкам и т. д.

Не менее важной для осужденных по окончании мобилизации будет являться процедура реабилитации, играющая важную роль в процессе исправления осужденных, включающая комплекс мероприятий, направленных на их социальную адаптацию и ресоциализацию [5, с. 36].

Рассматривая нормативно-правовые акты, регулирующие участие осужденных в специальной военной операции, следует отметить, что законодатель постарался учесть многочисленные правовые проблемы, возникшие при привлечении их на

первоначальном этапе к боевым действиям. Вместе с тем по-прежнему остаются вопросы, требующие дополнительных разъяснений. Например, не совсем ясно, на какой срок с осужденным, мобилизованным для участия в СВО заключается контракт? При этом мнения разнятся. Так, депутат Госсовета Республики Татарстан Э. Шарафиев считает, что условия для осужденных, заключивших контракт с Вооруженными Силами Российской Федерации, изменились и получить условно досрочное освобождение на правах контрактника возможно лишь на общих основаниях, то есть до завершения спецоперации, и это, по его мнению, будет справедливо [6].

Еще один важный вопрос: каким образом в рамках гражданского судопроизводства будет осуществляться возмещение ущерба лицом, освободившимся только от уголовной ответственности, а не от обязанности его возмещения? Будет ли учитывать правосудие интересы потерпевших? При этом адвокат А. Передрук отмечает, что, согласно законопроекту, мнение потерпевших насчет прекращения уголовного преследования не будет учитываться, но они по-прежнему смогут в гражданском порядке подавать иски о возмещении ущерба. Также следует отметить неоднозначную реакцию в Интернете на участие осужденных в СВО, освобождение их от наказания и т. д. Вместе с тем большинство пользователей высказывают, и, на наш взгляд, справедливо, мнение о возможности предоставления осужденным шанса на исправление при защите интересов государства.

Таким образом, активное участие общественных деятелей, государственных, научных и иных сообществ в обсуждении вопросов правового статуса участия осужденных в специальной военной операции, обеспечения его правового регулирования, разрешение при этом возникающих различных проблемных вопросов свидетельствуют об актуальности данной темы. Любой нормативно-правовой акт, вызывающий активный общественный интерес и обсуждение, требует внесения в него дополнений и изменений, необходимых для совершенствования и улучшения действенного правового эффекта.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Михайлова Л. Л., Сиркели И. М., Скрипко Г. А. Юридический состав легитимизации возможности участия заключенных в военных операциях // Проблемы права. 2023. № 3 (91). С. 35–38.
2. Песков объяснил помилование убийцы Веры Пехтелевой «искуплением кровью» URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2798920/> (дата обращения: 13.11.2023).
3. Долгова В.И., Лаптев К.А. Формирование психологической готовности к выполнению гражданского долга по защите интересов Родины у осужденных в условиях информационного террора // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, 2023. № 1. С. 241–286.
4. Картаполов А. В России осужденные теперь смогут пойти на военную службу по контракту. URL: <https://lenta.ru/news/2023/06/20/zakon/> (дата обращения: 13.11.2023).
5. Фоменко Е. Н. Контроль за лицами, освобожденными условно-досрочно от отбывания наказания // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2023. № 2. С. 33–37. URL: <https://www.doi.org/10.51522/2307-0382-2023-249-2-33-37>.
6. Шарафиев Э. Для заключенных меняются сроки службы в зоне СВО // KazanFirst. URL: <https://kazanfirst.ru/news/622094> (дата обращения: 13.11.2023).

REFERENCES

1. Mikhailova L.L., Sirkeli I.M., Skripko G.A. Legal composition of the legitimization of the possibility of participation of prisoners in military operations. *Problemy prava = Issues of Law*, 2023, no. 3 (91), pp. 35–38. (In Russ.).
2. *Peskov ob "yasnil pomilovanie ubiitsy Very Pekhtelevoi "iskupleniem krov'yu"* [Peskov explained the pardon of the murderer Vera Pekhteleva by "blood redemption"]. Available at: <https://www.ntv.ru/novosti/2798920/> (accessed November 13, 2023).
3. Dolgova V.I., Laptev K.A. Formation of psychological readiness for the fulfillment of civic duty to protect the interests of the Motherland among convicts in the conditions of information terror. *Vestnik YuzhnoUral'skogo gosudarstvennogo gumanitarnopedagogicheskogo universiteta = The Herald of South-Ural State Humanities-Pedagogical University*, 2023, no. 1, pp. 241–286. (In Russ.).
4. Kartapolov A. *V Rossii osuzhdennye teper' smogut poiti na voennuyu sluzhbu po kontraktu* [In Russia, convicts will now be able to enter military service under a contract]. Available at: <https://lenta.ru/news/2023/06/20/zakon/> (accessed November 13, 2023).
5. Fomenko E.N. Control over persons conditionally released on parole from serving a sentence. *Vedomosti ugolovnoispolnitel'noi sistemy = Bulletin of the Penal System*, 2023, no. 2, pp. 33–37. (In Russ.).
6. Sharafiev E. The terms of service in the SVO zone are changing for prisoners. *KazanFirst* [KazanFirst]. Available at: <https://kazanfirst.ru/news/622094> (In Russ.). (Accessed November 13, 2023).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

НИКОЛАЙ ВИКТОРОВИЧ РУМЯНЦЕВ – доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, профессор кафедры административного права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, rummyantsev.n.v@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0958-8539>

NIKOLAI V. RUMYANTSEV – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Chief Researcher at the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, professor at the Department of Administrative Law of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, rummyantsev.n.v@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0958-8539>

Статья поступила 30.11.2023

Научная статья

УДК 343.8

doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.024

К некоторым особенностям правоприменения мелкого хулиганства в исправительных учреждениях

ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ШКУРЕНКО

Томский институт повышения квалификации работников ФСИН
России, Томск, Россия, ivanc100to@yandex.ru

Аннотация. В условиях преобразования пенитенциарной системы России появляются задачи, решение которых невозможно без своевременного и качественного пересмотра некоторых норм и институтов уголовно-исполнительного законодательства, регламентирующих общественные отношения, возникающие в процессе применения мер дисциплинарного воздействия в отношении осужденных к лишению свободы. Целью данного научного исследования является поиск возможных вариантов решения практической проблемы по привлечению к дисциплинарной ответственности осужденных к лишению свободы за совершение злостного нарушения установленного порядка отбывания наказания, характеризующегося как мелкое хулиганство.

Ключевые слова: мелкое хулиганство; осужденные; дисциплинарная ответственность; общественное место; злостное нарушение; пенитенциарное хулиганство.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Шкуренко И. А. К некоторым особенностям правоприменения мелкого хулиганства в исправительных учреждениях // *Ius publicum et privatum*: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2023. № 4 (24). С. 206–213. doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.024.

Original article

On the Specifics of Law Enforcement of Minor Hooliganism in Correctional Institutions

IVAN A. SHKURENKO

The Tomsk IPKR of the FPS of Russia, Tomsk, Russia, ivanc100to@yandex.ru

Abstract. In the context of the transformation of the Russian penitentiary system, tasks arise that cannot be solved without a timely and qualitative review of certain norms and institutions of penal legislation regulating public relations arising in the process of applying disciplinary measures against persons sentenced to imprisonment. The purpose of this scientific research is to search for possible solutions to the practical problem of bringing to disciplinary liability those sentenced to imprisonment for committing a malicious violation of the established procedure for serving a sentence, characterized as petty hooliganism.

© Шкуренко И. А., 2023

Key words : petty hooliganism; convicts; disciplinary liability; public place; malicious violation; penitentiary hooliganism.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Shkurenko I.A. On the specifics of law enforcement of minor hooliganism in correctional institutions. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 4 (24), pp. 206–213. doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.024.

С целью всестороннего совершенствования пенитенциарной системы необходимо постоянно анализировать действующее законодательство и соответствующие законы, регламентирующие порядок исполнения уголовных наказаний. Значимость данного направления обуславливается наличием нерешенных правовых проблем и порядка правоприменения. В рамках данной статьи предусматривается определение и конкретизация уголовного наказания в виде лишения свободы на определенный срок, которое является самым распространенным уголовным наказанием, о чем свидетельствует судебная статистика Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации (табл.).

Количество граждан, привлеченных к уголовной ответственности, в разрезе видов уголовных наказаний

Год	Всего осуждено	Лишение свободы / смертная казнь	Условное осуждение к л/с	Иные виды наказаний, не связанные с лишением свободы				
				Содержание в дисциплинарной воинской части / арест	Ограничение свободы / Ограничение по военной службе	Исправительные работы / Обязательные работы / Принудительные работы	Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью	Штраф
2018	658 291	190 325 / 68	169 484	102 / 0	23009 / 188	54 747 / 114 802 / 1030	184	85 353
2019	598 207	175 117 / 50	157 512	108 / 0	20 418 / 238	50 021 / 99 655 / 1406	164	74 754
2020	530 998	149 681 / 45	147 763	79 / 0	20 099 / 179	40 924 / 92 617 / 947	121	61 706
2021	565 523	158 923 / 40	158 768	82 / 1	20 060 / 204	46 288 / 90 245 / 1197	141	68 249
2022	578 751	167 165 / 59	153 745	81 / 1	21 574 / 253	48 566 / 86 311 / 3139	111	73 491

Приведенные выше данные свидетельствуют, что с 2018 по 2022 г. лишение свободы как вид уголовного наказания имел удельно высокий уровень (в среднем 30 % от общего количества вынесенных судебных решений по допущенным преступлениям [1]).

В практической деятельности при исполнении уголовных наказаний в виде лишения свободы охватывается широкий и многообразный спектр общественных

отношений, в том числе исправительного воздействия. Совокупность принимаемых организационно-практических мер по исправлению осужденных формирует определенную модель правопорядка, отражающего состояние режима отбывания наказания и эффективность профилактических мероприятий по снижению правонарушений и недопущению преступлений со стороны осужденных, персонала и иных лиц, находящихся на территории исправительных учреждений (ИУ) и прилегающих к ним территориях, на которых установлены режимные требования. Оценивая состояние правопорядка и, как следствие, стабильной работы ИУ, необходимо также учитывать количество допускаемых осужденными нарушений дисциплины и установленного режима отбывания наказания. Так, значительный рост фиксации количества выявленных нарушений, допускаемых осужденными, может привести к снижению эффективности превентивного воздействия дисциплинарной практики, которая выступает как один из законных методов, способов воздействия на поведение осужденных к лишению свободы. Также в случае утраты эффективности использования средств морально-психологического воздействия на сознание и чувства осужденных, искусственного снижения уровня дисциплинарной практики, обусловленное границами статистических показателей, обстановка в целом может выйти за рамки стабильной работы учреждения [2].

Для профилактики противоправных деяний, допускаемых в пенитенциарной среде со стороны осужденных к лишению свободы, законодатель разделил правонарушения (дисциплинарные проступки) по степени их вредоносности, причиняемой общественным отношениям и порядку управления. В результате отдельные нарушения выделены в особую категорию злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания, допускаемых осужденными к лишению свободы.

При детальном рассмотрении перечня злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания выявлена юридическая коллизия, или противоречие правовых норм, административного и уголовно-исполнительного законодательства в части применения термина «мелкое хулиганство». Это обусловлено имеющимися практическими проблемами в определении критериев, разграничивающих противоправное деяние осужденного, являющееся мелким хулиганством, квалифицируемое как административное правонарушение (проступок) либо обладающее признаками злостного дисциплинарного нарушения, совершенного из умышленных хулиганских побуждений. Вследствие непонимания порядка применения нормы уголовно-исполнительного законодательства имеет место привлечение осужденных к лишению свободы к ответственности, не соответствующей тяжести и характеру совершенного противоправного деяния. Также растет уровень латентных правонарушений со стороны осужденных к лишению свободы, имеющих признаки публичности, умысла противоправного деяния и иных негативных последствий, перерастающих в преступления против порядка управления и стабильного функционирования ИУ.

В действующих нормах административного законодательства Российской Федерации под мелким хулиганством понимается нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, сопровождающееся нецензурной бранью в общественных местах, оскорбительным приставанием к гражданам, а равно уничтожением или повреждением чужого имущества.

Впервые нормативное правовое закрепление понятия «мелкое хулиганство» встречается в Указе Президиума Верховного Совета РСФСР от 19.12.1956 «Об ответственности за мелкое хулиганство», где деяния, по своему характеру не влекущие уголовную ответственность, квалифицируются как административный проступок [3].

В нормах уголовно-исполнительного законодательства определение мелкого хулиганства отсутствует, однако в научной литературе (комментариях) встречаются определения, раскрывающие его содержание. Так, в комментариях к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации доктор юридических наук, профессор Б. Б. Казак под мелким хулиганством понимает деяние, предусмотренное составом ст. 20.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях [4], аналогичную позицию выражают доктор юридических наук В. С. Епанешников [5], доктор юридических наук О. Г. Ковалев [6].

Схожее определение отмечено и в зарубежной литературе. Так, Х. Х. Валиев в понятии «мелкое хулиганство» отмечает наличие обязательных критериев и признаков присутствия в противоправном деянии осужденных нецензурной брани, оскорбительного приставания к осужденным, персоналу ИУ, явного и демонстративного пренебрежения к установленным правилам поведения и общественному правопорядку, установленному в местах лишения свободы Республики Казахстан [7, с. 267].

К мелкому хулиганству относят умышленные действия осужденных, связанные с нарушением общественного порядка, выражающие явное неуважение к общепринятым правилам и традициям человеческого общежития, сопровождающиеся нецензурной бранью, а равно уничтожением либо повреждением чужого имущества [8].

Мелкое хулиганство как вид правонарушения заключается в проявлении явного неуважения к обществу, сопровождающемуся нецензурной бранью, либо в неповиновении законному требованию представителя администрации учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации [9].

Большинство из вышеперечисленных авторов и пенитенциарных исследователей в своих научных трудах отмечают аналогию и (или) общность понятий мелкого хулиганства, закрепленных нормами административного и уголовно-исполнительного законодательства, что в свою очередь усложняет применение администрацией ИУ мер правового воздействия.

Так, лица, совершившие административное правонарушение, равны перед законом и подлежат ответственности независимо от пола, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Следовательно, не исключена возможность привлечения осужденного как к административной, так и к дисциплинарной ответственности, и дает администрации исправительного учреждения, выступающей как правоприменитель, возможность определенного выбора при юридической тождественности противоправных деяний.

При раскрытии содержания противоречий содержания термина мелкого хулиганства в правовых нормах отметим различный уровень юридической ответственности. Так, при совершении мелкого хулиганства предусмотрена административно-правовая ответственность, определенная установленными санкциями в виде наложения административного штрафа или административного ареста.

При этом уголовно-исполнительное законодательство РФ рассматривает мелкое хулиганство как злостное нарушение, за совершение которого наступают юридические последствия в виде признания осужденного злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания с одновременным наложением правовой меры дисциплинарного воздействия. Применение данного подхода в пенитенциарной среде позволяет правонарушителю – осужденному к лишению свободы ограничиться лишь привлечением к установленной дисциплинарной ответственности и избежать административного наказания, что априори является более строгой ответственностью. Однако это обстоятельство подвергается оспариванию на основе сравнительного анализа сумм административного и дисциплинарного штрафа. Так, за совершение противоправного деяния (административного правонарушения) предусмотрена санкция в виде административного штрафа в размере от пятисот рублей до одной тысячи рублей, тогда как нормами уголовно-исполнительного законодательства при совершении осужденным к лишению свободы злостного нарушения может применяться дисциплинарный штраф, сумма которого определена от одной тысячи до двух тысяч рублей.

Отметим, что обязательным признаком объективной стороны мелкого хулиганства является совершение противоправного деяния именно в общественных местах, однако диспозицией нормы административного законодательства не установлен исчерпывающий перечень мест, отнесенных к общественным. Определяющим условием определения места совершения правонарушения как общественного является доступность свободного посещения неограниченного круга граждан. В действующем законодательстве отсутствует нормативно определенный перечень мест, характеризующихся как общественные, что в свою очередь создает проблему отнесения ИУ к общественным местам, в связи с наличием определенного ограничения в свободном посещении объектов и установлением режимных требований. Однако имелись случаи признания общественным местом здания отдела полиции (постановление Челябинского областного суда от 10.03.2015 № 4а15-131), несмотря на принимаемые меры по исключению угрожающих факторов и обеспечению безопасности объекта, ограничивающие по своему смыслу свободное посещение и пребывание. Сложившаяся ситуация в некотором роде видоизменяет содержание понимания свободного посещения общественных мест путем установления определенных ограничений. Следовательно, свободное посещение общественного места тождественно понятию подконтрольного нахождения на объекте, в том числе с применением дистанционных электронных средств контроля. Проводя аналогию, отдельные объекты ИУ возможно отнести к общественным местам, например помещения для приема передач, комната ожидания граждан в проведении длительных свиданий и иные административные здания, расположенные за охраняемой территорией ИУ. Административные здания, объекты, участки местности ИУ, расположенные на охраняемой территории, не относятся к категории мест свободного доступа.

В рамках исследования были проанализированы сведения территориальных органов ФСИН России об имеющейся положительной практике признания осужденных злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания за совершение деяния, являющегося мелким хулиганством. По результатам проведенного анализа представленных сведений и материалов дисциплинарной практи-

ки установлено, что процедура привлечения осужденных к дисциплинарной ответственности за мелкое хулиганство в период с 2019 по 2022 г. встретила только в четырех территориальных органах субъектов РФ (УФСИН России по Курской, Курганской, Кировской и Костромской областям). Данный факт свидетельствует о редком применении данной нормы, которое обусловлено субъективными и объективными факторами. Как правило, основанием для признания действий осужденного мелким хулиганством является наличие в общении нецензурной брани, допускаемое умышленно с признаками публичности, в частности присутствие осужденных и администрации ИУ.

Так, 23.03.2022 в 08:50 при проведении утренней картотечной проверки осужденный Д. не вышел на построение в локальный участок, а находился в спальном расположении отряда № 2. На неоднократные требования сотрудника администрации выйти в локальный участок на построение осужденный Д. ответил отказом, обращаясь к сотруднику администрации на «Ты», выражался нецензурными и жаргонными словами, чем проявил неповиновение и мелкое хулиганство, что является злостным нарушением установленного порядка отбывания наказания.

В выводах по результатам анализа информации, представленной территориальными органами ФСИН России, отметим, что сотрудниками ИУ допускается определение степени злостности совершенного дисциплинарного проступка в субъективной форме. Имеющаяся процедура оценки дисциплинарного нарушения и отнесения к категории мелкого хулиганства может привести к нарушению правового положения осужденного к лишению свободы. Следовательно, при принятии решения по вопросу возникших правоотношений по фактам допущенного нарушения осужденными к лишению свободы акцент необходимо делать на опасности правонарушения, признание злостным нарушителем должно осуществляться за совершение наиболее опасных нарушений [10].

Опираясь на научные труды и материалы дисциплинарной практики, предлагаем несколько путей решения сложившейся проблемы.

Во-первых, рассмотреть возможность исключения понятия «мелкое хулиганство» из норм уголовно-исполнительного законодательства, неиспользования данной правовой нормы, влекущей изменение правового положения осужденного к лишению свободы, сопряженное с применением дисциплинарной меры профилактического и превентивного воздействия. В служебной деятельности предусмотреть порядок применения административного законодательства в отношении осужденных, содержащихся в ИУ, которые на момент совершения противоправного деяния пребывали на территориях, отвечающих признакам общественного места, за пределами охраняемой территории. В качестве примера приведем совершение административного правонарушения, квалифицируемого как мелкое хулиганство, осужденным колонии-поселения в момент нахождения в торговой точке муниципального образования, где расположена колония-поселение, с целью приобретения продуктов питания и предметов первой необходимости.

Во-вторых, при конкретизации отдельных дисциплинарных нарушений по признакам определенной опасности предусмотреть использование иной терминологии, например «пенитенциарное хулиганство». Характеризующими признаками данного злостного нарушения установленного порядка отбывания наказания выступают

обособленность границ применения определяемых охраняемой территорией и территорий, прилегающих к ИУ, на которые распространяются режимные требования, а также специальный субъект, в отношении которого реализуется норма уголовно-исполнительного законодательства. В качестве содержательной части нарушения, обладающего признаками злостности, целесообразно отметить объект, под которым выступает нормальная, стабильная деятельность и функционирование ИУ [11; с. 39–42], и объективную сторону, выражающуюся в демонстративном (публичном) проявлении, явном неуважении к другим осужденным к лишению свободы, персоналу и (или) лицам, находящимся на территории ИУ в момент совершения правонарушения. Наиболее полным и всесторонним раскрытием характеристик, описывающих пенитенциарное хулиганство является противоправное деяние, допущенное в демонстративном (публичном) проявлении, выражающее явное неуважение к другим осужденным, персоналу и (или) лицам, находящимся на территории ИУ, сопровождающееся нецензурными выражениями, оскорблениями, приставаниями, унижающими достоинство человека и выражающими явное неуважение к обществу.

Таким образом, в случае положительного решения о применении изложенных предложений повысится качество проведения индивидуально-воспитательной профилактической работы с осужденными и будут исключены предпосылки к возникновению безнаказанности и вседозволенности осужденных к лишению свободы за совершенные ими противоправные деяния.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : сайт. URL: <https://www.cdep.ru>. (дата обращения: 22.05.2018).
2. Киселев М. В., Шкуренко И. А. К вопросу о правовом содержании термина «оперативная обстановка в учреждениях уголовно-исполнительной системы» // Уголовная юстиция. 2022. № 19. С. 55–62.
3. Соколов Ю. В. О некоторых проблемах квалификации мелкого хулиганства // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 2. С. 177–179.
4. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. И. Зубкова. 4-е изд., перераб. М., 2008. 496 с.
5. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) / науч. ред. А. С. Михлин. М., 2008. 585 с.
6. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. И. Л. Трунова. М., 2006. 448 с.
7. Валиев Х. Х. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Республики Казахстан. Алматы, 1998. С. 267.
8. Ложкина Л. В. К вопросу о квалификации злостных нарушений режима в исправительных учреждениях // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2013. № 1. С. 163–165.
9. Малинин В. Б., Смирнов Л. Б. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации : науч.-практ. комментарий (постатейный). М., 2011. 384 с.
10. Савушкин С. М. Дифференциация осужденных к лишению свободы в новых условиях обеспечения безопасности // Вестник Самарского юридического института. 2022. № 1 (47). С. 86–91.
11. Абатуров А. И. Профилактика злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания, совершенных осужденными в исправительных колониях : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 264 с.

REFERENCES

1. Report on the number of persons brought to criminal liability and types of criminal punishment. *Sudebnyi departamenta pri Verkhovnom Sude Rossiiskoi Federatsii* [Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation]. Available at: [https:// www.cdep.ru](https://www.cdep.ru). (In Russ.). (Accessed May 22, 2018).
2. Kiselev M.V., Shkurenko I.A. *K voprosu o pravovom sodержanii termina "operativnaya obstanovka v uchrezhdeniyakh ugolovno-ispolnitel'noi sistemy"* [On the issue of legal content of the term "operational situation in institutions of the penal system"]. *Criminal justice= Ugolovnaya yusticiya*, 2022. no. 19, pp. 55–62.
3. Sokolov Yu.V. On some problems of qualification of petty hooliganism. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2015, no. 2, pp. 177–179. (In Russ.).
4. *Kommentarii k Ugolovno-ispolnitel'nomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi)* [Commentary on the Penal Code of the Russian Federation (article by article)]. Ed. by Zubkov A.I. Moscow, 2008. 496 p.
5. *Kommentarii k Ugolovno-ispolnitel'nomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi)* [Commentary on the Penal Code of the Russian Federation (article by article)]. Ed. by Mikhlin A.S. Moscow, 2008. 585 p.
6. *Kommentarii k Ugolovno-ispolnitel'nomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi)* [Commentary on the Penal Code of the Russian Federation (article by article)]. Ed. by Trunov I.L. Moscow, 2006. 448 p.
7. Valiev Kh.Kh. *Kommentarii k Ugolovno-ispolnitel'nomu kodeksu Respubliki Kazakhstan* [Commentary on the Penal Code of the Republic of Kazakhstan.]. Almaty, 1998. P. 267.
8. Lozhkina L.V. On the issue of qualification of malicious violations of the regime in correctional facilities. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i pravo = Bulletin of the Udmurt University. Series: Economics and Law*, 2013, no. 1, pp. 163–165. (In Russ.).
9. Malinin V.B., Smirnov L.B. *Kommentarii k Ugolovno-ispolnitel'nomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii: nauch.-prakt. kommentarii (postateinyi)* [Commentary on the Penal Code of the Russian Federation: scientific and practical commentary (article by article)]. Moscow, 2011. 384 p.
10. Savushkin S.M. Differentiation of convicts in a new security environment. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2022, no. 1 (47), pp. 86–91. (In Russ.).
11. Abaturov A.I. *Profilaktika zlostnykh narushenii ustanovlennogo poryadka otbyvaniya nakazaniya, sovershennykh osuzhdennymi v ispravitel'nykh koloniyakh: dis. ... kand. yurid. nauk* [Prevention of malicious violations of the established procedure for serving sentences committed by convicts in correctional facilities: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2009. 264 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ШКУРЕНКО – преподаватель кафедры организации исполнения наказаний Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, Томск, Россия, ivanc100to@yandex.ru

IVAN A. SHKURENKO – Lecturer at the Department of Organization of the Execution of Punishments of the Tomsk IPKR of the FPS of Russia, Tomsk, Russia, ivanc100to@yandex.ru

Статья поступила 06.04.2023

Научная статья

УДК 343.8

doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.025

Об особенностях исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных за преступления террористического характера и экстремистской направленности

НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА ЩУКИНА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда,
Россия, shchukinanataliyav@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности деятельности сотрудников органов и учреждений Федеральной службы исполнения наказаний по организации исполнения наказаний в отношении лиц, осужденных за террористические и экстремистские преступления, а также по предупреждению новых преступлений в условиях исправительных учреждений. Отмечается, что данная категория осужденных в силу малоизученности и наличия психологической установки идеологического противостояния представляет особую опасность для исправительных учреждений.

Ключевые слова: законодательство; терроризм; террористический акт; экстремизм; лишение свободы; наказание.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Щукина Н. В. Об особенностях исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных за преступления террористического характера и экстремистской направленности // *Ius publicum et privatum*: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2023. № 4 (24). С. 214–220. doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.025

Original article

On the Specifics of the Execution of Punishment in the Form of Imprisonment in relation to Those Convicted of Terrorism and Extremism-Related Crimes

NATAL'YA V. SHCHUKINA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, shchukinanataliyav@yandex.ru

Abstract. The article considers the specifics of activities of penal system employees to organize execution of sentences in relation to persons convicted of terrorism and extremism-related crimes, as well as to prevent new crimes in correctional facilities. It is worth noting that this category of convicts, due to their lack of knowledge and the presence of a psychological attitude of ideological confrontation, poses a special danger to correctional institutions.

© Щукина Н. В., 2023

Keywords: legislation; terrorism; terrorist act; extremism; imprisonment; punishment.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Shchukina N.V. On the specifics of the execution of punishment in the form of imprisonment in relation to those convicted of terrorism and extremism-related crimes. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 4 (24), pp. 214–220. doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.025.

В настоящее время наблюдается стремительный рост преступлений террористического характера и экстремистской направленности на территории Российской Федерации. Согласно статистике МВД России, по итогам 2022 г. зарегистрировано 2233 преступления террористического характера (на 4,5 % больше, чем в 2021 г.) и 1566 преступлений экстремистской направленности (на 48,2 % больше, чем в 2021 г.). В 2021 г. в России за терроризм и экстремизм осудили более 1300 чел., а в 2022 г. – вынесено уже около 1500 таких приговоров. В 2022 г. за преступления террористической направленности осуждены 875 лиц (2021 г. – 682), а за преступления экстремистской направленности – 693 (2021 г. – 606). Таким образом, количество обвинительных приговоров за преступления террористической и экстремистской направленности возрастает [1].

В большинстве случаев при вынесении приговоров за преступления террористической и экстремистской направленности суды назначают обвиняемым наказание в виде лишения свободы. Обратимся к статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. В 2022 г. за совершение подобных преступлений оправдательных приговоров не было. Например, по ст. 205 УК РФ «Террористический акт» осуждено 7 чел. – всем назначено наказание в виде лишения свободы. За иные преступления террористической направленности осуждено 729 чел., из них 28 чел. направлены на принудительное лечение. Оправдательных приговоров также не выносилось. На заключение соглашения со следствием пошли 33 чел., о рассмотрении дела в особом порядке было удовлетворено 80 ходатайств, для 153 обвиняемых было назначено наказание в виде штрафа. К наказанию в виде лишения свободы были приговорены 629 чел. [2]. Анализируя данные статистики, можно сделать вывод, что с увеличением количества преступлений террористической и экстремистской направленности растет количество лиц, осужденных за данные виды преступлений, содержащихся в исправительных учреждениях.

Осужденные рассматриваемой категории требуют особого внимания. В целях соблюдения установленного порядка отбывания наказания за данными лицами должен осуществляться особый надзор с постоянным наблюдением и контролем, а также проведение воспитательного воздействия с учетом особенностей личности с применением преимущественно индивидуальной формы воспитательной работы.

Детальное изучение личностных особенностей и характеристик лиц, осужденных за преступления террористического характера или экстремистской направленности, позволяет распознать причины участия в противоправной деятельности, а также обеспечивает проведение грамотного и эффективного воспитательного воздействия. К личностным особенностям осужденных данной категории относятся:

– особое отношение к наказанию. Главное отличие данных осужденных от других субкультурных групп – восприятие наказания не как меры государственного принуждения, а как «нахождение в плену у кяферов», то есть видят они себя не осужденными, а пленными;

– обособленность от других осужденных. С целью оказания влияния на сотрудников исправительного учреждения и снижения воспитательного воздействия осужденные за преступления террористического характера или экстремистской направленности пытаются отделиться от спецконтингента, демонстрируют сплоченность своей группы, показывают свою исключительность и случайное нахождение в среде преступников;

– способность вербовать и интегрировать новых членов. Некоторые в местах лишения свободы начинают активно вербовать других осужденных, используя принуждение и запугивание, с целью существования действующих запрещенных организаций и интеграции в них новых членов. По мнению С. Н. Ципилева, сторонники безапелляционного, категорического ислама, попавшие в места изоляции от общества, очень опасны не только потому, что результативно влияют на мусульман, отбывающих наказание, но и потому, что способны энергично распространять радикальные взгляды среди осужденных, исповедующих христианство, буддизм и другие религии [3];

– способность негативно влиять на других осужденных в местах лишения свободы. Нередко в местах лишения свободы происходят конфликты между осужденными, а также между осужденными и администрацией исправительного учреждения. Такие ситуации обусловлены различными причинами: требованиями соблюдения прав, получения доступа к социальным услугам и благам и т. д. В большинстве случаев, когда организаторами групповых неповиновений выступают осужденные, склонные к совершению преступлений террористического характера и экстремистской направленности, это заранее спланированные мероприятия, имеющие конкретную цель. Осужденные, объединившиеся в такие группы, способны совершить нападение на сотрудников с целью захвата власти или заложников, а также организовать бунт.

В целях закрепления у осужденных рассматриваемой категории позитивных стереотипов поведения, поддержания и закрепления социально полезных связей, исключения личностных деформаций, профилактики и недопущения рецидива преступлений требуется целый комплекс мероприятий, из которых будет состоять процесс исправительного воздействия. В такой комплекс должны входить меры по всем направлениям деятельности подразделений исправительных учреждений. К ним можно отнести как режимные мероприятия и оперативное сопровождение, так и психолого-педагогическое воздействие.

Для комплексного характера исправительного воздействия и усиления его действия предлагается ряд специальных мер, направленных на работу с осужденными за преступления террористического характера и экстремистской направленности:

– изоляция от общей массы осужденных. В ходе исследования был проведен опрос среди сотрудников воспитательных и режимных подразделений исправительных учреждений УФСИН России по Ямало-Ненецкому автономному округу и ГУФСИН России по Свердловской области. Большая часть сотрудников (78 %) от-

мечает у осужденных за преступления террористического характера и экстремистской направленности такую отличительную черту как сплоченность. В основном она базируется на религиозной почве. Следствием объединения осужденных по такому принципу, как отмечают сотрудники, является неэффективность групповых и массовых методов воспитательной работы с данной категорией осужденных. Также сотрудники практических органов (55 %) указывают на положительный эффект в отдельном содержании осужденных за преступления террористического характера и экстремистской направленности от общей массы осужденных с целью недопущения распространения преступной идеологии. На основании проведенного исследования предлагаем рассмотреть вопрос о создании отдельных локальных участков на базе исправительных учреждений. Данная мера позволит изолировать террористов и экстремистов от других осужденных, минимизировать возможность вербовки других лиц, а также поможет оказывать на них целенаправленное воздействие с учетом личностных особенностей [4];

– организация качественной профилактической работы, главной целью которой является отказ осужденных от радикальных идей. В этой связи требуется контролировать обязательную постановку рассматриваемых осужденных на профилактический учет как лиц, склонных к совершению преступлений террористического характера и экстремистской направленности. Особое внимание и постоянная бдительность важны в работе сотрудников, осуществляющих предупредительно-профилактическую работу с рассматриваемой категорией осужденных;

– оперативное сопровождение с учетом индивидуальных особенностей. Отличительные черты осужденных из числа террористов и экстремистов позволяют им создавать неформальные группы различной направленности [4]. Грамотное осуществление оперативно-розыскной деятельности должностными лицами исправительных учреждений способствует своевременному противодействию распространению экстремистской идеологии. В перечне оперативно-розыскных мероприятий, проводимых сотрудниками оперативных подразделений, особое место при проведении работы с данными осужденными занимают сбор и добывание информации посредством проведения разведывательно-поисковых мероприятий, а также применение специальных аппаратно-программных устройств, например полиграфа [6];

– организация индивидуальной воспитательной работы основанной на постоянном сопровождении психологических служб [7]. Осужденные, относящиеся к категории террористов и экстремистов, обладают такими отличительными чертами, как способность к манипуляции, демонстративное поведение, завышенная самооценка. Именно поэтому в процессе воспитательного воздействия на эту категорию осужденных привлекаются психологические подразделения. Психологи пенитенциарных учреждений должны быть высококвалифицированными специалистами, а также профессионально использовать в своей деятельности методы психологического воздействия, особенно убеждение и внушение.

Также для совершенствования деятельности сотрудников исправительных учреждений, взаимодействующих с лицами, осужденными за преступления террористического характера и экстремистской направленности, необходимо:

– проводить специальные тренинги и занятия с должностными лицами исправительных учреждений с привлечением узких специалистов (представителями ре-

лигиозных организаций, конфессий и др.). В случае нахождения в ИУ террористов и экстремистов, действующих по идеологическим или религиозным соображениям, к сожалению, некоторые сотрудники обнаруживают лишь поверхностные знания о религии. В рамках исследования сотрудникам воспитательных, режимных и оперативных подразделений исправительных учреждений УФСИН России по Ямало-Ненецкому автономному округу и ГУФСИН России по Свердловской области был задан вопрос: «Считаете ли вы необходимым проведение дополнительных занятий с сотрудниками исправительных учреждений с привлечением узких специалистов (представители религиозных организаций, конфессий и др.)?». Больше половины опрошенных сотрудников (63 %) ответили «Да». Следовательно, для более эффективной воспитательной работы с осужденными данной категории следует привлекать высококвалифицированных специалистов с целью более углубленного изучения сотрудниками исправительных учреждений вопросов идеологии и религии;

– разработать новые программы повышения квалификации по работе с лицами, осужденными за преступления террористической и экстремистской направленности. Так, в Италии функционируют специальные курсы для сотрудников, которые работают с заключенными из числа экстремистов. Курсы разработаны в целях получения новых знаний об исламе и недопущения обмана со стороны осужденных вследствие недостаточных знаний персонала о религии, а также во избежание некомпетентного поведения сотрудников, которое может оскорбить чувства заключенных мусульман. В течение трех дней сотрудников знакомят с очень важными и объемными блоками информации: культурные и религиозные аспекты ислама; отправление религиозных обрядов в исламе; международный терроризм, его идеологическая база и распространение; прозелитизация и радикализация; обращение в тюрьмах с международными террористами; методы оперативной работы. Через полгода после прохождения было проведено анкетирование сотрудников, прослушавших курс. По результатам получен вывод о том, что у 80 % должностных лиц расширился кругозор, повысился культурный уровень, выросла осведомленность в проведении религиозных обрядов заключенных из числа мусульман, и, как следствие, они могут наладить быстрое и конструктивное взаимодействие с такими заключенными [8];

– организовать взаимодействие сотрудников исправительных учреждений и правоохранительных органов. Например, в Республике Казахстан организовано очень тесное взаимодействие между уголовно-исполнительной системой и правоохранительными органами по вопросам, связанным с соблюдением законности, поддержанием правопорядка и борьбой с преступностью в условиях исправительных учреждений. Оперативно-розыскную функцию выполняют правоохранительные органы республики, а не пенитенциарные учреждения. В Англии и Уэльсе создано подразделение по борьбе с экстремизмом Национальной исправительной службы. Подразделение входит в состав группы по безопасности Национальной исправительной службы и отвечает за разработку стратегических, политических и процессуальных мер, соответствующих угрозам со стороны террористов, экстремистов и лиц, распространяющих радикальные взгляды. Оно получает оперативные данные и информацию о проявлениях экстремизма из всех тюрем Англии и Уэльса и использует

эту информацию для проведения стратегического анализа в помощь оперативным сотрудникам тюрем и для будущего сбора оперативных данных. Представленные подразделения существуют в целях обобщения оперативных данных, постоянного наблюдения за заключенными, которые осуждены за терроризм или экстремизм, а также для пресечения противоправных действий лиц данной категории.

Все предложенные выше мероприятия могут быть внедрены только с учетом личных качеств осужденных: это и психологические особенности, и уголовно-правовая и социально-демографическая характеристика. Также при использовании указанных мер необходимо учитывать условия и особенности каждого конкретного исправительного учреждения: географическое положение, уровень профессиональной подготовки и штатную численность сотрудников, особенности установленных правил и режима отбывания наказания и др.

На современном этапе во всех учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации большое внимание обращено на предупреждение, выявление, пресечение и раскрытие преступлений террористического характера и экстремистской направленности. Для распространения радикальных течений пенитенциарные учреждения выступают очень благоприятной средой. Исходя из этого, организация исполнения наказаний в отношении лиц, осужденных за террористические и экстремистские преступления, выступает одним из главных и обязательных критериев в предупреждении, пресечении и профилактике преступлений в рамках исправительных учреждений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2022 г. URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677/> (дата обращения: 29.09.2023).
2. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2022 г. URL: <http://www.cdpr.ru/index.php?id=79&item=7649/> (дата обращения: 29.09.2023).
3. Ципилев С. Н. К вопросу о распространении экстремизма в исправительных учреждениях // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2018. № 1 (41). С. 87–92.
4. Михеева С. В., Куминов Я. В. Профилактическая работа, направленная на противодействие развитию радикальных взглядов среди осужденных в исправительных учреждениях // Вестник Самарского юридического института. 2018. № 2 (28). С. 139–143.
5. Сысоев А. М., Галустян С. А. Основные направления пенитенциарного воздействия на лиц, осужденных за преступления экстремистской направленности и террористического характера // Пенитенциарная наука. 2010. № 11. С. 18–23.
6. Калужина М. А. Актуальные проблемы применения оперативно-розыскных методов по выявлению осужденных, склонных к совершению преступлений экстремистской направленности // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. С. 89–94.
7. Тресвятский Л. А. К постановке вопроса о специальной работе с лицами, осужденными за преступления экстремистской и террористической направленности: психологический аспект // Теория и практика научных исследований: психология, педагогика, экономика и управление. 2018. № 4 (4). С. 118–126.
8. Справочник по работе с заключенными из числа воинствующих экстремистов и предупреждению порождающей насилие радикализации

в тюрьмах URL: https://www.unodc.org/pdf/criminal_justice/Handbook-on-VEPs-RU.pdf (дата обращения: 29.09.2023).

REFERENCES

1. *Kratkaya kharakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossiiskoi Federatsii za yanvar'–dekabr' 2022 g.* [Brief description of the state of crime in the Russian Federation in January–December 2022]. Available at: <https://mvd.rf/reports/item/35396677/> (accessed September 29, 2023).
2. *Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2022 g.* [Summary statistical information on the state of criminal record in Russia for 2022]. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7649/> (accessed September 29, 2023).
3. Tsipilev S.N. On the issue of the spread of extremism in prisons. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2018, no. 1 (41), pp. 87–92. (In Russ.).
4. Mikheeva S.V., Kuminov Ya.V. Preventive work aimed at countermeasure the development of radical views among prisoners in the correctional institutions. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2018, no. 2 (28), pp. 139–143. (In Russ.).
5. Sysoev A.M., Galustyan S.A. The main directions of penitentiary influence on persons convicted of extremism and terrorism-related crimes. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie = Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*, 2010, no. 11, pp. 18–23. (In Russ.).
6. Kaluzhina M.A. Actual problems of the use of operational investigative methods to identify convicts prone to commit extremist crimes. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, pp. 89–94. (In Russ.).
7. Tresvyatskii L. A. On the formulation of the question of special work with persons convicted of extremist and terrorist crimes: the psychological aspect. *Teoriya i praktika nauchnykh issledovaniy: psikhologiya, pedagogika, ehkonomika i upravlenie = Theory and Practice of Scientific Research: Psychology, Pedagogy, Economics and Management*, 2018, no. 4 (4), pp. 118–126.
8. *Spravochnik po rabote s zaklyuchennymi iz chisla voinstvuyushchikh ehkstremistov i preduprezhdeniyu porozhdayushchei nasilie radikalizatsii v tyur'makh* [Handbook on working with violent extremist prisoners and preventing radicalization that generates violence in prisons]. Available at: https://www.unodc.org/pdf/criminal_justice/Handbook-on-VEPs-RU.pdf (accessed September 29, 2023).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА ЩУКИНА – старший инспектор организационно-аналитической группы Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, shchukinanataliyav@yandex.ru

NATAL'YA V. SHCHUKINA – Senior Inspector at the Organizational and Analytical Group of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, shchukinanataliyav@yandex.ru

Статья поступила 06.10.2023

Научная статья

УДК 34.03

doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.026

К вопросу о реализации исковых требований потерпевших при применении к виновному наказания в виде лишения свободы

АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ МИРОНОВ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, m1ron1508@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8242-5317>

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с современными возможностями законодательства и правоприменительной практики в сфере реализации исковых требований потерпевших, которые не были реализованы на досудебной и судебной стадиях в рамках гражданского иска в уголовном деле. Раскрываются современные возможности трудового устройства и труда осужденных к лишению свободы как источника средств для погашения исковых требований, а также перспективы реализации исковых требований после освобождения из исправительного учреждения с учетом перспектив развития и корректировки норм УК РФ, судебной практики в данной сфере и введения службы пробации в Российской Федерации.

Ключевые слова: исковые требования; условно-досрочное освобождение от отбывания наказания; трудоустройство осужденных к лишению свободы; постпенитенциарная пробация; возмещение ущерба в уголовном деле.

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Миронов А. В. К вопросу о реализации исковых требований потерпевших при применении к виновному наказания в виде лишения свободы // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 4 (24). С. 221–229. doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.026.

Original article

On the Satisfaction of Claim Requirements of Victims when Imposing Punishment in the Form of Imprisonment to the Perpetrator

ALEKSEI V. MIRONOV

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, m1ron1508@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8242-5317>

© Миронов А. В., 2023

Abstract. The article discusses issues related to modern possibilities of legislation and law enforcement practice in the field of satisfaction of claim requirements, which were not satisfied at the pre-trial and judicial stages in the framework of a civil claim in a criminal case. The article reveals modern possibilities of the labor structure and labor of persons sentenced to imprisonment as a source of funds for the repayment of claims, as well as prospects for claim satisfaction after release from a correctional institution, with regard to possible development and amendment of norms of the Criminal Code of the Russian Federation, judicial practice in this area and introduction of probation services in the Russian Federation.

Keywords: claims; parole; employment of persons sentenced to imprisonment; post-penitentiary probation; compensation for damages in a criminal case.

5.1.3. Private law (civil law) sciences.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Mironov A.V. On the satisfaction of claim requirements of victims when imposing punishment in the form of imprisonment to the perpetrator. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 4 (24), pp. 221–229. doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.026.

Проблема возмещения ущерба, причиненного совершенными преступлениями, восстановления социальной справедливости и защиты нарушенных прав потерпевших продолжает оставаться актуальной на протяжении долгого времени [1, с. 3–8].

Согласно статистическим данным в Российской Федерации в рамках уголовного процесса потерпевшими признаны 1,376 млн чел. (в 2020 г. – 1 617 177, в 2019 г. – 1 573 096, в 2018 г. – 1 651 033, в 2017 г. – 1 787 911). Ущерб от преступлений составил в 2021 г. 659,2 млрд руб., при этом добровольно было возмещено лишь 44,6 млрд руб. (в 2020 г. – 44,6 из 627,7 млрд руб., в 2019 г. – 63,5 из 563 млрд руб., в 2018 г. – 43,3 из 408,5 млрд руб., в 2017 г. – 43,1 из 563,6 млрд руб.) [2].

Наряду с этим результативность исполнения приговора суда в части гражданского иска остается достаточно низкой. Так, на практике за 2021 г. окончено исполнительных производств на сумму 70 114 646 руб. (в 2020 г. – 61 124 000 руб., в 2018 г. – 64 014 787 руб., в 2019 г. – 58 655 645 руб., в 2017 г. – 54 785 124 руб.) [3].

Оценивая общие масштабы ущерба от преступлений, следует сказать, что в целом их суммы остались практически без изменений: так, в 2015 г. – около 21 млрд руб., в 2020 г. – около 20,2 млрд руб. Также следует отметить такую положительную тенденцию, как погашение исковых требований до суда. В сравнении с 2015 г. в 2020 г. данная сумма возросла в два с лишним раза (с 4 млрд руб. до 9 млрд руб.). Кроме того, в 2015 г. сумма ущерба, которая оставалась к погашению осужденными, составила около 16 млрд руб., а в 2020 г. – 19,5 млрд руб. В органы уголовно-исполнительной системы России (УИС) направлено исполнительных документов на сумму около 183 млн руб. [4, с. 68–73; 5, с. 67; 6, с. 139].

Эффективность исполнения приговора в части обеспечения исковых требований потерпевших на стадии отбывания наказания в исправительном учреждении напрямую определяется наличием источников дохода осужденных – заработной платы и иных средств, находящихся на их лицевых счетах.

Проблематичным представляется исполнение в полном объеме исковых требований по исполнительным листам даже для трудоустроенных осужденных [7].

В соответствии со ст. 103 УИК РФ каждый осужденный обязан трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией. В современных условиях не все исправительные учреждения имеют эффективно функционирующие собственные производства или центры трудовой адаптации, которые способны обеспечить всех осужденных работой.

В целом основными проблемами, возникающими в процессе трудоустройства осужденных к лишению свободы, являются: отсутствие специальности или наличие невостребованной специальности; физический и моральный износ основных фондов производственного сектора, что препятствует выпуску конкурентоспособной продукции; отсутствие производственных заказов; увеличение численности осужденных, не подлежащих привлечению к труду из-за наличия хронических заболеваний.

В настоящее время в УИС функционируют около 20 федеральных государственных унитарных предприятий, осуществляющих различные виды деятельности, однако их потенциал в трудовой адаптации осужденных недостаточен по причине использования менее 1 % осужденных, привлекаемых к труду [8, с. 594]. Приносящая доход деятельность осуществляется сегодня в 652 учреждениях УИС (включая исправительные колонии, колонии-поселения, тюрьмы, лечебно-исправительные учреждения, лечебно-профилактические учреждения и воспитательные колонии) [9].

Например, по официальным данным ФСИН России, в местах лишения свободы трудоустроено около 136 тыс. осужденных [6, с. 139]. Но если учесть, что по состоянию на 1 ноября 2022 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 439 453 чел., то как минимум треть из них не работает. При этом в качестве результата совершенствования производственно-хозяйственной деятельности в Концепции развития УИС до 2030 г. заявлено увеличение доли трудоустроенных лиц к 2030 г. до 85 %.

Вместе с тем размер, подлежащий возмещению, может составлять от нескольких десятков тысяч рублей до миллиона и более. В свою очередь размер оплаты труда осужденных, отработавших полностью определенную на месяц норму рабочего времени и выполнивших установленную для них норму, не может быть ниже установленного минимального размера оплаты труда. Согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 28.05.2022 № 973 с 1 июня 2022 г. он составляет 15 279 руб. в месяц. При этом в реальности осужденные к лишению свободы обычно получают до 7 тыс. руб. в месяц. Если они трудятся в исправительных центрах на крупных предприятиях, отбывая наказание в виде принудительных работ, то зарплата может достигать до 15 тыс. руб. [10].

Таким образом, в течение определенного времени осужденный к лишению свободы, решивший добросовестно начать возмещать причиненный своим преступлением ущерб, может рассчитывать исключительно на свои способности и ресурсные возможности производственно-хозяйственной базы исправительного учреждения [11].

На первый взгляд, на фоне общих масштабов ущерба указанная выше сумма ущерба, обращенная к взысканию в период отбывания наказания, выглядит достаточно скромно, однако необходимо учитывать целый ряд факторов, которые уже неоднократно упоминались в научной литературе: низкий заработок осужденных из-за низкой квалификации; низкая себестоимость продукции, произведенной на

предприятиях УИС, в том числе обусловленная ее качеством; высокая степень износа основных производственных средств (станков, прессов, швейных машин и т. п.); технологический уровень производства в местах лишения свободы не может конкурировать с производством на современных предприятиях.

Чтобы оценить ситуацию в сфере реального возмещения ущерба осужденными в период отбывания лишения свободы, следует привести результаты исследований, проведенных в рамках подготовки Федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018–2026 годы)»: «Из 133,9 тыс. осужденных, имеющих исполнительные листы, погашали иски 63,8 %, из которых к труду привлечено 71,2 тыс. человек».

Анализ статистических показателей судимости в России позволяет сделать ряд выводов относительно возможностей по организации трудовой занятости осужденных в исправительном учреждении (ИУ). Так, например, анализ данных за истекшие 12 лет свидетельствует о том, что в целом число осужденных лиц трудоспособного возраста (от 29 до 50+ лет) стабильно превышает 350 тыс. чел. [12]. Количество лиц, имеющих рабочие специальности, работников сельского хозяйства, а также служащих ежегодно превышало 150 тыс. чел., а нетрудоспособных насчитывалось около 20 тыс. чел. ежегодно [12]. Таким образом, нельзя говорить о том, что в местах лишения свободы содержатся исключительно лица, не обладающие необходимыми трудовыми навыками.

Исходя из сказанного выше организация труда в условиях лишения свободы остается одним из основных факторов, оказывающих влияние на эффективность возмещения ущерба, причиненного преступлениями.

Вполне естественно, что решение данной проблемы не исчерпывается только производственно-хозяйственным сектором УИС. Данная проблема носит комплексный, организационный и экономико-правовой характер. Как уже неоднократно отмечалось, УИС – это система, которая функционирует во взаимосвязи с иными государственными институтами, а не существует изолированно от них. Проблемы УИС требуют внимания именно на высоком управленческом уровне (с участием, например, Минрегионразвития России).

Решение проблемы охвата осужденных, имеющих исполнительные листы, оплачиваемым трудом должно заключаться, на наш взгляд, в расширении сотрудничества УИС и коммерческих предприятий. Это необходимо для того, чтобы по истечении определенного периода времени и при установлении невозможности взыскать имеющийся долг судебным приставом-исполнителем он не признан безнадежным. Для привлечения инвестиций и реанимирования производства в учреждениях УИС, восстановления и закупки современных производственных мощностей необходимо проведение целенаправленной государственной политики по предоставлению льготного режима налогообложения и создания облегченных условий кредитования тем предпринимателям, кто готов сотрудничать с учреждениями УИС.

Таким образом, на этапе отбывания наказания в виде лишения свободы вероятность реализации исковых требований потерпевших очень мала.

В контексте рассматриваемой проблемы полагаем, что заслуживает внимания и институт условно-досрочного освобождения (далее – УДО) от отбывания наказания в виде лишения свободы.

С 2001 по 2014 г. было принято 12 федеральных законов, вносящих поправки в ст. 79 УК РФ, и два федеральных закона, касающихся ст. 93 УК РФ (условно-досрочное освобождение лиц, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте).

За период с 2010 г. по 2017 г. было принято не менее восьми федеральных законов, вносящих изменения в уголовное, уголовно-исполнительное и уголовно-процессуальное законодательство и направленных на повышение эффективности рассматриваемого межотраслевого института.

Попытки одновременного решения проблем УДО сразу во всех правовых отраслях неизбежно приводят к появлению коллизий и противоречий, а формулировки законодателя далеко не всегда позволяют с достаточной определенностью понять его замысел [13, с. 78–85].

Анализ содержания научной дискуссии [14; 15, с. 195], данных статистики позволяет говорить о том, что на этапе решения вопроса о применении судом УДО в контексте реализации исковых требований потерпевших возможно выделить ряд характерных вариантов развития событий, при которых формально сохраняется возможность осужденного претендовать на применение УДО, однако в отношении возмещения ущерба им не предпринимается достаточно усилий [14; 16]. Речь идет о той категории осужденных к лишению свободы, которые начинают трудоустраиваться только за год или полгода – год, отбытие которого дает основания претендовать на УДО и, соответственно, частично гасить долг. Это связано с тем, что факт совершения осужденным действий по возмещению причиненного ущерба учитывается комиссиями исправительных учреждений и впоследствии судом при вынесении решения об условно-досрочном освобождении. При этом совершенно очевидно, что ущерб за короткий срок не выплачивается и, возможно, не будет выплачен и после освобождения.

При этом исходя из Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.04.2009 № 8 (ред. от 17.11.2015) «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания», в котором анализируются вопросы судебной практики об условно-досрочном освобождении, следует, что суд не вправе отказать только на том основании, что ущерб возмещен лишь в незначительном размере в силу объективных причин. Незначительность выплат должна быть вызвана состоянием здоровья, которое препятствует работе, или отсутствием в исправительном учреждении работы для осужденных.

Вторым негативным для потерпевшего сценарием следует признать тот, при котором, согласно ч. 1 ст. 79 и ч. 4 ст. 80 УК РФ, формально признается условие о возмещении вреда выполненным, даже если он возмещен частично. При этом само понятие частичного возмещения вреда имеет оценочный характер. В этой связи на практике не исключаются и случаи, когда осужденный перед направлением ходатайства перечислит в пользу потерпевшего незначительную сумму, чтобы соблюсти это условие формально [17]. Таким образом, риск неисполнения исковых требований потерпевшего при применении УДО сохраняется.

В этой связи считаем возможным согласиться с мнением авторов, полагающих, что основанием для применения условно-досрочного освобождения не могут быть

только данные, свидетельствующие о примерном поведении лица в исправительном учреждении. Условно-досрочное освобождение должно быть доступным каждому осужденному, но должны быть конкретными и учитываемые критерии, в противном случае дискуссионным остается вопрос судьейского усмотрения [8, с. 100–102]. Нельзя не согласиться с тем, что при решении вопроса о применении УДО оценка и учет судами степени исправления осужденного также повышает вероятность судебного усмотрения. Несмотря на длительную дискуссию о целесообразности учета степени исправления осужденного при применении УДО с позиции защиты нарушенных имущественных прав потерпевших полагаем, что требуется пересмотр подходов к данному понятию в вопросах реализации УДО. На наш взгляд, предложение об исключении данного понятия как основания для применения УДО и закрепления фактически действующего принципа целесообразности заслуживает внимания и дальнейшего изучения. Судом должны учитываться факты, характеризующие поведение осужденного в период отбывания наказания, данные психологического и социального прогноза в отношении осужденного. В качестве одной из форм выражения примерного поведения освобождаемого должно остаться его положительное отношение к труду, социально полезной деятельности и стремление к повышению квалификации. Также предметом оценки со стороны судов должны оставаться вопросы условий жительства лица, его трудоустройство, источники возмещения ущерба и другие сведения, подтверждающие наличие позитивных социальных установок лица и его жизненных планов.

В контексте изложенных выше рассуждений открытым для дискуссии и важным остается вопрос необходимости восстановления такой меры, как привлечение освобождающегося по УДО к труду путем официального трудоустройства. Полагаем, что в современных социальных и экономических условиях должны быть заново рассмотрены и оценены перспективы применения данной меры. Такой подход, на наш взгляд, должен учитывать содержание ст. 4 Трудового кодекса Российской Федерации «Запрещение принудительного труда» в целом и с учетом условности освобождения содержание соответствующего подпункта данной статьи: «Для целей настоящего Кодекса принудительный труд не включает в себя: работу, выполняемую вследствие вступившего в законную силу приговора суда под надзором государственных органов, ответственных за соблюдение законодательства при исполнении судебных приговоров».

В этой связи заслуживает внимания со стороны ученых, представителей судейского сообщества вопрос об активности и эффективности применения положений ч. 2 ст. 79 УК РФ: «Применяя условно-досрочное освобождение, суд может возложить на осужденного обязанности, предусмотренные частью пятой статьи 73 настоящего Кодекса, которые должны им исполняться в течение оставшейся не отбытой части наказания.», которая отсылает к содержанию ч. 5 ст. 73 УК РФ: «Суд может возложить на условно осужденного исполнение и других обязанностей, способствующих его исправлению». Таким образом, в перспективе это создаст условия для наличия официального источника заработка освобожденного лица и, как следствие, источника обращения взыскания по исполнительному листу.

К сожалению, вопросы контроля за соблюдением данной обязанности еще предстоит решать, так как служба пробации, о создании которой в России достаточно

давно ведутся дискуссии [17; 19, с. 48–49], в контексте самого понятия «пробация» рассматривается «в том числе ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация, защита прав и законных интересов указанных лиц», то есть речи о контроле за поведением лиц, освобожденных из исправительных учреждений, в части соблюдения обязанностей, вытекающих из применения УДО и реализации требований по исполнительным листам, снова не идет. В свою очередь Федеральная служба судебных приставов России не наделена такими полномочиями, как и полиция, поскольку ст. 2 и 3 Федерального закона от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» не учитывает специфику условно-досрочного освобождения и исполнения исковых требований потерпевших после освобождения с учетом обязанностей, возложенных судом (в частности трудоустройство и наличие обязательного источника заработка).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дубровин В. В. Гражданский иск и другие институты возмещения вреда от преступлений в уголовном судопроизводстве: международный, зарубежный, отечественный опыт правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 31 с.
2. Соблюдение и защита права потерпевших в уголовном процессе: тематический доклад. URL: https://ombudsmanrf.org/upload/files/docs/lib/106171_25.12_sborka_LowRes.pdf (дата обращения: 10.01.2023).
3. Правовая статистика // Генеральная прокуратура : офиц. сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity> (дата обращения: 10.01.2023).
4. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы январь–декабрь 2015 года : информ.-аналит. сб. Тверь, 2016. 432 с.
5. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы январь–декабрь 2019 года : информ.-аналит. сб. Тверь, 2020. 391 с.
6. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы январь–декабрь 2021 года : информ.-аналит. сб. Тверь, 2022. 518 с.
7. К проблеме организации взыскания задолженности с лиц, отбывающих уголовные наказания. URL: https://pravovsem59.ru/pravovoe-prosveshchenie/analitika/k-probleme-organizatsii-vzyskaniya-zadolzhennosti-s-lits-otbyvayushchikh-ugolovnyye-nakazaniya-_1531367948/ (дата обращения: 23.12.2022).
8. Чернышов И. Н. Анализ недоиспользования труда осужденных в различных видах исправительных учреждений // Человек: преступление и наказание. 2020. № 4. С. 594–606.
9. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы. URL: <http://фсин.рф/statistics/> (дата обращения: 10.01.2023).
10. ФСИН сообщила о зарплатах в 220 тыс. руб. у осужденных. URL: <https://www.rbc.ru/society/27/05/2021/60aеесас9а7947178се8708d> (дата обращения: 10.11.2021).
11. И вновь срока огромные идут в работы длинные. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4818553> (дата обращения: 01.08.21).
12. Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 29.12.2022).
13. Скиба А. П., Мяханова А. Н., Эрхитуева Т. И. Условное осуждение и условно-досрочное освобождение: основания применения. Улан-Удэ, 2020. 124 с.
14. Ефремов Р. С. Возмещение вреда как обязательное условие для применения условно-досрочного освобождения от уголовного наказания // Человек: преступление и наказание. 2015. № 2 (89). С. 79–84.

15. Разумова И. В. Возмещение ущерба потерпевшим осужденными, отбывающими уголовные наказания в виде лишения свободы // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия : сб. материалов V Междунар. науч.-практ. конф. Пермь, 2018. С. 195–196.

16. Упоров Д. А. Деликтоспособность осужденных, содержащихся в местах лишения свободы // Вестник Кузбасского института. 2018. № 3 (36). С. 111–117.

17. Апелляционное постановление суда апелляционной инстанции Псковского областного суда № 22-870/2020 от 23 декабря 2020 г. по делу № 4/1-185/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/gcYmEvSEtXZd/> (дата обращения: 10.01.2023).

18. Голодов П. В. Зарубежный опыт и перспективы создания службы пробации в России: организационно-правовые аспекты // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2011. № 14. С. 81–88.

19. Хуторская Н. Быть или не быть... пробации в России? // Преступление и наказание. 2008. № 4. С. 48–49.

REFERENCES

1. Dubrovin V.V. *Grazhdanskii isk i drugie instituty vozmeshcheniya vreda ot prestuplenii v ugovnom sudoproizvodstve: mezhdunarodnyi, zarubezhnyi, otechestvennyi opyt pravovogo regulirovaniya: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Civil suit and other institutions of compensation for harm from crimes in criminal proceedings: international, foreign, domestic experience of legal regulation: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2010. 31 p.

2. *Soblyudenie i zashchita prava poterpevshikh v ugovnom protsesse: tematicheskii doklad* [Observance and protection of the rights of victims in criminal proceedings: thematic report]. Available at: https://ombudsmanrf.org/upload/files/docs/lib/106171_25.12_sborka_LowRes.pdf (accessed January 10, 2023).

3. Legal statistics. In: *General'naya prokuratura: ofits. sait* [Prosecutor General's Office: official website]. Available at: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity> (In Russ.). (Accessed January 10, 2023).

4. *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugovno-ispolnitel'noi sistemy yanvar'–dekabr' 2015 goda: inform. -analit. sb* [Key indicators of the activity of the penal system in January–December 2015: informational analytical collection]. Tver, 2016. 432 p.

5. *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugovno-ispolnitel'noi sistemy yanvar'–dekabr' 2019 goda: inform. -analit. sb* [Key indicators of the activity of the penal system in January–December 2019: informational analytical collection]. Tver, 2020. 391 p.

6. *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugovno-ispolnitel'noi sistemy yanvar'–dekabr' 2021 goda: inform. -analit. sb* [Key indicators of the activity of the penal system in January–December 2021: informational analytical collection]. Tver, 2022, 518 p.

7. *K probleme organizatsii vzyvaniya zadolzhennosti s lits, otbyvayushchikh ugovnyye nakazaniya* [On the problem of organizing debt collection from persons serving criminal sentences]. Available at: https://pravovsem59.ru/pravovoe-prosveshchenie/analitika/k-probleme-organizatsii-vzyvaniya-zadolzhennosti-s-lits-otbyvayushchikh-ugovnyye-nakazaniya-_1531367948/ (accessed December 23, 2022).

8. Chernyshov I.N. Analysis of underuse of convict labor in various types of correctional institutions. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: Crime and Punishment*, 2020, no. 4, p. 594. (In Russ.).

9. *Kratkaya kharakteristika ugovno-ispolnitel'noi sistemy* [Brief description of the penal system]. Available at: <http://fsin.rf/statistics/> (accessed January 10, 2023).

10. *FSIN soobshchila o zarplatakh v 220 tys. rub. u osuzhdennykh* [The Federal Penitentiary Service reported convicts' salaries of 220 thousand rubles]. Available at: <https://www.rbc.ru/society/27/05/2021/60aeecac9a7947178ce8708d> (accessed November 10, 2021).

11. *I vnov' sroka ogromnye idut v raboty dlinnye* [And again, huge deadlines go into long works]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4818553> (accessed August 1, 2021).
12. Judicial statistics data. *Sudebnyi departament pri Verkhovnom Sude Rossiiskoi Federatsii: ofits. sait* [Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation: official website]. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (In Russ.). (Accessed December 29, 2022).
13. Skiba A.P., Myakhanova A.N., Ehrkhitueva T.I. *Uslovnoe osuzhdenie i uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie: osnovaniya primeneniya* [Probation and parole: grounds for application]. Ulan-Ude, 2020. 124 p.
14. Efremov R.S. Compensation for harm as a compulsory condition for the release on parole. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: Crime and Punishment*, 2015, no. 2 (89), pp. 79–84. (In Russ.).
15. Razumova I.V. Compensation for damage to victims of convicts serving criminal sentences in the form of imprisonment. In: *Penitentsiarnaya sistema i obshchestvo: opyt vzaimodeistviya: sb. materialov V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Penitentiary system and society: experience of interaction: collection of materials of the V international scientific and practical conference]. Perm, 2018. Pp. 195–196. (In Russ.).
16. Uporov D.A. Delictual convicted prisoners in places of deprivation of liberty. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2018, no. 3 (36), pp. 111–117 (In Russ.).
17. *Apellyatsionnoe postanovlenie suda apellyatsionnoi instantsii Pskovskogo oblastnogo suda № 22-870/2020 ot 23 dekabrya 2020 g. po delu № 4/1-185/2020* [Appeal decision of the Court of Appeal of the Pskov Regional Court No. 22-870/2020 of December 23, 2020 in case No. 4/1-185/2020]. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/gcYmEvSEtXZd/> (accessed January 10, 2023).
18. Golodov P.V. The foreign experience and prospects of creating a probation service in Russia: organizational and legal aspects. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie = Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*, 2011, no. 14, pp. 81–88. (In Russ.).
19. Khutorskaya N. To be or not to be ... probation in Russia? *Prestuplenie i nakazanie = Crime and Punishment*, 2008, no. 4, pp. 48–49. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ МИРОНОВ – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, m1ron1508@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8242-5317>

ALEKSEIV. MIRONOV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of Civil Law Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, m1ron1508@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8242-5317>

Статья поступила 20.07.2023

Научная статья

УДК 341

doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.027

Международно-правовые и политические аспекты эволюции Интерпола

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ МИШАЛЬЧЕНКО

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, myv2008@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2162-0191>

МАРИЯ ЮРЬЕВНА МИШАЛЬЧЕНКО

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет, Санкт-Петербург, Россия, mari.mishalchenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5812-0748>

ВЯЧЕСЛАВ АНДРЕЕВИЧ ТАРАНЕЦ

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия, <https://orcid.org/0009-0009-4361-9683>

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые международно-правовые аспекты эволюции международной организации уголовной полиции. Возникшая в 1923 г., за сто лет своего существования организация сумела преодолеть несколько внутренних кризисов и продемонстрировала способность к эволюции своего правового статуса, что делает ее важным актором современной системы международных отношений.

Ключевые слова: Интерпол; транснациональная преступность; международное право; международные организации; правовой статус.

5.1.5 Международно-правовые науки.

5.1.1. Теоретико-исторические науки.

Для цитирования: Мишальченко Ю. В., Мишальченко М. Ю., Таранец В. А. Международно-правовые и политические аспекты эволюции Интерпола // *Ius publicum et privatum*: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2023. № 4 (24). С. 230–239. doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.027.

Original article

International Legal and Political Aspects of the Interpol Development

YURII V. MISHAL'CHENKO

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, myv2008@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2162-0191>

MARIYA Yu. MISHAL'CHENKO

State Maritime Technical University, Saint Petersburg, Russia, mari.mishalchenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5812-0748>,

VYACHESLAV A. TARANETS

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia, <https://orcid.org/0009-0009-4361-9683>

Abstract. The article considers some international legal aspects of the evolution of the international criminal police organization. Founded in 1923, over the hundred years of its existence, the organization has managed to overcome several internal crises and demonstrated the ability to evolve its legal status, which makes it an important actor in the modern system of international relations.

Keywords: Interpol; transnational crime; international law; international organizations; legal status.

5.1.5. International law sciences.

5.1.1. Theoretical and historical sciences.

For citation: Mishal'chenko Yu.V., Mishal'chenko M.Yu., Taranets V.A. International legal and political aspects of the Interpol development. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 4 (24), pp. 230–239. doi 10.46741/2713-2811.2023.24.4.027.

История международного полицейского сотрудничества восходит к началу прошлого столетия – именно тогда концепция международной комиссии криминальной полиции (МККП) впервые упоминается в качестве самостоятельной международной единицы, призванной служить на благо поддержания правопорядка как в рамках конкретных государств, так и за их пределами с целью координации деятельности полицейских ведомств различных стран. В 1914 г. в рамках международного конгресса представителей криминальной полиции в Монако [1] была озвучена идея создания международного органа, впоследствии получившего название МККП, с целью унификации процесса экстрадиции преступников и максимально оперативного обмена информацией для упрощения и ускорения проведения розыскных мероприятий. Однако сама МККП была создана лишь в 1923 г. [1], после окончания Первой мировой войны. В дальнейшем организацию ожидало множество событий и потрясений, которые существенно изменили ее функционал, облик и структуру, од-

нако прежде видится логичным кратко описать причины, которые лежали в основе создания уникальной международной организации, сегодня известной под названием Интерпол.

В предвоенный период международные отношения в Европе отличались высокой степенью напряженности между государствами, которая в итоге вылилась в первый глобальный конфликт в истории человечества. Несмотря на то что Первая мировая война являет собой достаточно красноречивое оправдание концепции политического реализма (а в дальнейшем – неореализма), травматичный для государств опыт войны привел к определенному ослаблению позиций неореалистов и популяризации идей их оппонентов – либералов (в дальнейшем, по аналогии, неолибералов), полагавших, что отношения между государствами строятся на куда более сложном базисе, нежели обычный конфликт интересов и попытка обеспечить максимальную степень защищенности для своей страны. Для исключения повторения трагического опыта глобальной войны международное сообщество начало активную дискуссию о важности новых форматов взаимодействия, призванных сделать узы между государствами крепче и снизить вероятность потенциального конфликта в будущем.

Сложившийся в послевоенные годы тренд на либерализацию международных отношений привел к тому, что зародившийся в 1914 г. концепт МККП получил свое логическое продолжение в 1923 г. – именно тогда в рамках второго международного конгресса криминальной полиции была создана МККП – предшественница нынешнего Интерпола со штаб-квартирой в столице Австрии. С этой отправной точки начинается история международного полицейского сотрудничества.

МККП наряду с очевидными достоинствами несла в себе и существенные недочеты, которые с течением времени обрели системный характер и до сих оказывают влияние на деятельность Интерпола. К таким недочетам относится, например, приверженность принципу соблюдения государственных суверенитетов и, как следствие, невозможность «бесшовного» продолжения следственных мероприятий на территории другого государства. В соответствии со ст. 3 устава МККП, которая в дальнейшем мигрировала в устав Интерпола [2], организация обязуется заниматься расследованием, предотвращением и раскрытием исключительно уголовных преступлений, не вмешиваясь при этом никоим образом в преступления военного, политического, религиозного или расового характера, равно как и собирать или предоставлять по запросу информацию о личностях и событиях, так или иначе вовлеченных в преступления указанного характера. Данная статья устава сыграла существенную роль в самоустранении Интерпола от вопроса международного терроризма, преодолеть которое удалось лишь в конце двадцатого столетия – в 1985 г. [3, с. 587]. Более того, с увеличением степени глобализации международной системы в течение XX столетия преступления стали обладать комплексным, а не исключительно уголовным характером. Вдобавок отметим, что даже в случае если уголовное преступление является таковым на территории одного государства, то необходимо, чтобы указанное преступление обладало аналогичным статусом на территории того государства, где планируется продолжать уголовное преследование правонарушителей. Подобное искусственное повышение степени бюрократизации существенно ухудшает качество оперативной работы сотрудников Интерпола, равно как и коор-

динацию деятельности функционеров по разные стороны государственных границ.

Другой недостаток, заложенный в МККП, – схема бюджетирования организации, в рамках которой взносы государств были обусловлены численностью населения. К примеру, густонаселенная, но относительно бедная Индия платила крупные взносы, хотя проблем для решения силами Интерпола в рамках индийской юрисдикции было значительно меньше, чем в богатых Соединенных Штатах. Другая диспропорция заключалась в том, что степень участия в бюджетировании организации была достаточно низкой для обеспеченных государств Западной Европы. Это привело к тому, что МККП, а затем и Интерпол испытывали существенный дефицит бюджета, что напрямую влияло на качество предотвращения и расследования преступлений.

Наконец, в ходе развития систем международных правоотношений Интерпол столкнулся с достаточно серьезным противоречием – отношением к феномену международного терроризма. Наиболее остро эта проблема начала проявляться в ходе активных действий террористов, связанных с арабо-израильским противостоянием в Израиле. Жестокие акции террористов и не менее печально известные акции Моссада и израильской контрразведки оказали существенное влияние на дестабилизацию и без того шаткой системы международной безопасности, сложившейся в ходе блокового противостояния Востока и Запада, что не могло не сказаться на положении международной преступности, в частности на торговле оружием и пленниками, наркотрафике, а также экономических преступлениях. Казалось, что наступает тот самый момент, когда Интерпол может действительно взять ситуацию под контроль и внести свой вклад в стабилизацию положения. Однако он занял позицию невмешательства сразу по нескольким причинам, к которым можно отнести, во-первых, нежелание руководства Интерпола, фактически полностью находившегося в зоне влияния французского правительства, испортить отношения с арабскими странами – участницами организации, которые негласно поддерживали радикально настроенных исламистов и вносили существенный вклад в бюджет организации. Во-вторых, Интерпол руководствовался ст. 3 устава, которая не позволяла ему принимать участие как в расследовании, так и в информационном обеспечении заинтересованных сторон в случае, если преступления несут не сугубо уголовный, но политический, расовый, военный или религиозный характер, и под все эти факторы подходило фактически каждое преступление террористов. Подобная политика организации привела к определенным последствиям.

Руководствуясь ст. 3 устава, Интерпол бездействовал, так как терроризм в соответствии с нормами права считался тогда сугубо внутригосударственным делом. Организация противостояла лишь воздушному пиратству, так как подобное деяние было связано с незаконным пересечением государственных границ. Столь поверхностное отношение к терроризму в то время привело как к распространению терроризма, который постепенно обретал международный, а впоследствии сетевой характер, так и к глубокому, системному кризису организации. Примечательно, что аналитики Интерпола неоднократно выступали против столь пассивной позиции, но не были услышаны руководством организации ввиду концентрации Интерпола на других целях, в частности на борьбе с экономическими преступлениями и наркотрафиком [4, с. 117]. Руководство в лице Жана Непота и Пауля Дикопфа проявило известную степень зашоренности в процессе принятия решений, что впоследствии

расценивалось исследователями как один из наиболее ярких критериев кризиса организации [5, с. 24].

Подобная пассивность организации положила начало кризису, преодолеть который удалось лишь в середине следующего десятилетия – в 1976 г. У Интерпола возникли и некоторые другие проблемы более глубокого, системного характера, к которым следует отнести двойные стандарты в области квалификации преступлений как исключительно уголовных: довольную большую долю дел в ведении Интерпола занимали преступления, связанные с международным наркотрафиком или финансовыми преступлениями. Примечательно, что обе группы преступлений изначально тоже можно было квалифицировать как исключительно внутригосударственные, а следовательно, не требующие вмешательства Интерпола. Однако расследование либо помощь в расследовании подобных дел никоим образом не отражались на отношениях Интерпола, в частности его французских покровителей, с представителями арабского мира. Подобная двойственность в классификации привела к достаточно серьезному падению имиджа Интерпола как компетентной и независимой организации, деятельность которой находится за пределами интересов одной или нескольких стран-участниц. С точки зрения теории международных отношений, в частности неолиберального институционализма [6, с. 116], подобная тенденция отнюдь не нова и присуща не только Интерполу. ООН также в большей степени тяготеет к интересам Африки, Северной Америки или Китая в зависимости от конкретного председательства в ГА ООН или СБ ООН. Европейская интеграция и, как следствие, политика Европейского союза также находились и до сих пор находятся под наибольшим влиянием так называемых стран ядра (corecountries) – Франции, Германии и Италии, тогда как влияние Венгрии или Испании, равно как и их государственные интересы в рамках Европейского союза, обладают куда более меньшим весом. Однако схожесть проблем Интерпола с другими международными организациями разных формаций не делает эти проблемы менее значимыми, что существенно осложняет международное полицейское сотрудничество и замедляет процесс расследования различных преступлений, требуя новых и новых раундов согласований и консультаций, что, в свою очередь, дает очевидную фору преступникам.

Замедление процессов как тенденция также присуща многим акторам международных отношений. Некоторый отрыв от реальности и несвоевременность решений либо принятие решений де-факто – отличительная черта многих институтов международного сотрудничества (ООН, БРИКС, ШОС, ЕС и т. д.). Данная тенденция в целом свидетельствует о «догоняющем» характере международного сотрудничества, особенно в контексте принятия ответных либо регулирующих мер в той или иной области общественной жизни. То же самое можно сказать и о теоретизации международных правоотношений, которая, как правило, на несколько лет отстает от актуальных трендов развития современных субъектов международного права, так как неразрывно связана с поведенческим (бихеовиоральным) характером принятия решений [7].

Если ранее подобная бюрократизация была вызвана отчасти отсутствием средств оперативной связи между различными частями Интерпола, то с появлением Интернета и развитием информационных технологий процесс согласования тех или иных акций Интерпола существенно ускорился, равно как и обмен оперативной

информацией между государствами, в рамках которого Интерпол выступает своего рода хабом, координирующим центром. Тем не менее информационное обеспечение международного полицейского сотрудничества испытывает определенное количество проблем.

Возвращаясь к кризису организации, спровоцированному отчасти невмешательством Интерпола в борьбу с терроризмом на Ближнем Востоке, стоит отметить, что ситуация изменилась лишь в 1976 г. [3] после отставки Генерального Секретаря Жака Непота, о личности и роли которого в кризисе организации упоминалось несколько ранее. Несмотря на то что сменивший его Андре Броссар тоже был французом и стремился придерживаться линии, избранной своим предшественником, вопрос отношения к международному терроризму стал решаться более конкретно. К середине 1970-х гг. Интерпол серьезно отстал от актуальных трендов в международной преступности, и поэтому требовались существенные изменения. Сказывались и задержки с определением международной правосубъектности организации.

В 1985 г. Интерпол начинает принимать непосредственное участие в борьбе с международным терроризмом [5]. Изначально поддержка носила информационный характер, но сам факт вовлечения организации в борьбу с террористами существенно изменил баланс сил в противостоянии. Информационная поддержка, оказываемая Интерполом, существенно упрощала розыск и арест участников террористических организаций практически повсеместно, а аккумулированный опыт розыска национальных полиций различных стран существенно расширил арсенал методов борьбы с террористами.

После теракта 11 сентября 2001 г. Интерпол сконцентрировался не только на роли информационного посредника, но и на широком спектре превентивной деятельности, направленной на раннее предотвращение террористических актов, расширение сети информаторов и подпольных агентов [8]. Более того, Интерполу удалось привлечь профессиональных аналитиков к работе как в Генеральном Секретариате, так и в представительствах Интерпола на территории различных стран. Прогнозы этих интеллектуальных центров существенно облегчают как оперативную, так и превентивную деятельность по борьбе не только с международным терроризмом, но и с другими формами преступности, попадающими под юрисдикцию Интерпола.

На данный момент Интерпол в основном предоставляет возможности для информационной координации, однако в случае экстренных происшествий может направить экспертную группу, которая предоставит национальным властям в распоряжение свою экспертизу и оперативно-материальные ресурсы. Вопреки традиционному мнению Интерпол не является наднациональной организацией, представляя собой на самом деле скорее сеть национальных полицейских ведомств, координирующуюся на международном уровне [9]. Именно поэтому Интерпол не ведет «наступательной» деятельности в борьбе с терроризмом и иными преступлениями, работает четко в рамках юрисдикции государств – членов Интерпола. Подобная позиция организации вызвала существенные споры в начале XX столетия [10, с. 186], и критика в основном была направлена на недостаточную эффективность международного полицейского сотрудничества. Однако отметим, что в таком случае Интерпол столкнулся бы с рядом трудностей.

Во-первых, был бы высок риск получить статус «дублирующей структуры» и начать делить функции с миротворческим корпусом ООН, реформа которой активно обсуждается на протяжении последних тридцати лет [11].

Во-вторых, подобное изменение статуса существенно осложнило бы и без того запутанную ситуацию с правовым статусом Интерпола. Юридическое закрепление нынешнего статуса произошло лишь в 1971 г. – спустя почти тридцать лет после второго создания организации после Второй мировой войны [12, с. 83]. До этого Интерпол фактически не вписывался ни в одну из существующих на тот момент юридических концепций, так как не было прецедента, позволившего бы легализовать его деятельность на международном уровне.

Подводя краткий, промежуточный итог истории развития международного полицейского сотрудничества, стоит отметить некоторые очевидные тенденции, которые позволяют говорить о таком развитии, как о качественном и поступательном процессе, существенно влияющем на конъюнктуру международных правоотношений в статике и динамике. Будучи частью системы международных отношений, Интерпол так или иначе оказывается интегрирован в нее, несмотря на прописанную в рамках его устава политику невмешательства в сферу любой юрисдикции, кроме сугубо уголовной.

Первой среди упомянутых выше тенденций в развитии Интерпола стоит выделить способность так или иначе подстраиваться под постоянно меняющиеся реалии современного мира. Использование в работе способов борьбы с новыми методами, к которым прибегают преступники, некоторые либеральные сдвиги внутри самой организации в сторону большей открытости и прозрачности – все это и многое другое позволяют сделать вывод о том, что Интерпол представляет собой организацию, демонстрирующую тенденцию к поступательному развитию.

Вторая тенденция заключается в том, что развитие носит скорее догоняющий характер и с трудом успевает за трендами и динамикой международной правовой системы. Этот аспект не столь критичен, так как он в той или иной мере присущ всем элементам современных международных организаций. Наиболее ярко он выражается в некотором разрыве между деятельностью таких организаций и реальными событиями, происходящими в международных правоотношениях, мировой политике и общественной жизни в целом. Проводя параллель с эволюцией международных правоотношений, можно привести такой пример: сначала в международной жизни возникает прецедент, который лишь спустя некоторое время выходит на уровень общей международной практики и, как следствие, обретает специфику, которая позволяет адаптировать те или иные нормы международного реагирования субъектов международного права к каждому конкретному случаю. Подобная практика присуща и ООН, и Европейскому союзу, и многим другим форматам международного сотрудничества в межправительственных организациях и является в некотором смысле объективной реальностью современного мира. Это приводит к затяжному характеру реформ, связанному с высокой степенью бюрократизации организации и, как следствие, громоздким и неповоротливым механизмом, отвечающим за процесс принятия решений внутри организации. Здесь стоит учесть и специфику организации, которая отличается от других тем, что фактически является не международной организацией со свободой воли и принятия решений, но «продолжени-

ем» структур криминальной полиции государств, входящих в ее состав. Подобная структура накладывает отпечаток на деятельность Интерпола и требует многоуровневого согласования, что негативным образом сказывается на скорости и динамике организации. Впрочем даже в случае иной структуры организации характер ее реформ в любом случае был бы затяжным – к примеру, дебаты о реформировании Совета Безопасности и ООН в целом продолжают более 30 лет, однако никаких существенных решений до настоящего времени так и не было принято [11], в связи с чем тенденцию можно охарактеризовать как присущую современным международным организациям в целом.

Данные тенденции позволяют сделать вывод о том, что несмотря на статус, Интерпол во многом следует трендам развития современных международных организаций, что создает интересную дихотомию, в рамках которой Интерпол обладает отличным от других статусом и положением в современной международной правовой системе, но при этом является ее неотъемлемой частью и подчиняется принципам и трендам, по которым она развивается. Подобная тенденция достаточно хорошо вписывается в неоинституциональное развитие современных международных отношений [13, с. 815], где ключевая ставка сделана на увеличение объемов международного сотрудничества и проявление особой роли международных организаций вне зависимости от их уровня и статуса.

Без высокой интенсивности международного полицейского сотрудничества сегодняшняя ситуация с трансграничными преступлениями рисковала бы стать куда более угрожающей и пугающей, поэтому роль Интерпола в поддержании международной безопасности и правопорядка сложно переоценить. Организация прошла долгий и сложный путь, сумев преодолеть системный кризис и относительно успешно вписаться в современную систему международных правоотношений, являясь, по сути, международным координационным центром для национальных служб криминальной полиции и внутренних дел, совмещая этот статус с положением одного из драйверов динамики развития как региональных подсистем, так и глобальной системы международных правоотношений, что вполне естественно для организации такого уровня и размера, как Интерпол.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

1. Котляров И. И. Международная организация уголовной полиции: история и современность // Вестник Московского Университета МВД России. 2016. № 8. С. 120–124.
2. Устав Международной организации уголовной полиции (Интерпол). URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=27476> (дата обращения: 10.04.2023)
3. Рыжов В. Б. Участие Интерпола в борьбе с терроризмом // Международное право. 2020. № 2. С. 56–69.
4. Хохлов Е. Е. Роль международных структур в борьбе с незаконным оборотом наркотиков // Научный портал МВД России. 2020. № 2. С. 111–121.
5. Бакаев А. А., Рядченко Т. В., Саудханов М. В. К вопросу об основных направлениях деятельности Международной организации уголовной полиции // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 22–28.
6. Joseph M. Grieco, G. John Ikenberry. State Power and World Markets: The International Political Economy. New York, 2003. 383 p.

7. Помигуев И. А. Предметное поле законодательных исследований в политической науке // Политическая наука. 2023. № 1. С. 16–41.
8. Эриашвили Н. Д. Участие полицейских организаций в борьбе с международной преступностью: актуальные аспекты // Образование и право. 2021. № 8. С. 241–247.
9. Травников А. В. Организационные основы межгосударственного розыска и процедуры, проводимые Интерполом // Юридическая наука: история и современность. 2018. № 12. С. 118–123.
10. Ляхов Е. Г. Интерпол и противодействие организованной преступности: институциональная система и способы ликвидации международного терроризма как явления и угрозы мировому сотрудничеству (история и современность) // Вестник экономической безопасности. 2021. № 4. С. 180–189.
11. Дробот Г. А. Проблемы всеобъемлющей реформы Совета Безопасности ООН // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 4. С. 217–227.
12. Важенина И. В., Ефимова О. И. Исторические и организационно-правовые аспекты международного сотрудничества в правоохранительной сфере // Сетевое издание «Академическая мысль». 2022. № 4. С. 82–87.
13. Kraatz M. S., Zajac E. Exploring the Limits of the New Institutionalism: The Causes and Consequences of Illegitimate Organizational Change // American sociological review. 1996. № 5. Pp. 812–836.

REFERENCES

1. Kotlyarov I.I. International Criminal Police Organization: history and modernity. *Vestnik Moskovskogo Universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2016, no. 8, pp. 120–124. (In Russ.).
2. *Ustav Mezhdunarodnoi organizatsii ugolovnoi politsii (Interpol)* [Charter of the International Criminal Police Organization (Interpol)]. Available at: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=27476> (accessed April 10, 2023)
3. Ryzhov V.B. Interpol's participation in the fight against terrorism. *Mezhdunarodnoe pravo = International Law*, 2020, no. 2, pp. 56–69. (In Russ.).
4. Khokhlov E.E. The role of international structures in the fight against illegal drug trafficking. *Nauchnyi portal MVD Rossii = Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 2, pp. 111–121. (In Russ.).
5. Bakaev A.A., Ryadchenko T.V., Saudkhanov M.V. To the question of the main activities of the international criminal police organization (Interpol). *Vestnik ehkonomicheskoi bezopasnosti = Bulletin of Economic Security*, 2022, no. 1, pp. 22–28. (In Russ.).
6. Grieco J.M., Ikenberry G.J. *State power and world markets: the international political economy*. New York, 2003. 383 p.
7. Pomiguyev I.A. Subject field of legislative studies in political science. *Politicheskaya nauka = Political Science*, 2023, no. 1, pp. 16–41. (In Russ.).
8. Ehriashvili N.D. Participation of police organizations in the fight against international crime: topical aspects. *Obrazovanie i pravo = Education and Law*, 2021, no. 8, pp. 241–247. (In Russ.).
9. Travnikov A.V. The organizational basis of the interstate search and procedures conducted by Interpol at the interstate level. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' = Legal Science: History and Modernity*, 2018, no. 12, pp. 118–123. (In Russ.).
10. Lyakhov E.G. Interpol and combating organized crime: institutional system and ways of eliminating international terrorism as a phenomenon and threat to world cooperation (history and modernity). *Vestnik ehkonomicheskoi bezopasnosti = Bulletin of Economic Security*, 2021, no. 4, pp. 180–189. (In Russ.).
11. Drobot G.A. Problems of the comprehensive reform of the UN Security Council. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya = Socio-Humanitarian Knowledge*, 2017, no. 4, pp. 217–227. (In Russ.).

12. Vazhenina I.V., Efimova O.I. Historical and organizational and legal aspects of international law enforcement cooperation. *Akademicheskaya mysl' = Academic Thought*, 2022, no. 4, pp. 82–87. (In Russ.).

13. Kraatz M.S., Zajac E. Exploring the limits of the new institutionalism: the causes and consequences of illegitimate organizational change. *American Sociological Review*, 1996, no. 5, pp. 812–836.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ МИШАЛЬЧЕНКО – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, myv2008@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2162-0191>

МАРИЯ ЮРЬЕВНА МИШАЛЬЧЕНКО – ассистент кафедры гражданского и коммерческого права Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, Санкт-Петербург, Россия, mari.mishalchenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5812-0748>

ВЯЧЕСЛАВ АНДРЕЕВИЧ ТАРАНЕЦ – аспирант факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия, <https://orcid.org/0009-0009-4361-9683>

YURIY V. MISHAL'CHENKO – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of State and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, myv2008@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2162-0191>

MARIYA YU. MISHAL'CHENKO – Assistant at the Department of Civil and Commercial Law of the State Maritime Technical University, Saint Petersburg, Russia, mari.mishalchenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5812-0748>

VYACHESLAV A. TARANETS – Postgraduate Student at the Faculty of Humanities and Social Sciences of the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia, <https://orcid.org/0009-0009-4361-9683>

Статья поступила 01.11.2023